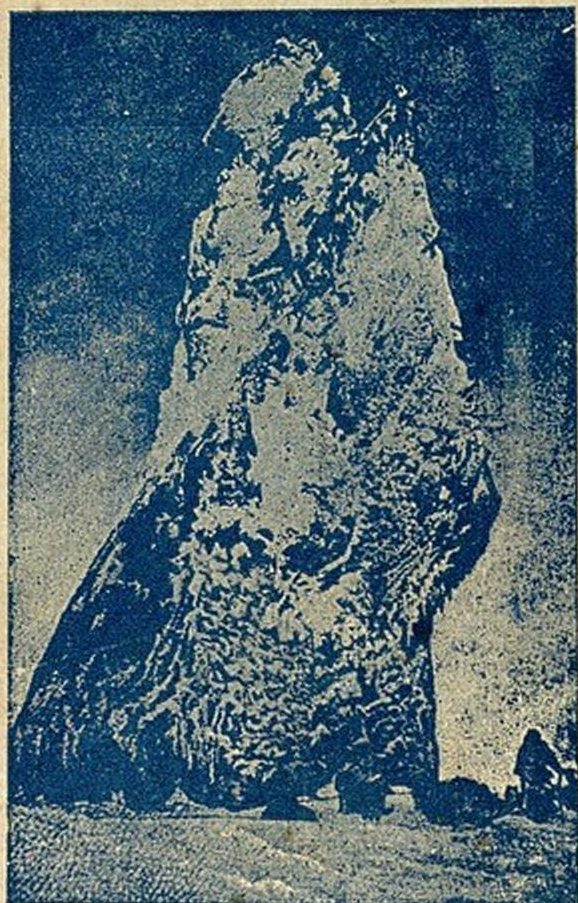

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ

Остров Врангеля

ОГИЗ — СЕВКРАЙГИЗ — 1935

ОСТРОВА СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А. И. ТОЛМАЧЕВА

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ

Остров Врангеля

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК — 1935

Б. Г. Островский

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Севкрайгиз — 1935 — Архангельск

В популярной для массового читателя форме дается описание: истории открытий и исследований на острове Врангеля, географии, геологического строения, условий навигации, климата, флоры и фауны, жизни и работы зимовщиков.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

Остров Врангеля¹ расположен в восточной части Северного Ледовитого океана, в 200 км от Чукотского полуострова. Отделенный от материка проливом Лонга, остров омывается с запада Восточносибирским морем, а с востока — Чукотским морем. Расположен под $70^{\circ} 51' 44''$ N и $178^{\circ} 46' 18''$ O от Гринвича (координаты бухты Роджерс). Длина острова — около 140 км, ширина — от 30 до 50 км, общая же площадь — около 4500 кв. км.

Остров имеет овальную форму. Берега его мало изрезаны, и сколько-нибудь вдающихся в глубь острова бухт здесь нет. Местами от берегов распространяются более или менее значительные намывные галечные косы, обычно тянущиеся параллельно берегу. Косы эти образуют удобные для стоянки гавани. Лучшей среди них является гавань Роджерс, — место расположения советской колонии.

Внутренняя часть острова возвышенна, гориста. Центральную, наиболее массивную часть горной цепи, изобилующую множеством куполообразных и конусообразных вершин, составляет наиболее возвышенная точка всего острова — пик Берри высотой в 760 метров (по другим данным — 900 метров). В восточной части острова берег также возвышен, причем утесы достигают здесь местами 200 метров.

Целый ряд научных данных свидетельствует, что остров Врангеля в давнопрошедшие времена составлял одно целое с материком. На это указывает, между прочим, нахождение на острове мамонтовых бивней. Остров отделился от материка вследствие опускания части материковой суши, составляющей ныне дно пролива Лонга, глубина которого всего лишь несколько десятков метров.

По геологическому строению (гранитные и сланцевые породы) остров Врангеля родствен Чукотскому полуострову и Аляске.

Реками остров не богат, к тому же они крайне узки и мелководны. Лишь по одной из них — реке Клер, впадающей в море в юговосточном углу у мыса Гавай, возможно плавание на шлюпке. Ледники на острове отсутствуют вовсе, большую часть поверхности его покрывает полярная тундра.

Климат острова крайне суров. Морозы достигают здесь 60° . Средняя годовая температура для данной широты необычайно низка: — $11,2^{\circ}$. Морозы наблюдаются в течение всего года, наи-

¹ Остров Врангеля получил свое наименование в честь выдающегося русского мореплавателя Фердинанда Петровича Врангеля (1796 — 1870), впервые точно указавшего местоположение острова.

более же холодный месяц — март. Полярная ночь длится здесь 64 дня (с 20 ноября по 22 января); полярный день, в течение которого солнце не заходит за горизонт, — 77 суток (с 15 мая по 30 июля).

Несмотря на весьма неблагоприятные климатические условия, остров сравнительно богат жизнью. Собранный Г. А. Ушаковым гербарий насчитывает 86 видов. Но, несомненно, этими представителями флора острова Врангеля еще не исчерпывается.

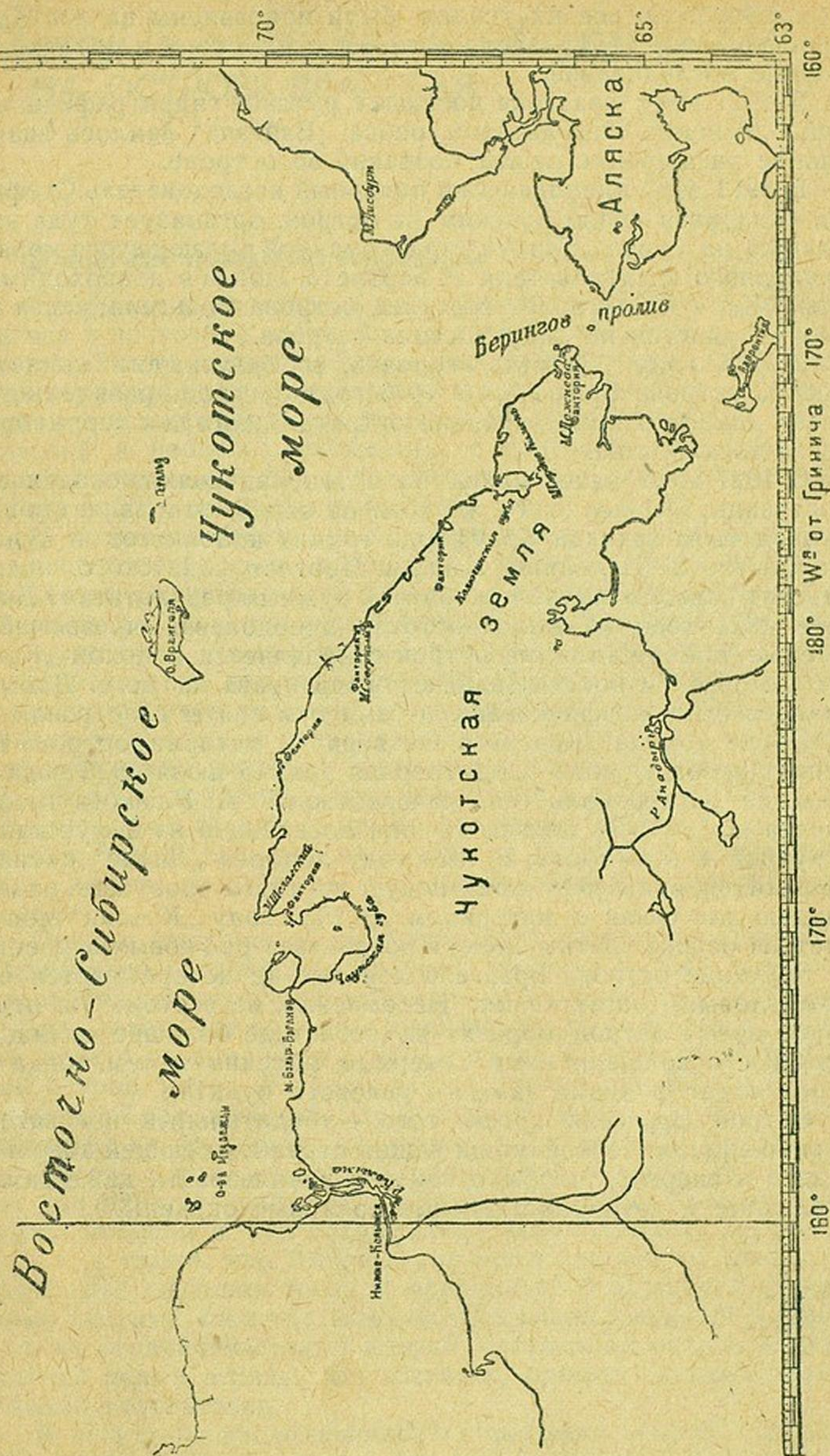
Летом на остров прилетает масса птиц. Среди них — гуси, утки, гаги, кайры, бакланы, чайки, ржанки, пуночки. Большинство пернатых гнездится на так называемых птичьих базарах — одиноких высоких скалах, расположенных вблизи берегов. Из млекопитающих характерны для острова моржи, тюлени, белые медведи, песцы, лемминги (полевые мыши). Большинство из перечисленных представителей фауны острова Врангеля является прибыльным предметом промысла.

Остров Врангеля — один из самых неприступных в ледовом отношении островов арктики. Расположенный недалеко от берега, но в силу особых природных условий вечно окруженный непроходимым барьером льдов, остров в продолжение многих десятков лет был недосыгаем. Эпопея открытия острова Врангеля — любопытнейшая и поучительнейшая страница не только в истории исследования арктики, но и в истории географических исследований вообще.

Открытие острова Врангеля предшествовал ряд слухов, сказаний и легенд, заимствованных у чукчей. Несомненно, все эти слухи, повествовавшие о некоей неведомой земле, расположенной к северу от восточных берегов Сибири, заключали зерно истины. В начале XIX века, с целью проверки этих слухов, была снаряжена в Нижнеколымск экспедиция под начальством видного русского мореплавателя лейтенанта Ф. П. Врангеля. Несмотря на энергичные попытки, Врангелю не удалось достичь искомой земли, хотя он и остался при полном убеждении, что земля действительно существует; он даже точно определил ее местоположение.

Начиная с конца первой половины XIX столетия, в поисках исчезнувшей экспедиции английского мореплавателя Джона Франклина, сибирский водный сектор усиленно посещают иностранцы. Начальник одной из этих экспедиций Келлет подтверждает, что в указанном Врангелем месте он действительно видел какую-то землю, но приблизиться к ней не смог. В 1867 году американский китолов Лонг находился всего лишь в расстоянии 18 миль от земли, но высадиться на нее из-за ледяных препятствий также не смог. В честь Врангеля, впервые точно определившего положение неведомой земли, Лонг присваивает ей имя Врангеля.

Земля привлекает все большее внимание, туда снаряжают ряд экспедиций, однако неудачных. В 1881 году отправились из Сан-Франциско на поиски исчезнувшего американского корабля „Жаннетта“ два корабля — „Корвин“ и „Роджерс“. Так как моряки полагали, что экипаж „Жаннетты“ высадился на

Ориентировочная карта азиатского побережья от Колымы до Берингова пролива

остров Врангеля, все их усилия были направлены на достижение последнего. Они благополучно и достигают его и производят впервые обследование.

В 1911 году Врангеля посещает русское гидрографическое судно „Вайгач“. Результатом рейса „Вайгача“ явилось значительное расширение наших познаний об острове.

В 1913 году американский полярный исследователь Стефансон, оспаривая право русских на остров, организует туда экспедицию на судне „Карлук“ под командой выдающегося моряка и полярного исследователя Р. Бартлета. Попав в непроходимые льды, „Карлук“ погибает севернее острова Врангеля; части же экипажа удается по льду достичь острова.

В 1914 году „Вайгач“ вторично, но безуспешно пытается достичь острова Врангеля. В 1916 году русское правительство издает декрет о присоединении острова Врангеля к территории своего государства.

С 1921 года наши права на остров начинают оспаривать иностранцы. Осенью этого же года на остров отправляется под руководством канадца Крауфорда группа колонистов и присоединяет его к владениям Канады. Протест советского правительства канадскому не приводит к нужным результатам. В августе 1924 года из Владивостока, преодолевая чрезвычайно тяжелые препятствия, на остров отправляется ледокол „Красный Октябрь“ и восстанавливает наши права на него. Добыча канадцев была конфискована, а сами они сняты с острова.

После похода „Красного Октября“ в истории острова наступает новая, крайне плодотворная эра. 15 июля 1926 года на пароходе „Ставрополь“ под начальством Г. А. Ушакова отправляется на остров первая группа поселенцев из 6 русских и 50 чукчей и эскимосов. В 1929 году ледорез „Литке“ сменяет зимовщиков, водворяет сюда новую партию и сооружает радиостанцию для связи с материком. В 1934 году „Красин“ доставляет на остров третью смену и воздвигает ряд новых строений.

Значение острова Врангеля для нас не исчерпывается его промысловыми богатствами. Несомненно, не в столь уж отдаленное время остров обратит на себя еще большее внимание в связи с осваиваемым нами Северным морским путем, когда на остров падет функция важного узлового пункта.

Остров Врангеля, кроме того,—убедительный показатель технико-экономической мощи нашей страны, имеющей довольно средств и энергии, чтобы освоить и использовать даже самые отдаленные и труднодостижимые полярные окраины.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

В поисках неведомой территории

Открытие гористого, сурового острова Врангеля, затерявшегося в восточной части Ледовитого океана, имеет долгую и увлекательную историю. Редко попыткам достичь гипотетической территории предшествовало такое множество вымыслов, легенд и всякого рода преувеличений. Фантастический клубок сказаний и небылиц, смешанных с достоверными известиями о таинственном острове и его богатствах,— все это возбудило к нему особое внимание и интерес.

С проникновением русских мореходов и промышленников на восточносибирское побережье, попутно было разрешено множество географических проблем. Сильно было желание ознакомиться и с тем, что лежит впереди — в туманной дали ледяных просторов. Коммерческие интересы, стремление открыть новые источники наживы увлекали вперед, но непреодолимые ледовые препятствия всякий раз возвращали смельчаков обратно. Однако эти попытки не прекращались. А тут еще заманчивые фантастические рассказы местных жителей — чукчей об островах, которые они якобы видели впереди в ясную погоду, о птицах, летящих с севера, и пр. Воображение работает усиленным темпом; там вдали рисуются уже не острова, а целые земли, быть может, населенные людьми и обильные промысловым зверем.

Первые сведения об островах, расположенных впереди северо-восточных сибирских берегов, сообщил в 1645 году основатель Нижнеколымского острога — казак Михайло Стадухин. Он поведал о том, как во время пребывания его на Колыме „некоторая женка“ сказывала ему, что „есть на Ледовитом море большой остров, который простирается против рек Яны и Колымы и с матерой земли виден“. Что за острова увидела „женка“ — Новосибирские ли, Медвежьи ли — сказать, разумеется, трудно.

Далее, сорок лет спустя, смоленский воевода Мусин-Пушкин получает сведения, что недалеко от устья Колымы расположен большой и, что крайне любопытно отметить, населенный остров, а также, что Америка „не очень удалена от этой части Азии“. Эти сведения воевода пересылает в Москву к французскому иезуиту Филиппу Аврилю. Отсылкой сведений в Москву дело не ограничивается; в поиски населенных островов отправляются целые отряды, не достигая, однако, никаких положительных результатов.

В 1711 году, наслышавшись о неведомых землях, сибирский губернатор Гагарин организует экспедицию под руководством

Василия Стадухина. Экспедиция эта также не увенчалась успехом. Стадухин „видал по восточную сторону реки Колымы протянувшийся с матерой земли в море нос и вокруг одного лед непроходимый, а вдали не значилось никакого острова. Жестокою морскою погодою отнесло их назад, причем они едва спасли живот свой, потому что судно у них по тамошнему обычаю построено было худо“.

Наконец, промышленник Иван Вилегин, около 1720 года, впервые весною по льду посещает первую из неведомых земель: то были Медвежьи острова. Сообщая об этом путешествии, Мусин-Пушкин пишет, что Вилегин „нашел землю, токмо не мог знать, остров ли, или матерая земля. За беспрестанными сильными ветрами и туманом невозможно было ему ездить вдоль по той земле, только приметил он на ней старые нарты и признаки, где прежде нарты стояли, а какие люди там жили, о том он не ведает. По его мнению, протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого Носа до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо колымского устья до жилищ шелагов, которые суть род чукчей. Сие ему сказал шелагский мужик Копай“.

Что за народ обитал в то время на Медвежьих островах, и по сию пору определить невозможно. Но что он обитал,— это несомненно: об этом свидетельствуют вплоть до самого последнего времени путешественники. Еще в 1925 году, побывавшие здесь на судне „Мод“ моряки нашли много остатков различных принадлежностей охоты и быта (каменные ножи, гарпуны, осколки посуды), а также старинные туземные постройки...

Наиболее серьезной попыткой проникнуть в неведомые края является предприятие сибирского губернатора Соймонова, поручившего взяться за это дело участнику знаменитой беринговой экспедиции полковнику Плениснеру. Сам Плениснер, однако, не отправился в поход; он командировал в 1763 году из Анадыря на Чукотский полуостров обрусевшего чукчу Николая Дауркина, а сержанта Андреева — на Медвежьи острова.

Через два года Дауркин вернулся и сообщил, что „против Чукотского полуострова лежат как к северу в Колымском море, так и к востоку в Анадырском море, земли“. Об одной из этих земель, лежащей к северу в Колымском море, Дауркин сообщил следующее: земля эта, по имени Тикиген, в сильную бурю, как уверял он, отгонялась волнами и ветром на одну версту в сторону, когда же буря утихала, земля снова возвращалась на прежнее место.

Еще более пикантные сведения сообщил Дауркин о землях, расположенных к востоку от Чукотского полуострова. В рапорте, присланном Плениснеру, сказано: „На той большой земле есть лес такой толщиною, как можно человеку три или четыре раза охватить. Еще ж есть лес подобный тому как кость, другие

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. I, 1758.

такие леса, что за высотой и густым стоянием тех солнце мало видится. В той земле всякие звериные промыслы, а именно: лисицы голубые, чернобурые и черные, из коих лисиц те люди платья шьют и чукчам продают; также и оленного промыслу так предовольно бывает, что зачески делают и тут петли ставят и тем тех зверей промышляют довольно число. Еще есть в северной стороне оленные люди, коих называют эти чукчи Храхой, и у тех людей копья и ножи медные, а медь у них красная. Говорят по-чукотски. Есть же особая земля, на коей живут весь женский пол, а плод имеют от морской волны, и рождаются все девки. Еще же есть земля, на ней живут люди... Питание имеют такое: когда сварят оленья мясо, то нюхают и в рот глотают один от мяса горячий пар и тем сыты бывают, а потом то вареное мясо бросают. Да есть же земля особливая, на ней живут маленькие люди; называют их чукчи пачучаны.¹

Все эти небылицы Дауркин повидимому позаимствовал у чукчей из их легенд и сказаний. Однако сообщение Дауркина, что на север от Чукотского полуострова простирается обширных размеров земля, является ценным и любопытным, так как впервые правильно намечает местоположение интересующего нас острова Врангеля.

Путешествие сержанта Андреева, отправившегося в поход в сопровождении казака Федора Татаринова и юкагира Ефима Коновалова, протекало иначе. Выйдя в марте 1763 года из Нижнеколымска по направлению к устью реки Крестовой, он по льду переправился на Медвежий острова. Инструкция поручала ему „с того пятого острова ехать на имеющуюся впереди к северной стороне большую землю“. Трудные условия передвижения, в связи с острым недостатком корма для собак, заставили его возвратиться обратно в Нижнеколымск. Что же касается местоположения „большой земли“, к которой он направлялся, то Андреев дал о ней крайне неопределенные сведения. Он сообщил лишь, что видел, равно как и его спутники, „в полуденной стороне камень“, „и в восточной стороне несколько к северу видна была только синь или чернь, но что она такое, море или матерая земля, сказать не могут“.

На следующий год, по настоянию Плениснера, оставшегося не удовлетворенным полученными им скудными сведениями, Андреев вновь отправляется в поход. Но и вторая экспедиция немного прибавляет к первоначальным сведениям. В составленном в 1785 году Чернышевым донесении о результатах вторичного похода Андреева мы читаем: „В 1764 году сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов усмотрел в великой отдаленности полагаемый им величайший остров, куда и отправился льдом на собаках. Но, не доезжая того верст за двадцать, наехали на свежие следы превосходного числа на оленях в саних неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились в Колыму“.

¹ Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевской Земли. „Изв. Русск. Геогр. общ.“, XII, 1876.

Эти сведения имели, однако, большое влияние на дальнейший ход представлений относительно неведомой земли к северу от сибирских берегов и послужили предметом для многочисленных дискуссий. Земля эта получила даже наименование Земли Андреева. При обсуждении догадок, голоса, как обычно бывает в подобных случаях, разделились. Одни были на стороне Андреева и доказывали, что он подлинно своими собственными глазами видел неизвестную территорию (так думали, например, Петерман и А. Норденшельд), другие же, в том числе Карл Бер и Майдель, с большой резкостью отрицали это. Мы не будем долго останавливаться на этой дискуссии. Нас больше интересует сейчас, что увидел Андреев: остров ли Врангеля, или другую, еще и по сие время не открытую территорию?

Повидимому, первое предположение отпадает. Об этом свидетельствует указание самого же Врангеля. Когда в 1820 году, прибыв в Нижнеколымск на основную базу экспедиции, Врангель стал собирать у местных жителей сведения „о предметах, относящихся к цели экспедиции“, он к своему удивлению убедился, что здесь никто и не слышал об открытиях Андреева, а между тем о походах Павлущкого, бывших гораздо ранее, местные жители знали в подробностях. „Замечательное открытие Андреева могло ли быть забыто, когда помнили поездку его к Медвежьим островам? Признаюсь, все сии соображения не поселяли в нас большого доверия к открытиям сержанта Андреева“, — замечает Врангель.

Но какую-то землю Андреев, вероятно, видел. В последнем случае перед нами — до сих пор не разрешенный вопрос.

Проф. В. Ю. Визе в своем интересном критическом анализе о гипотетической Земле Андреева¹ говорит, что „вопрос о существовании этой земли и в настоящее время остается не разрешенным“, ибо „наши сведения о режиме вод, окружающих белое пятно Земли Андреева, также не дают достаточных оснований, чтобы высказаться о существовании этой гипотетической земли в том или другом смысле“.

Вопрос о Земле Андреева интересен для нас не как указание сержанта Андреева на остров, получивший впоследствии наименование острова Врангеля (как мы убедились выше, этого острова Андреев увидеть не мог). Нам необходимо было лишь подчеркнуть, что в исторической последовательности событий, приведших к получению указаний об интересующем нас острове и стоящих в связи с путешествиями Врангеля, история работ Андреева сыграла немаловажную роль.

Знаменитое путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю было выполнено Врангелем в период с 1820 по 1824 год; преследовало оно двоякую цель. Прежде всего необходимо было разыскать ту землю (на севере от Чукотского полуострова), существование которой, как мы видели, удостоверялось многими слухами; во-вторых, Врангелю пред-

¹ В. Ю. Визе. Земля Андреева. „Arctica“, книга I. Издание Всесоюзного Арктического института. Л. 1933.

писывалось произвести точнейшее описание берегов Сибири между Яной и Колымой и далее за Шелагским мысом. Для выполнения этого задания были сформированы два отряда: один под начальством лейтенанта Анжу должен был отправиться на реку Яну, другой же, которому предписывалось начать изыскания от реки Колымы, был поручен Врангелю.

Нас естественно больше интересует работа второго отряда. Отряд этот по численному составу был невелик. Помощниками Врангеля были — мичман Матюшкин, штурман Козьмин, доктор медицины Кибер, к тому же „сведущий по части естествознания“, слесарь Иванинков и матрос Нехорошков, хорошо знакомый с плотничьим ремеслом.

В специально составленной для путешественников инструкции, Государственный Адмиралтейский департамент изложил цель и средства путешествия. Здесь особенно подчеркивался опыт прежних пловцов по Ледовитому морю, уже достаточно ясно показавший, что производить в летнее время опись берегов на мореходных судах из-за льдов невозможно. Так, сержант Андреев, — пояснялось далее, — в 1763 году и Геденштром с геодезистом Пшеницыным в 1809—1810—1811 годах „в весеннее время, с удобностью по льду на собаках объезжали и описывали, первый — Медвежий острова, а двое последних — Ляховские острова и Новую Сибирь“, а посему таковыми же способами надлежит руководствоваться и начальнику посылаемой экспедиции.

Иными словами, незаменимыми помощниками участников экспедиции должны были явиться собаки — единственно возможный транспорт для открытия „обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии.“ По подсчету самого Врангеля, для осуществления возложенных на него задач ему необходимо было 50 нарт и 600 собак! Целая собачья армия, которой ему, конечно, не удалось раздобыть.

Двухтомный труд Врангеля, изданный на русском языке в 1841 году¹ и затем переведенный на французский и английский языки, по всесторонности описания представляет выдающееся явление в географической литературе. Здесь содержатся самые разнообразные географические материалы: картины природы, описание страны, нравы и обычаи народонаселения, промыслы и богатства Сибири. Из всего этого богатого материала мы сможем использовать, разумеется, лишь немного, непосредственно относящееся к нашей теме.

Оба отряда экспедиции отправились из Петербурга в марте 1820 года и лишь в ноябре прибыли в Нижнеколымск на основную базу путешествия. Готовясь к предстоящей поездке, Врангель всего больше был озабочен подбором подходящих собак и их обучением. „В подобных занимательных для нас изысканиях, упражнениях на обсервации и опытах над скоростью бега собак проходило время неприметно, и каждый день научал нас чему-нибудь новому“.

¹ Впервые труд Врангеля появился в 1839 году на немецком языке с предисловием географа К. Риттера.

Непривычные к якутской зиме путешественники страдали от морозов настолько свирепых, что захватывало дыхание, а лед, по здешнему обычаю вставленный в окна вместо стекол, трескивался. „В избе моей,— пишет Врангель,— пылал беспрестанно огонь, но, невзирая на то, в ней было так холодно, что я принужден был сидеть в шубе и теплых сапогах, и когда писал, то чернила мои отогревались в горячей воде“.

Близилось время отправления. Вместо 50 нарт и 600 собак он имел лишь 6 нарт с соответствующим числом собак. В дополнение к шести нартам, предназначенным лишь для продовольствия, были приготовлены еще три нарты, нагруженные приборами, снаряжением и одеждой.

18 февраля экспедиция тронулась в путь. Промежуточной базой Врангель избрал небольшой островок, расположенный в устье восточного рукава Колымы. Здесь он нашел сооруженные нижеколымскими промышленниками два сарая, „служащие защитой от сильных морских ветров“. „Это подобие человеческого жилья называлось Сухарное. Местность, по которой продвигались наши путешественники, произвела на них самое безотрадное впечатление“. „Здесь глазам представляется,— замечает Врангель,— необозримая снежная равнина, и ужасное однообразие прерывается только кой-где выставленными ловушками для песцов. Со временем привыкаешь ко всему, но первое впечатление при виде необъятного пространства земли, покрытого саваном снегов, ни с чем не может сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывая все темнотою, производит какую-нибудь перемену“.

Отсюда, в конце февраля, отряд Врангеля двинулся вдоль берегов Ледовитого океана на восток, намереваясь, насколько позволят обстоятельства, продвинуться возможно дальше. Морозы, упорно державшиеся ниже — 30°, сильно тормозили движение наших путешественников. Приходилось часто разбивать палатку, чтобы отогреться чаем. Шесть тонких, длинных шестов, воткнутых в снег и связанных в верхних концах, обтягивались оленьими шкурами, получалась коническая палатка. „При бурной погоде,— замечает Врангель,— в сих странах обыкновенно господствующей, жилище наше было в беспрестанном движении и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что нас нимало не беспокоило; гораздо неприятнее бывало, когда ветер срывал всю палатку. Но и к тому привыкли мы впоследствии и, покрывая внешние стороны палатки до некоторой высоты снегом, вовсе отклоняли такое неудобство“.

Установленный палаточный режим соблюдался Врангелем и во все его последующие путешествия по востоку Сибири. Путешествие совершалось обыкновенно в расстоянии от 50 до 300 сажен от морского берега, „море было покрыто твердою и гладкою снежною корою, по которой наши нарты, снабженные ледяными полозьями, так легко скользили, что собаки без всякого принуждения бежали очень скоро“. Убийственное однообразие раскинутых вокруг снежных равнин настолько удручало, что путники каждый раз испытывали особенную радость, встре-

чая по пути груды покинутого на берег плавника. Однако продвижению и производству различных наблюдений мешал холод. Например, при работе с секстантами, кожа пальцев и лица так примерзала к инструментам, что на пораженных местах образовывались воспаления и раны. Приходилось прибегать к особым предосторожностям, как то: обвертывать инструменты войлоком, при наблюдениях задерживать дыхание, „иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонким слоем льда или инеем, что происходило даже от одной испарины нашего тела“. „Несмотря на то, мало-по-малу достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюдения при 30° мороза, и ночью, при тусклом свете маленького ручного фонаря, с достаточной точностью сосчитывали на дуге секстанта градусы, минуты и секунды...“

Остроумное изобретение, введенное Врангелем для защиты собак от холода и поражений лап, заслуживает особенного внимания полярников. На лапы собакам надевался род обуви, сшитой из прочной кожи, „а более чувствительные, менее прочные покрытые волосами и замерзанию подверженные части тела“ обвертывались лоскутками шкур. Эта небольшая предосторожность принесла всем экспедициям Врангеля огромную пользу, сохранив в целости собак.

Наконец, путники достигли северозападной оконечности Шелагского Носа. „Путь около него,—повествует Врангель,—превозмогал трудностями и опасностью все, доселе нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутые, в девяносто футов вышиною, ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый наносный снег; иногда встречали мы между торосами не покрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что мы должны были сами запрягаться и вместе с собаками, с величайшими усилиями тянуть сани, чтобы не остаться на дороге. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли нам мыс. В тех местах, где мы приближались к берегу, состоял он из черной, плотной и блестящей, неизвестной мне каменной породы и являлся в виде правильных, наклонно лежащих столбов до 250 футов вышиною, между которыми кой-где проглядывали в несколько сажен ширины, полосы белого мелкозернистого гранита. Мрачные черные утесы; веками нагроможденные никогда не растаивающие ледяные горы; необозримое вечным льдом скованное море, все освещенное слабыми скользящими лучами едва поднимавшегося над горизонтом полярного солнца; совершенное отсутствие всего живущего и ничем не прерываемая могильная тишина—представляли нам картину как будто мертвой природы, которую описать невозможно. Казалось, мы достигли пределов живого творения“.

Несмотря на все эти затруднения, Врангелю все же удалось обследовать берег еще на 55 км по ту сторону мыса и окон-

чательно убедиться, „что берег Азии миль на 40 к востоку от Шелагского мыса имеет юговосточное направление“. Мы обозначили предел нашей поездки пирамидою, сложенною из больших камней, недалеко от устья ручья на довольно значительном холме и определили его положение в $70^{\circ} 0' 37''$ широты и $171^{\circ} 47'$ долготы к востоку от Гринвича. Пирамида сия отстоит от Сухарного на 418 верст“. Итак, Врангель, удостоверившись, что на север далее простирается море, тем самым опроверг мнение, что в этом месте находится перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

Возвращаясь обратно, путники, к несчастью своему, обнаружили, что оставленные ими на дороге склады с провиантом разрыты и съедены песцами и росомахами. Последние дни они вынуждены были поэтому, „томясь голодом, продолжать путь на обессиленных и измученных собаках“. 13 марта, после долгого отсутствия, преодолев 1197 км, крайне усталые, путешественники вернулись в Нижнеколымск.

На следующий год Врангель снова отправляется в поход. 15 марта он снова в Сухарном, а через десять дней с 22 хорошо снаряженными нартами, растянувшимися на целых полкилометра, выступает к Малому Баранову камню, откуда намеревается идти уже прямо в открытое море на поиски неизвестной земли. Опыт предыдущего года дал Врангелю очень многое; все, что было недостаточно учтено и предвидено в прошлую поездку, теперь было устранено, и всякая деталь тщательно продумана. „Нарты, каждая с грузом в 30 пудов, были плотно обвернуты и обвязаны; полозья, облитые несколько раз водою, снабжены были толстыми ледяными тормозами; собаки, отдохнувшие и хорошо откормленные, видимо поправились“. Для путешествия по льду предосторожности эти были особенно необходимы.

У Баранова камня перед путешественниками открылась „необозримая, гладкая ледяная равнина. Словно острова среди океана, подымались на ней изредка отдельные блестящей белизны льдины. Надежда на быстрое и безостановочное путешествие изгладилась у нас из памяти всякое воспоминание о перенесенных трудах. Сначала мы смотрели на ровную, неподвижную поверхность с приятным чувством, какое испытывает мореходец, выбравшись в открытый океан из опасных прибрежных отмелей. Вскоре, однакож, уверились мы в бесконечном различии между оживленным, непрерывно движущимся океаном и убийственной однообразностью окружавшей нас ледяной пустыни, вид которой утомлял взор и наводил невольное уныние на человека“.

Вихрем понеслись собаки по гладкой поверхности моря. В короткое время в прямом направлении на север проехали 13 км. Необозримые снежные степи, ярко отражавшие лучи света, уже на второй день пути стали болезненно раздражать глаза. Врангель и его спутники надели очки, а иные и просто завязали глаза, на остановках же смачивали их вином. А вот каким способом лечились проводники: „Они насыпали по вечерам в глаза несколько нюхательного табаку и после мучительной ночи чувствовали на утро значительное облегчение“. Избегая ослепитель-

ного солнечного света, Врангель в дальнейшем продолжал путешествие по ночам, они были почти совершенно светлы; днем же отдыхал.

Но недолго продвигались путники беспрепятственно по гладкому пути. Появились торосы, продвижение замедлилось. Износившиеся нарты приходилось постоянно чинить, собаки были изнурены и обессилены. Сооружая продовольственные базы на льду, Врангель отпускал опорожненные нарты обратно. К началу апреля осталось только 6 нарт с продовольствием на две недели.

Обстановка создавалась все более грозная и величественная. По ночам слышались „треск ломающихся льдов и глухой шум, подобный отдаленным перекатам грома“. Врангеля все более удивляет поразительное искусство его проводников, одаренных каким-то чудесным инстинктом — без всякого компаса, „несмотря ни на извилистые полосы торосов, ни на необозримые, однообразные ледяные поля“, — держать по определенному направлению курс и запоминать его при возвращении обратно. „Среди самых спутанных гряд торосов, объезжая огромные горы, сворачивая то направо, то налево“, они всегда находили тот же путь, который пролагал и Врангель, вооруженный компасом.

Непреодолимые препятствия в виде сплошных нагромождений торосов кладут предел энергии путешественников. Все усилия преодолеть эти преграды напрасны. Врангель решается „на измученных собаках и поврежденных санях“ ехать обратно. На обратном пути он побывал на Медвежьих островах, вновь осмотрел их и дал подробное их описание. После 36-дневного отсутствия, пройдя всего около 1300 км „по лабиринту торосов и опасных полыней“, 28 апреля Врангель благополучно достиг Нижнеколымска. Главная цель путешествия — открытие расположенной против устья Колымы земли — и на этот раз не увенчалась успехом. Никакой новой земли или острова или даже признака их Врангель не обнаружил.

Неудача не остановила энергичного исследователя. Твердая уверенность в том, что в северо-восточном направлении существует неведомая земля, заставляет Врангеля вновь отправиться в поход. 10 марта Врангель отправляется на 24 нартах в третье свое путешествие — опять к Большому Баранову камню, чтобы оттуда выйти в море и двигаться по льду в северо-восточном направлении.

О трудности опасного путешествия, сопряженного с разными неожиданностями, наилучшее представление дают следующие записи Врангеля: „Езда между торосами, — повествует он, — была сопряжена с большими опасностями и трудами. Между прочим, при переправе через один из высочайших торосов, когда поднялись мы на самую вершину его, ремень, прикреплявший упряжь к моим саням, лопнул. Собаки стремглав полетели вниз а я с нартой остался недвижим на вершине. К несчастью, собаки встретили свежий медвежий след, с лаем и визгом бросились за зверем и вскоре исчезли из вида. Положение наше было критическое... Мы долго и напрасно искали убежавших собак и наконец нашли их почти в четырех верстах от нас в самом

жалком положении. Длинный ремень, волочась за ними, зацепился в трещине между двумя льдинами и остановил их, причем они совершенно выбились из сил“.

Далее запись от 24 марта: „Трудность сегодняшнего путешествия превосходила все доселе нами испытанное. С помощью пешней пробивались мы через гряду плотных торосов неимоверной вышины. Лед их был чрезвычайно тверд. Местами был он смешан с голубоватою глиною и крупным песком. Почти на каждом шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на все предосторожности, сани скользили с гладких хребтов торосов и падали в промежутки, подобные оврагам. Вытаскивать оттуда нарты, держась на узкой и скользкой полосе льдины, стоило несказанных трудов“.

День 27 марта как будто сулил Врангелю большую удачу, цель всех его тщетных попыток открыть землю казалась достигнутой. Рано утром штурман Козьмин объявил начальнику, что явственно видит с вершины тороса выдвигающиеся в северо-восточном направлении два холма. В зрительную трубу ничего обнаружить не удалось. Мнения разделились: „Мы оба, я и Козьмин,— пишет Врангель,— наверное полагали, что видим землю, а наши проводники уверяли, что то были подымавшиеся из открытого моря пары, издали получавшие темносиний цвет“.

Тем не менее путники ускоренным маршем двигаются навстречу искомой земле. „Чем далее ехали мы,— рассказывает Врангель,— тем явственнее становились замеченные нами возвышения, и скоро приняли они вид недалекой гористой земли. Холмы резко окрасились; мы могли различать долины и даже отдельные утесы. Все уверяло нас, что после долгих трудов и препятствий открыли мы искомую землю. Поздравляя друг друга с счастливым достижением цели, мы спешили далее, надеясь еще до наступления вечера вступить на желанный берег. Но наша радость была непродолжительна, и все прекрасные наши надежды исчезли. К вечеру, с переменою освещения, наша новооткрытая земля подвинулась по направлению ветра на 40°, а через несколько времени еще обхватила она весь горизонт так, что мы, казалось, находились среди огромного озера, обставленного скалами и горами. Потеряв едва родившуюся надежду, остановились мы в самом неприятном расположении духа на ночлег, проехав сегодня между торосами всего 40 верст“.

Жертвы оптического обмана, наши путешественники с грустью убедились теперь, что и третье их путешествие по льду не принесло ожидаемых результатов. Мужественные моряки были вынуждены возвратиться.

Наступила весна. „Ледовитое море,— пишет Врангель,— свергало с себя оковы зимы; огромные ледяные поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтах бушующих волн, с треском сшибались и исчезали в пенящейся пучине и потом снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытые илом и песком. Невозможно представить себе что-нибудь подобное сему ужасному разрушению. Необозримая, мертвая, одноцветная поверхность колеблется; ледяные горы, как легкие щепки, возно-

сятся к облакам; непрерывный громовой треск ломающихся льдин смешивается с шумом бушующих волн, и все вместе представляет единственную в своем роде, ни с чем не сравнимую картину". Это описание вскрытия льдов дает нам хорошее представление о тех поистине непреодолимых затруднениях, которые должны были в последующие времена претерпевать суда, направлявшиеся к затерянному во льдах острову.

Вернувшись 5 мая после 57-дневного отсутствия в Нижнеколымск и взвесив все обстоятельства проделанного, в общей сложности около 1500 км, путешествия, Врангель приходит к заключению, что он прошел повидимому лишь половину расстояния до неизвестной земли. "Наши неудачные опыты открытия предполагаемой земли нисколько не опровергают ее существования, а только показывают, что мы, несмотря на все усилия, не могли ее отыскать. Впрочем, не смею утверждать, чтобы непреодолимые препятствия, встреченные нами, и впредь сделали подобные попытки безуспешными..."

Перед нами четвертое и последнее путешествие Врангеля. Он разделил теперь свою экспедицию на два отряда: первый отряд, под руководством Матюшкина, должен был заняться описанием чукотского берега до Северного мыса; второй же, возглавлявшийся Врангелем, снова отправился по льду в Ледовитое море, "чтобы еще раз попытаться отыскать предполагаемую там большую землю".

В это путешествие Врангель повстречался с чукчами. Между ними выделялся старик. "Смелые и быстрые движения его обнаруживали сильное телосложение, а маленькие блестящие глаза выражали мужество и самонадеянность". Старик-чукча сообщил, что он начальник чукотских племен, обитающих по берегам Чаунского залива. Завязался оживленный разговор через переводчика. Врангель после долгой беседы обратился к нему с вопросом: "не существует ли какая-нибудь земля на море к северу от чукотских берегов?" Старик рассказал ему следующее:

"Между мысами Ерри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным), близ устья одной реки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимою их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно, оттуда, большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, они теперь уже больше не показываются. Сам я однажды в апреле целый день преследовал стадо оленей на своих санях, запряженных двумя оленями, но должен был вернуться, так как не мог преодолеть льдов. Повидимому, горы эти не на острове, а на такой же пространной земле, на которой живет и наше племя. От своего отца я слышал, что в давние времена один чукотский старшина со всеми своими домочадцами отправился на эту землю на большой кожаной байдарке, но что нашел он там, и вообще возвратился ли оттуда, мне неизвестно. Я думаю, что земля эта и посейчас населена".

Перед нами важнейший момент в истории открытия Врангеля. Рассказ старика-чукчи, в сущности, первое достоверное

известие о существовании интересующего нас острова. Если все предыдущие экспедиции, организованные на поиски земли к северу от колымского устья, опираясь на недостоверные указания, имели в виду какие-то другие земли, или же попросту являлись жертвами мистификации, то в данном случае всякое сомнение отпадает: перед нами бесспорный факт существования острова Врангеля, лишь не увиденного самим исследователем.

Вновь окрыленный надеждой, Врангель на следующий же день двинулся через перешеек в направлении к восточной стороне Шелагского мыса. Трудность продвижения осложнилась 26-градусными морозами с сильнейшим северо-восточным ветром, опрокидывавшим сани; вдобавок поднялась сильнейшая метель, и все исчезло из глаз. „Вероятно,—замечает Врангель,—многие из наших спутников заблудились бы во льдах, если бы увеличивающиеся торосы не показывали им отдаление земли“. К вечеру ветер стих, и измученные люди и собаки расположились на ночлег недалеко от устья реки Веркона. На утро, нагрузив плавник (выкидной лес), двинулись вперед по льду, теперь уже прямо на север в открытое море на поиски земли. Чтобы без надобности не утомлять своего транспорта, Врангель в 4 км от берега соорудил во льду склад продовольствия, а опорожненные нарты сейчас же отправил обратно в Нижнеколымск.

Дорога становилась все более тяжелой. Могучие торосы, проход через которые приходилось прорубать пешнями, вскоре настолько утомили путников, что они волей-неволей принуждены были остановиться на ночлег. На следующий день удалось продвинуться только на 5 км. Опять поврежденные нарты, опять необходимость сооружать склад во льду и обратная отсылка восьми нарт. „Мы вырубили во льду,—пишет Врангель,—две ямы и положили в них провианта и корма для собак на 23 дня“.

Но, как ни старался Врангель облегчить свой транспорт и двигаться налегке, все новые препятствия становились на его пути. В ночь на 18 марта сильный шторм разломал на большом протяжении лед и привел его в движение. По всем направлениям поползли трещины, они ширились и на все большее расстояние разделяли одну льдину от другой. В результате передвижек льда путешественники очутились на отдельной льдине величиною метров 100 в поперечнике. „Льдина, на которой мы находились, носилась по морю. Так провели мы часть ночи в темноте и ежеминутном ожидании смерти. Наконец наступило утро, и ветер сплотил нашу льдину с другими так, что вечером 18 марта были мы снова на неподвижной ледяной поверхности“.

С невероятными трудностями, где перелезая через стену торосов, где обходя огромные полыньи, а где быстрым маршем переходя через тонкую пленку молодого льда, грозившего ежеминутно поглотить путников, они все же продвигались вперед.

Как-то утром Врангель заметил впереди длинную сомкнувшуюся цепь торосов, за которыми виднелись плотные ледяные поля. Однако, чтобы пройти туда, необходимо было преодолеть

изрядное пространство тонкого льда, отделявшего путешественников от полей, суливших хороший, ровный путь. Как тут быть? Уж слишком рискованной казалась переправа через тонкую ледяную корку. Стали совещаться. „Мнения моих проводников,— пишет Врангель,— были различны. Однако я решился на сие предприятие, и при невероятной скорости бега собак удалось нам оно лучше, нежели мы ожидали. Под передними санями лед гнулся и проламывался, но собаки, побуждаемые проводниками и чуя опасность, бежали так скоро, что сани не успевали погружаться в воду и, быстро скользя по ломавшемуся льду, счастливо достигли до противоположного края... Здесь принуждены мы были дать отдых утомленным собакам“.

Но и далее лед был столь же ненадежен. К довершению трудностей, корм для собак оказался совсем на исходе. Врангель, спасая положение, отправляет на ближайшую базу еще две нарты и только с двумя последними решает продолжать путь на север. „Мы видели совершенную невозможность проникнуть далеко на север,— признается Врангель,— но, несмотря на то, продолжали путь“.

Но вот опять трещина, огромная, непреодолимая, в самых узких местах шириною до 300 метров. Простираясь на восток и на запад до самых краев видимого горизонта, полынья совершенно преграждала дорогу путешественникам. „Усилившийся западный ветер более и более расширял сей канал, а быстрота течения в нем на восток равнялась полутора узлам. Мы взлезли на самый высокий из окрестных торосов, в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море... На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую. Можно было предвидеть, что сила волнения и удары ледяных глыб сокрушат сию преграду, и море разольется до того места, где мы находились. Может быть, нам удалось бы по плавающим льдинам переправиться на другую сторону канала, но то была бы только бесполезная смелость, потому что там мы не нашли бы уже твердого льда. Даже на нашей стороне, от ветра и силы течения в канале, лед начал трескаться, и вода, с шумом врываясь в щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ехать далее! Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силою стихий и явною невозможностью было безрассудно и еще более — бесполезно. Я решился возвратиться“.

Несмотря на всю настойчивость Врангеля, презрение к опасностям и лишениям, ему так и не удалось открыть землю, в существовании которой он был уверен. Мало этого, он вполне точно наметил местоположение острова на карте и указал путь к его достижению.

По возвращении на берег исследования Врангеля не закончились. Он прошел от устья реки Веркона, все время описывая берег, на восток до губы Колючинской. Обогащенный многими и разнообразными познаниями, Врангель со всеми своими спут-

никами 10 мая благополучно возвращается в Нижнеколымск. Он просит продлить экспедицию до следующего года, но ему отказывают, отзывая в Иркутск.

Хотя Врангель и не открыл земли ни против устья Колымы, ни против мыса Шелагского, однако уверенность в ее существовании в определенном месте не подлежала сомнению. „Горы видятся с мыса Якона в летнее время“, — эта надпись, сделанная на составленной им карте (с точным нанесением гор в месте, где оказалось впоследствии местоположение острова), стала отныне притягательным магнитом для многих отважных мореплавателей.

Результатом четырехлетнего путешествия Врангеля явилась также вполне доказанная истина, что американский берег не расположен вблизи сибирских берегов и не связан с последними никаким перешейком.

Большой заслугой Врангеля является постановка им во время его пребывания в далекой Сибири первой метеорологической службы в северной Якутии. Под его руководством, в период с декабря 1820 года по март 1823 года с перерывами на время навигации, в Нижнеколымске велись ежедневные метеорологические наблюдения в четыре срока. Эти наблюдения были впоследствии использованы в труде К. Веселовского — „О климате России“ и в книге „О температуре воздуха в России“.

Открытие острова

Начиная с конца первой половины XIX столетия, сибирский водный сектор усиленно посещают иностранные экспедиции. Привлекает их сюда напряженное желание отыскать хоть какие-нибудь следы бесследно исчезнувшего знаменитого английского мореплавателя Джона Франклина (1786—1848 гг.), отправившегося в 1845 году через Баффинов залив для открытия северо-западного прохода и исчезнувшего бесследно со всеми своими спутниками. История экспедиции Франклина и поисков ее представляет одну из самых драматических и вместе интереснейших страниц исследования арктики.

В числе моряков, искавших Франклина, участвовал английский капитан Келлет — командир экспедиционного судна „Геральд“. В августе 1849 года он отправился (в сопровождении корабля „Плоуер“ под командой Мура) с американского берега в западном направлении. Льды ему благоприятствовали, и он вскоре же открыл расположенный в соседстве с островом Врангеля небольшой скалистый островок, который и назвал по имени своего корабля островом Геральд. Подойдя вплотную к острову, он высадился на берег, произвел поверхностный осмотр его, соорудил мачту и поднял на ней британский флаг.

Благоприятные атмосферные условия позволили Келлету в первый же день его пребывания на новооткрытом острове сделать интереснейшее наблюдение. С корабля ясно различали в западном и северном направлениях вырисовывавшиеся вдали вершины гор. Не было никаких сомнений, что впереди расположена довольно значительных размеров земля, спускавшаяся

к морю уступами. Келлету казалось также, что впереди земли он видит еще несколько небольших островков с холмистыми вершинами. К сожалению, льды не дали возможности приблизиться к замеченному острову. В честь другого корабля флотилии Келлета неведомая территория была названа островом Плоуер.

По возвращении Келлета на материк никто уже из географов и моряков не сомневался, что пред ними отнюдь не случай коллективного оптического обмана; увиденная с „Геральда“ территория была вскоре же нанесена на карты с обозначением „Земля Келлета“. Местоположение земли по широте в точности совпадало с местом „гор, видневшихся с Якона“, обозначенных в свое время Врангелем, но по долготе расходилось с ним миль на сто.

Казалось бы, и в дальнейшем не могло быть никаких сомнений в том, что в определенно указанном двумя морями месте действительно расположен остров, и открытие его есть лишь дело времени. Но не все географические открытия даются легко, и на примере острова Врангеля мы особенно ясно видим это. Не прошло и шести лет, как уверенность в существовании в указанном месте острова снова была поколеблена. Американец Роджерс, плававший в Восточносибирском море на экспедиционном судне „Винсент“, громогласно заявил, что никакой территории на указанном Врангелем и Келлетом месте он не обнаружил. Заявление Роджерса вполне естественно вызвало оживленные толки.

Однако в длинной истории острова Врангеля 1867 год имел решающее значение, ибо окончательно был разрешен долголетний спор и существование острова окончательно доказано. Совершенно случайно, имея задания отнюдь не научные, американский промышленник Лонг на китобойной барке „Нил“ прокладывал себе путь вдоль азиатского побережья Сибири. Добравшись почти до Чаунской губы, он повернул на север, а затем на восток и, следуя далее этим курсом, приблизился к берегам неизвестной, столь долго разыскиваемой земли.

О своем открытии Лонг сообщал так: „14 августа, вечером, эта земля была впервые замечена с барки „Нил“, а на другой день, в 9½ часов утра, наше судно находилось в 18 милях от западной оконечности ее. Мне удалось в этот день сделать отличные наблюдения; я определил эту точку под 70° 46' с. ш. и 178° 31' в. д. Низменные части этой земли вовсе не были покрыты снегом и казались даже зелеными, как будто на них была пышная растительность. С 15 по 16 августа мы плыли вдоль этой земли в восточном направлении и подходили к ней на расстояние 15 миль. Погода была замечательно ясная и тихая, и мы могли хорошо рассмотреть среднюю и восточную части этой земли. Почти на середине острова, приблизительно под 180° долготы, видна была гора, похожая на погасший вулкан; по глазомерному измерению она достигала 2480 футов высоты. Затем мы обогнули юговосточный мыс земли, которому дали название Гавай (70° 40' с. ш. и 178° з. д.). Нельзя было определить, далеко ли эта земля тянется к северу, но, насколько можно

было окинуть глазом, горные кряжи ее далеко простирались внутрь. От капитана корабля „Наutilus“ Бливена я узнал впрочем, что к северо-западу от острова Геральда он видел еще землю протяжением до 72° с. ш.“¹

Новооткрытому острову, на который он, однако, не смог высадиться, Лонг дал имя Врангеля, мотивируя это тем, что Врангель впервые сообщил определенные сведения о существовании острова. Имя Врангеля прочно удержалось за островом.

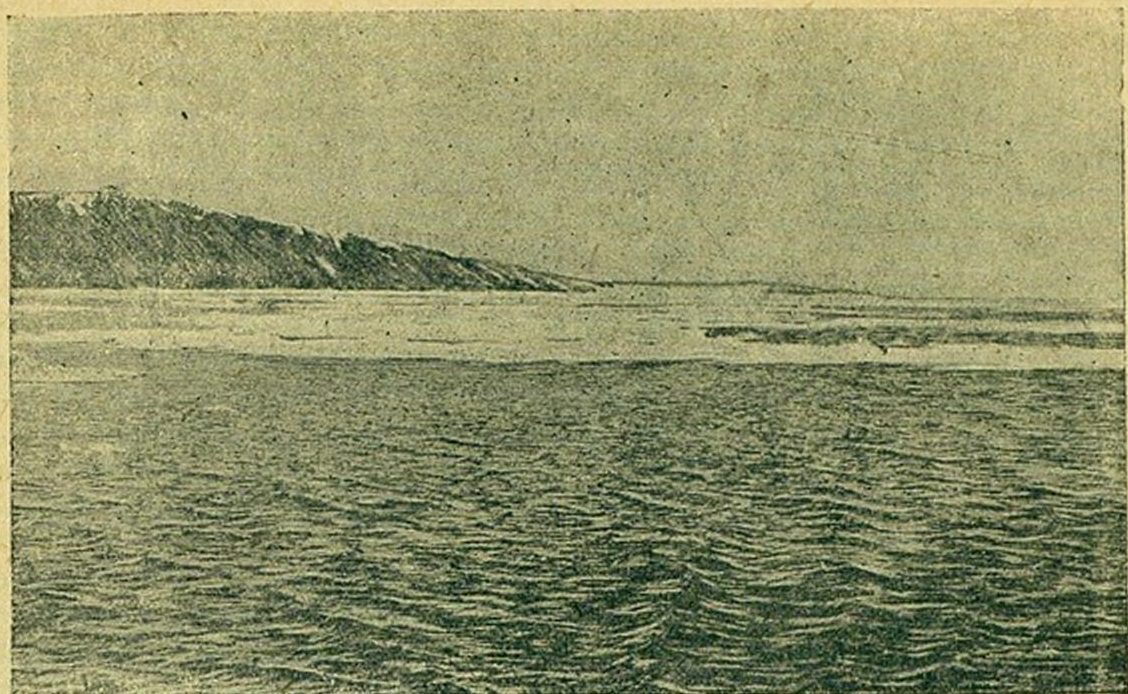
Обилие иностранных экспедиций вблизи сибирских берегов заставляет зашевелиться и русское правительство. В 1876 году к берегам острова Врангеля отправляется небольшой клипер (впоследствии крейсер II ранга) „Всадник“. Его слабая приспособленность к плаванию во льдах позволяет ему лишь достичь меридиана мыса Северного.

В 1878 году знаменитый полярный исследователь Адольф-Эрик Норденшельд предпринимает плавание, считавшееся до того времени неосуществимым. В поисках северовосточного прохода он пытается пройти морем вдоль северных берегов Азии. Весь мир с напряженным вниманием следит за походом „Веги“ — корабля отважного путешественника. Карское море, оказавшееся свободным ото льда, пройдено благополучно; экспедиция беспрепятственно достигает и мыса Челюскина, до которого тщетно в течение столетий прокладывали путь с моря исследователи. До устья Колымы также шли без особых задержек. Но далее огромные массы льда все более затрудняли продвижение „Веги“ и, наконец, совершенно преградили путь, заставив корабль зимовать в Колючинской губе.

Продолжительное отсутствие всяких вестей о судьбе экспедиции Норденшельда породило на континенте большую тревогу. Отправленный известным сибирским деятелем Сибиряковым на помощь экспедиции пароход потерпел во время бури крушение. Обстоятельство это породило еще более тревожное настроение.

Вскоре на поиски Норденшельда отправилось судно „Жаннетта“ под командованием капитана американского флота де-Лонга. Однако корабль Норденшельда не нуждался в помощи „Жаннетты“. Благополучно перезимовав в Колючинской бухте, он отправился на восток. „Жаннетта“ же, не теряя времени, пустилась в смелое предприятие: де-Лонг хотел достичь северного полюса. Вблизи острова Геральда „Жаннетту“ затерло и так основательно, что она уже не смогла освободиться из ледяных объятий. 21 месяц, до самой своей гибели, волею ветров и течений дрейфовал корабль в северозападном направлении. Затем корабль понесло вокруг берегов острова Врангеля, что дало возможность впервые выяснить островной характер земли. В июне 1881 года „Жаннетта“ пошла ко дну. Мы не будем передавать всех потрясающих подробностей борьбы с арктической природой обреченных на смерть людей; за исключением двух немцев-матросов из партии де-Лонга, спасших его дневник, и

¹ Petermann's Geographische Mittheilungen, 1868, S. 5.

Мыс Гаваи на восточном берегу острова Врангеля

полностью партии Мельвиля, высадившейся в составе 11 человек в юговосточной части дельты Лены, весь остальной экипаж „Жаннетты“ погиб.

Не получая в продолжение долгого времени никаких сведений о „Жаннетте“, а также о двух китобойных судах, не возвратившихся к назначенному сроку через Берингов пролив, в Америке стали спешно готовить экспедицию для спасения экипажей исчезнувших судов. Решено было отправить два судна: таможенный пароход „Томас Корвин“, под командою капитана Хупера, и пароход „Роджерс“, под начальством капитана Берри.

Отправляясь на поиски „Жаннетты“, суда возлагали на остров Врангеля большие надежды. Вполне основательным было предположение, что экипаж с потерпевшей аварию „Жаннетты“ мог оказаться как раз на острове. В случае же, если бы это предположение и не оправдалось, сам остров мог бы послужить для обеих кораблей базой, откуда можно было бы предпринять розыски, а в случае нужды — и перезимовать. Так или иначе, ближайший путь кораблей лежал к острову Врангеля. 3 мая 1881 года в Сан-Франциско состоялись проводы уходящего в плавание первого корабля — „Корвина“.

Долго и тщательно разыскивали моряки к северу от Берингова пролива „Жаннетту“. Все напрасно; корабль направился тогда к острову Геральду и 30 июля благополучно достиг его. С большим трудом вскарабкались моряки на вершину высокой скалы. Труд был не напрасен: в ясной дали на востоке вырисовывались гористые вершины острова Врангеля. Не задерживаясь на Геральде, моряки на другой же день решили пробиваться к острову, о котором они так много слышали и, наконец, увидели собственными глазами.

Потребовалось двенадцать дней, чтобы преодолеть совсем незначительное расстояние, разделяющее остров Геральд от острова Врангеля. Наконец капитан Хупер достиг восточного берега, высадился на остров и поднял на нем американский флаг. Имя Врангеля было аннулировано, остров получил громкое наименование Новой Колумбии. Достаточно бесцеремонно разделившись с нашим исследователем, Хупер произвел поверхностный осмотр острова и окончательно подтвердил островной характер всей территории. Приобретшее известность мнение Петермана, что земля Врангеля являет собою нечто вроде материка, простирающегося до самой Гренландии,— после экспедиции „Корвина“ и последовавшего за ним „Роджерса“ было окончательно опровергнуто.¹ На этом и закончилось плавание „Корвина“; 20 октября того же года он подходил к пристани в Сан-Франциско.

Выйдя из Сан-Франциско на полтора месяца позже „Корвина“, „Роджерс“ 24 августа приближался к острову Геральда. В точности повторился маневр моряков с „Корвина“. Исследователи во главе с командиром „Роджерса“ Берри высадились на берег, вззошли на вершину скалы, увидели вдали горы острова Врангеля и на следующий же день к вечеру, удачно преодолев льды, бросили якорь вблизи юговосточной конечности острова. Никаких следов погибшей „Жаннетты“ на острове Геральде обнаружено не было, тем больше надежд в этом отношении возлагали они на остров Врангеля.

Капитану Берри необходимо было прежде всего озаботиться подысканием надежной стоянки и затем сформировать партии для подробного обследования острова в поисках экипажа „Жаннетты“. Почему-то казалось, что остров Врангеля сможет разъяснить в этом отношении многое.

Чрезвычайно удобная, достаточно глубокая и хорошо защищенная длиною косою от натиска моря, бухта была вскоре же найдена, куда „Роджерс“ и не замедлил перебраться. По имени корабля, впервые опустившего здесь якорь, бухта получила свое наименование, удержавшееся и по сие время и сделавшееся особенно популярным после учреждения на берегу ее советского поселка, а впоследствии — радиостанции.

Капитан Берри организовал три партии, которые должны были подробно исследовать побережье в разных направлениях (на север, юг и восток). В северной партии принял участие сам Берри; в его задачу входил также подъем на наивысший пункт острова, откуда развернулась бы перспектива всего острова с его берегами. Особенно же интересовало Берри состояние льда на море вокруг острова. Выход всей партии был назначен на 27 августа. Не бездействовал и экипаж, остававшийся на судне; ему были поручены магнитные наблюдения и точная съемка близлежащей части острова, а если позволят условия, то и астрономические исчисления.

¹ Любопытно отметить, что Петерман перед этим был настолько убежден в правильности своего взгляда, что даже на более старых своих картах изображал сплошной полярный материк, тянувшийся от Гренландии к земле Врангеля.

Через две недели обследование острова было закончено. Первым возвратился капитан Берри, достигший вершины острова, отстоявшей от гавани на 20 миль.¹ Никаких признаков пребывания на острове людей с „Жаннетты“, а также вообще человеческих следов отряд Берри не обнаружил. Зато произведенные им первые географические наблюдения были довольно значительны и имели большое влияние на последующее изучение острова. Грандиозный пейзаж, развернувшийся с вершины пика, „не оставлял никаких сомнений в том, что Берри и его спутники находились не на земле, а на острове. Весь остров был виден с этой вершины, как на ладони, за исключением небольшого района в югозападном направлении, скрытого цепью гор значительной высоты. Остров имел продолговатую форму и тянулся в направлении с запада на восток. Во всю его длину, рядами отдельных вершин, тянулись три цепи гор, покрытых снегом и изрезанных долинами, с которых стекали ручьи. Кое-где на южных склонах виднелись бурые пятна растительности, оживлявшие голую каменистую пустыню в короткое летнее время. На север и на юг от острова уходили длинные косы. На восток и на запад таких кос не было. Кругом острова до самого горизонта тянулись ледяные поля, и только на юге было чистое море, отливавшее бледной синевой на ярком солнечном свете“.²

Поход второй партии, отправившейся под начальством лейтенанта Уэринга на шлюпке для обследования восточного берега, был не столь богат научными результатами. Обогнув мыс Гавай, т.-е. юговосточную оконечность острова, Уэринг высадился вблизи ручья у небольшого островка. Прежде всего, его внимание обратили выкинутые на берег скелеты кита и моржа; когда же Уэринг отправился дальше, он неожиданно наткнулся на следы бывших здесь недавно моряков с „Корвина“. Нетрудно было заметить и врытый ими неподалеку флагшток с болтавшимися на нем клочьями флага Соединенных Штатов и с прикрепленной внизу бутылкой. В бутылке находилась записка, извещавшая, что никаких следов „Жаннетты“ на острове не найдено, а также, что экспедицией, бывшей здесь две недели тому назад, оставлен на острове провиант.

Плывя дальше на север, моряки стали встречать препятствия; легко преодолеваемые сначала льдинки, постепенно учащаясь, сменились сплошными полями, пробираться через которые на шлюпке становилось уже невозможным. У северовосточной оконечности острова пришлось вовсе прекратить плавание и вытащить шлюпку на берег. Когда на следующий день Уэринг взошел на вершину наиболее выдвигавшегося к востоку мыса,³ он убедился, что все море в северном и восточном направлениях сплошь забито льдом. О продолжении путешествия на шлюпке нечего было и думать. Решили вернуться на „Роджерс“. Со-

¹ В честь капитана Берри, наивысший пункт острова Врангеля (2500 футов) назван пиком Берри.

² А. Соколов. За ледяной стеной (Остров Врангеля). Л. 1929.

³ Названного по имени исследователя мысом Уэринга.

вершенно не подготовленные к сухопутному путешествию по каменистому острову, через два дня, голодные и вконец утомленные моряки достигли бухты Роджерс.

Итак, в поисках следов „Жаннетты“ обе партии с „Роджерса“ потерпели полную неудачу. Никаких следов людей или выброшенных на берег обломков корабля в местах, где побывали моряки, найдено не было. На корабле с нетерпением ожидали теперь возвращения третьей, южной партии, отправившейся на розыски под начальством Хента и задержавшейся дольше назначенного для возвращения срока.

Но вот прибыл и Хент на шлюпке под парусом и также не принес никаких сведений о судьбе злополучной „Жаннетты“. Хент проделал большую и трудную работу. Он обошел целиком все южное и западное побережья и даже углубился на северо-восток.

Трем партиям с „Роджерса“ удалось обойти почти весь остров и даже углубиться внутрь. Составленная по прибытии на материк первая карта острова Врангеля¹ естественно страдала многими неточностями и искажениями, но все же, впервые намечая довольно подробные географические данные острова, она долгое время являлась единственной. Труднодоступный остров впервые получал таким образом определенные очертания. Собранные экспедицией коллекции по флоре, фауне и геологии острова существенно дополняли сведения о нем.

Флорой остров в представлении путешественников оказался небогат: разные виды камнеломок, полярный мак, осока, мхи, лишайники — вот, кажется, и все, что нашли здесь американцы из растительного царства; кое-где на берегу они встретили также и карликовую иву. Из представителей фауны они нашли здесь белых медведей, песцов и леммингов. Гораздо полнее был здесь представлен птичий мир; экспедиция встречала во множестве гусей, гаг, ржанок и пуночек. Вблизи берегов обнаружили моржей, тюленей, а также и китов, в настоящее время уже вовсе в этом районе истребленных. С удивлением наши путешественники находили разбросанные по острову мамонтовые бивни, из чего сделали вполне правдоподобный вывод, что остров в сравнительно еще недавнее время был соединен с материком.

Моряками „Роджерса“ было сделано также много магнитных наблюдений. Кроме того, производились регулярные наблюдения над приливами, течениями и движениями льда. После так много давшей науке экспедиции „Роджерса“² географическая любознательность на континенте была удовлетворена...

Прошло тридцать лет, и остров вновь привлек к себе внимание. Теперь на сцену выступили русские. С организацией еже-

¹ Данное острову командиром „Корвина“ Хупером наименование Новая Колумбия навсегда исчезло после экспедиции „Роджерса“; за островом прочно утвердилось имя Врангеля.

² Вернуться на родину „Роджерсу“ не посчастливилось. Недалеко от бухты Лаврентия на нем случился пожар, который не удалось ликвидировать, и корабль сгорел. Экипаж с большим трудом достиг берега, потеряв одного человека.

годных рейсов русских судов на Колыму несовершенство старых карт давало чувствовать себя все более; многие пункты были нанесены на карту неправильно или вовсе отсутствовали; где указывались глубины, находили мели и наоборот. Никакой уверенности в правильности прокладываемого пути у капитанов судов, направлявшихся колымским рейсом, разумеется, быть не могло; не могло поэтому развиваться успешно и само мореплавание. Эти причины и заставили Гидрографическое управление обратить внимание особенно на северо-восточный сектор арктики, включая сюда, само собой, остров Врангеля и окружающие его воды.

Первую удачную попытку пробраться к острову Врангеля удалось осуществить ледоколу „Вайгач“. Возвращаясь летом 1911 года из гидрографического рейса на Колыму, „Вайгач“, воспользовавшись благоприятным состоянием льдов, посетил остров Врангеля. Выписка из дневника доктора Э. Арнгольда, участника этого интересного похода, дает нам ясное представление о первом посещении острова Врангеля русскими:

„1 сентября в 8 ч. 45 м. веч. „Вайгач“ снялся с якоря и лег на курс к югозападной конечности острова Врангеля. Льда не было видно, дул легкий югозападный ветер. Нам нужно было пройти всего 100 миль, т.-е. затратить 10 часов ходу по чистой воде, но никто из нас не был уверен, удастся ли достигнуть этого малоисследованного острова, так как было известно, что льды редко позволяют приблизиться к его берегам. На этом пути никогда еще не производилось гидробиологических исследований, а потому мы решили через каждые 30 миль делать полную гидрологическую станцию.¹ Окончив благополучно первую станцию около часа ночи, мы продолжали путь. С каждым оборотом винта сердце билось сильнее; поскорее хотелось увидеть берега этой малодоступной земли. Но не прошло и часа, как мы вошли в порядочную ледяную полосу, в которой попадались обломки мощного многолетнего льда. В темноте создавалось ложное представление о льдах; на горизонте появлялись как бы громадные поля и даже целые ледяные горы, создававшие впечатление, что нам никогда не добраться до столь желанного острова. Однако к 4 часам утра лед стал редеть, а в 5 часов мы сделали вторую станцию, давшую много ценного научного материала.

Еще стоя на якоре во время станции, мы увидели на расвете, как из медленно расходящегося тумана стали появляться покрытые снегом вершины гор. Море было совершенно свободно ото льда, и около 8 часов утра мы наконец подошли к самой южной оконечности острова и, продвигаясь вдоль берега, производили съемку. Закончив съемку его южной части, мы стали огибать остров с западной стороны, но пошел густой снег, продолжать работу было невозможно. „Вайгач“ стал на якорь у самого западного мыса острова в 300 метрах от берега. Не успели еще отдать якорь, как на самом мысу появились два больших белых медведя и с любопытством смотрели на невиданное зре-

¹ Т.-е. останавливаться для производства исследований.

лице. Немедленно спустили вельбот, но медведи все продолжали стоять и сосредоточенно смотреть. Ни лязг травящейся якорной цепи, ни шум и суeta на вельботе нисколько их не смущали. Оба медведя были убиты еще со шлюпки. Вечером за ужином мы с большим удовольствием ели медвежьи бифштексы; после неимоверно надоевших консервов и солонины свежая медвежатина показалась настоящим деликатесом.

В то же утро была свезена на берег партия для производства магнитных и астрономических наблюдений и сбора коллекций. Наибольший интерес представляла геологическая разведка. Нам удалось найти много окаменелостей, раковин разных видов и отпечатков растений. Все это свидетельствовало, что некогда здесь был если и не вполне тропический, то во всяком случае более теплый климат, а в обнаженных пластах одной горы в глубине острова, километрах в 20 от места нашей стоянки, мы обнаружили большие залежи каменного угля.¹

Окончив работы в 3 часа 4 сентября, мы отправились дальше и продолжали обход острова, сделав только кратковременную остановку у самой северной его оконечности, где поставили на довольно высокой горе железный знак с медной доской. На этой доске было выгравировано по-русски и по английски: год, месяц и число нашего посещения острова. До самого горизонта мы не видели льда, но за недостатком времени продолжать рейс на север нам не удалось. „Вайгач“ был первый корабль, которому удалось обойти с севера Врангель и Геральд и точно нанести их на карту.²

Железный знак высотой в 35 футов, о котором упоминает Арнгольд, явился одновременно и астрономическим пунктом, впервые определенным на острове (его координаты: $70^{\circ} 51' 44''$ NO и $178^{\circ} 46' 18''$ O от Гринвича).

Результаты работ „Вайгача“ на острове Врангеля значительны. Внеся ряд поправок в американскую карту, обойдя остров с севера, измерив прибрежные глубины, произведя ряд гидрологических стационарных работ в окружающем остров водоеме, выяснив, насколько позволили время и средства, геологическое строение острова, не упустив также астрономических и магнитных наблюдений,— русские моряки явились достойными соперниками американских исследователей острова.

Обратимся к трагическому плаванью канадского корабля „Карлук“, снова привлечшего вскоре всеобщее и самое напряженное внимание к острову Врангеля.

Известный канадский предприниматель и полярный исследователь Стефансон, поддерживаемый своим правительством, задумал осуществить крупную полярную экспедицию. Он снарядил несколько судов, которые должны были в течение 3 лет

¹ Наличие на острове залежей каменного угля, о которых упоминает д-р Арнгольд, до сих пор не подтвердилось.

² Э. Арнгольд. По заветному пути. Воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах „Таймыр“ и „Вайгач“ в экспедициях 1910—1915 гг. Гиз. М. 1929.

обследовать огромную полярную территорию на север от Канады, исследовать море Бофора и установить границы архипелага Парри. Главной же целью экспедиции было стремление открыть в этом малообследованном районе новые земли и острова. В состав комплексной экспедиции входило несколько судов и в том числе китобойный барк „Карлук“, всего лишь в 247 тонн водоизмещения.

Загруженный сверх меры, „Карлук“ отплыл 17 июня 1913 года в свой роковой путь из Ескимальта (Британская Колумбия). На борту корабля находились: 14 человек экипажа, 6 ученых, 2 эскимоса и одна эскимоска с детьми — девочками 3 и 11 лет. В рейс отправился также сам Стефансон.

6 августа у мыса Барроу „Карлук“ вошел в тяжелый ледяной пак, преодолеть который ему вскоре же оказалось вовсе не по силам. Ледяные поля смыкались все плотней, полыньи упорно не показывались; от напора льда судно вздрагивало и трещало.

Корабль, находясь в это время вблизи бухты Камден, был всего лишь в 20 милях от берега. Полагая, что судно, окруженное мощным ледяным барьером, осевшим на грунт, не сможет дрейфовать и останется здесь на зимовку, Стефансон принял охотничью экскурсию на берег.

Но на корабль Стефансон уже более не вернулся. Сильнейшим штормом от норд-оста прочно сидевшие на мели айсберги были сдвинуты с места, пришли в движение и понеслись в северо-западном направлении, увлекая с собой „Карлука“. Колоссальная масса льда неслась с большой быстротой свыше 2 миль в час. Туземцы с мыса Барроу передавали потом, что видели „Карлука“, продвигавшегося в указанном направлении, и по отсутствию дыма из паровой трубы заключили, что дело неладно. Корабль двигался, конечно, не по прямой линии, а зигзагами; достигнув 75°, направление дрейфа изменилось, и „Карлука“ понесло на юго-запад.

Корабль носило очень долго. Наступал новый год. Пока все обстояло на корабле благополучно. „Наш корабль был настоящим домом для нас. У нас на борту был и комфорт, и изобилие всего вполне достаточное, чтобы забыть о безнадежности нашего положения. Может быть, капитан Бартлет был единственным человеком на корабле, вполне представлявшим себе будущие опасности, но он спокойно занимался своим делом, не забывая, однако, принимать необходимые меры против возможного несчастья“, — так изображает бытовую обстановку участник экспедиции Эрнест Чайф.

Около 5 часов утра 10 января 1914 года, без всяких предварительных сигналов, вдруг раздался страшный треск и грохот, „казалось, что корабль разрывается на куски“. Сброшенные с коек сонные люди в одном белье выскочили на палубу и впотьмах увидели, что спереди, сзади и по обеим сторонам от бортов корабля ползут черными линиями трещины; они расширялись все более, образуя полыньи. Некоторое время „Карлук“ находился на свободной воде, но вслед за тем полыньи стали закры-

ваться, огромные льдины, налезая одна на другую, угрожающе подступали к кораблю. Казалось, еще мгновение, и „Карлук“ будет расплюсчен. Видя безнадежность положения, капитан корабля Бартлет приказал всем немедленно покинуть корабль, который, получив пробоину в левом борту, стал наполняться водой. Сохраняя полнейшее хладнокровие, Бартлет немедля отрядил нескольких человек для сооружения на льду снежной хижины, другую же партию он командировал перетаскивать припасы на лед. Затонул корабль лишь на следующий день около 4 часов пополудни. Бартлет сошел с корабля последним—всего за несколько минут до его полного погружения.

„Карлук“ затонул на глубине 38 сажен в 80 милях от острова Врангеля и в 200 милях от берегов Сибири.

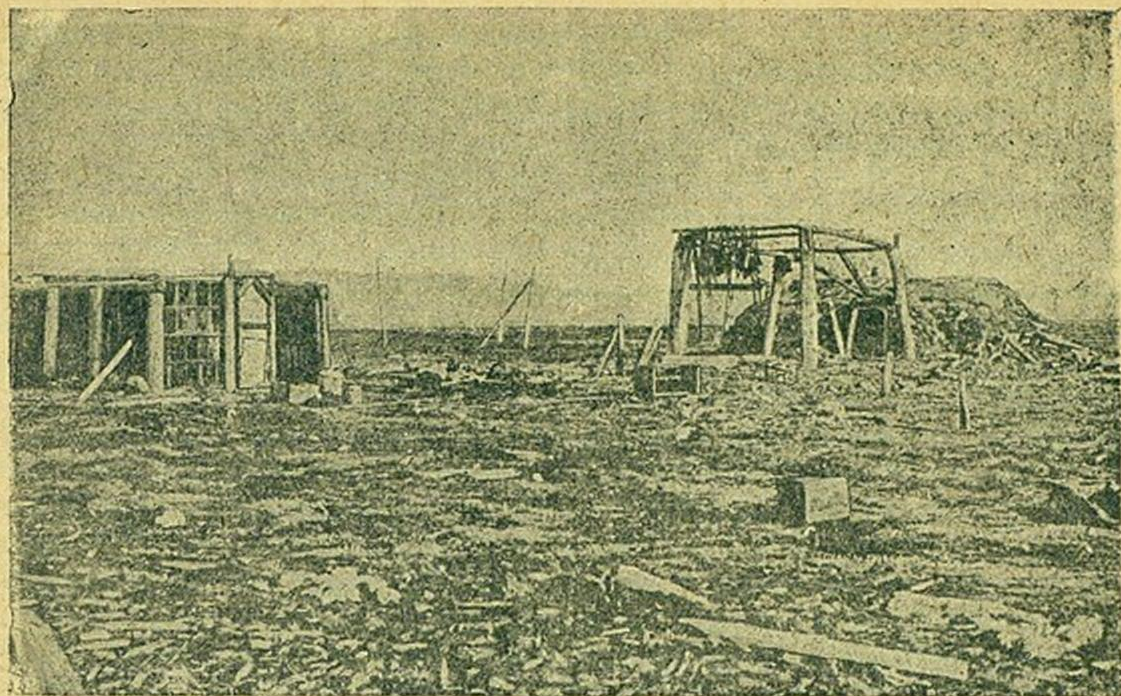
Оборудование лагеря, названного „лагерем кораблекрушения“, не потребовало много времени. Три сооруженные снежные хижины, покрытые брезентовыми крышами, были достаточно просторны, чтобы вместить всех участников экспедиции. Для отопления в каждой из них была налажена печь, топившаяся из-за сильных морозов круглые сутки.

Льдину дрейфовало. Ее могло занести в отдаленнейшие дебри арктики. Необходимо было что-то предпринять, так как на чью бы то ни было помощь рассчитывать было, конечно, невозможно. И Бартлет организует экспедицию на ближайший остров Геральд, куда предполагает переправить продовольственные запасы. Однако это мероприятие не увенчалось успехом. В пути трагически погибло семь человек. Остальные, с великим трудом преодолевая препятствия, вернулись в лагерь.

Неудачная попытка достичь острова Геральда вынуждает Бартлета взяться за новый план. С остатками экипажа он решает теперь двигаться к острову Врангеля и посылает впереди себя первую партию из восьми человек. Во главе партии, отправившейся в путь 18 февраля, назначается инженер Мурро. Пробыв в пути десять дней, путники встречают препятствие, перед которым невольно вынуждены отступить: „боковым давлением громадных полей лед был нагроможден в гряды, простиравшуюся в восточном и западном направлениях так далеко, насколько хватал глаз“. Решено было вернуться. На обратном пути повстречали Бартлета, шедшего с остатками партии по тому же направлению, т.-е. к острову Врангеля. Выслушав путников, Бартлет решительно заявил, что стена должна быть преодолена во что бы то ни стало.

Для характеристики ледовых условий, преграждающих доступ к острову Врангеля с севера, представляет большой интерес приведенное Чейфом описание ледяной гряды и способов, с помощью которых Бартлет преодолел ее:

„Точно определяя,—замечает Чейф,—это не была одна гряда, но целый ряд их, растянувшийся на протяжении трех миль... Ширина отдельных гряд варьировала от 50 до 300 футов, впадины между ними были не меньшей величины. Чтобы проложить тропу через них, мы должны были сначала взбираться вверх по одной стороне гряды, затем срубить глыбы льда с ее вер-

Зимовье канадцев близ гавани Сомнительной на острове Врангеля

шины и скатывать их вниз во впадину, пока последняя не заполнялась наполовину. Далее необходимо было выровнять спуск вниз во впадину, чтобы обеспечить путь поперек нее, и затем строить таковой же вверх на следующую грядку; после этого мы заполняли следующую впадину подобным же образом и так далее, пока работа не была окончена. Чтобы провезти сани по этой дороге, мы должны были привязывать веревку к передку саней, всходить на вершину гряды и тащить за собой сани; там мы отвязывали веревку, прикрепляли ее к задней части саней и спускали их на другую сторону; тем же способом происходил подъем и на следующую грядку с последующим спуском, и так продолжалось, пока мы не прошли весь этот район“.

Шесть дней продолжался этот героический поход через ледяной барьер к острову Врангеля. Оставив за собой ледяную стену, моряки находились всего лишь в 30 милях от северного побережья острова. Дальнейший путь, к счастью, не представил больших затруднений, и 12 марта они были у цели. Вступив на дикий остров, путешественники не почувствовали большого контраста с тем, что видели в ледяной пустыне океана: весь остров был сплошь покрыт снегом, и только величавые вершины гор внутри острова говорили, что здесь суша.

Имея весьма ограниченные запасы продовольствия и теплой одежды, не располагая никаким помещением, добравшиеся до острова 17 изнуренных человек неизбежно обрекались на гибель в случае продолжительного здесь пребывания. Учитывая это, Бартлет намечает план действия, который без всякого преувеличения можно назвать одним из самых смелых, когда бы то ни было предпринятых исследователями полярных стран. Он решает немедленно отправиться на материк к сибирскому бе-

регу в сопровождении лишь одного эскимоса и семи собак с запасом провизии на два месяца. В случае удачи похода он организует спасательную экспедицию и во главе ее отправится в этом же году на остров.

18 марта, едва отдохнув после мучительного, тяжелого перехода, Бартлет отправляется в путь. Оставшиеся на острове все свои надежды возлагают теперь только на него. Преодолев неимоверные по трудности препятствия, оставив за собой 100 миль, отделяющие остров Врангеля от материка, отважный моряк на восемнадцатый день пути добирается до берегов Сибири. В истории исследования острова Врангеля этот пешеходный переход с острова на материк является до сей поры единственным.

Весть о походе Бартлета и судьбе оставшихся на острове Врангеля людей, разумеется, привлекает всеобщее внимание. С новой энергией Бартлет формирует в Америке спасательную экспедицию и призывает на помощь Россию, располагающую в дальневосточных водах ледоколами „Таймыр“ и „Вайгач“. Ниже мы коснемся этих спасательных экспедиций, а сейчас посмотрим, что случилось с коллегами Бартлета.

Покидая остров, Бартлет оставил своим спутникам подробную инструкцию, в которой намечался ряд мероприятий, безусловно необходимых для их существования. Прежде всего, он дал распоряжение инженеру Мунро, Вильямсу и Чейфу отправиться в „лагерь кораблекрушения“ и забрать оттуда весь оставшийся там продовольственный груз. 1 апреля путешественники выступили в поход. Добраться до лагеря, однако, не удалось, сильный шторм увлек льды в неизвестном направлении, и путь к лагерю был отрезан. Возвращаясь обратно, все путники провалились в полынью; спасаясь, они вылезли на разные льдины и оказались таким образом разьединенными. Мунро с Вильямсом вскоре отыскивали дорогу к острову и благополучно достигли лагеря. Положение же Чейфа было крайне опасно. Пораженный снежной слепотой, он сбился с дороги и вдобавок сильно поморозил руку и ногу. Будь Чейф один, роковой конец был бы неизбежен, но с ним были его верные друзья — собаки, и прежде всего небольшая Молли, обладавшая поразительным чутьем ищейки. Чейф привязал ее к запястью руки и отдался в полное ее распоряжение. Девятнадцать часов тянула Молли на буксире Чейфа и, наконец, привела его к лагерю.

Чтобы лучше обеспечить себя охотой, невольные обитатели острова Врангеля по совету Бартлета разделились на две партии: большая часть экипажа осталась на северном побережье, трое же других (геолог Маллок, его ассистент Мамен и матрос Темпельман) отправились на юг и расположились в известной уже нам гавани Роджерс. Обеспокоенные долгим отсутствием сведений, „северяне“ в конце мая решили проведать „южан“ и отрядили для этой цели наиболее крепкого из своей партии — Мак-Кинлея. Глазам прибывшего представилась весьма печальная картина. Мамен и Темпельман были тяжело больны, а геолог Маллок умер накануне. Вскоре скончался и ассистент Мамен. На третьего участника партии — Темпельмана все пережитое

произвело настолько тяжелое впечатление, что он заболел психическим расстройством. Таков был печальный конец южной партии в бухте Роджерс...

Наступило полярное лето. Солнце пригревало значительно, снег быстро таял, шумели ручьи, земля сбрасывала зимний убор, постепенно обнажая свой черный каменистый остов. Сильно исхудавшие и ослабевшие, нетвердой поступью подходили островитяне к берегу и подолгу всматривались в горизонт. Но желанного, днем и ночью грезившегося им дымка парохода не удавалось заметить...

„21 августа,— заносит в дневник Чейф,— наши пищевые продукты были почти на исходе... Погода стала много холоднее, все вокруг стало принимать зимний вид. 1 сентября мы потеряли все надежды на избавление, эскимос отправился на поиски подходящей зимней стоянки“.

И вот, когда все уже подготовились, казалось, к неизбежной зимовке, неожиданно пришла помощь. В памятный день 7 сентября к острову приблизилась шхуна „Кинг и Уинг“, прибывшая сюда по поручению капитана Бартлета во главе с владельцем этой шхуны Олафом Свенсеном.

На следующий день зимовщиков ожидала новая радость. На остров прибыл американский крейсер „Бер“, на котором находился и сам организатор спасения — капитан Бартлет. Пленники острова Врангеля уже в подробностях узнали от Свенсена историю героического похода Бартлета на материк и дальнейшие его хлопоты по организации спасательных экспедиций.

Прибыв на остров, Бартлет тотчас сообщил по радио на материк о спасении участников экспедиции на „Карлуке“. 12 сентября спасенные были доставлены в Ном на Аляску.

В числе судов спасательных экспедиций, пробиравшихся осенью 1914 года к острову Врангеля, участвовал также уже известный нам ледокол „Вайгач“. Однако „Вайгачу“ не удалось достичь острова Врангеля. „Мы подошли к острову Врангеля,— пишет участник этой экспедиции доктор Э. Арнгольд,— на 20—23 мили, но за весь день не могли к нему приблизиться больше ни на йоту. До 6 часов утра следующего дня мы вертелись в сплошных льдах по разным направлениям, выискивая полыньи и пробивая более мягкие льдины, чтобы выбраться на сравнительно чистую воду“.

В результате борьбы со льдами ледокол поломал себе винт и получил многочисленные вмятины. „Итак,— замечает Арнгольд,— наша попытка спасти американцев окончилась неудачей“.

Экспедицией „Карлука“, заброшенной на необитаемый остров, и последующим спасением ее участников заканчивается предвоенный период истории острова Врангеля.

Первые советские исследования

С окончанием мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны в России остров Врангеля неоднократно посещался иностранными судами. Цель этих посещений сводилась преимущественно к стремлению колонизировать остров и за-

хватнически использовать его промысловое значение. Мы не будем здесь перечислять примеры такого рода стремлений. Отметим лишь, что все они встретили самый решительный и справедливый отпор со стороны Советского Союза, территорией которого является также и остров Врангеля.

С укреплением советской власти арктика все чаще и чаще начинает посещаться советскими научно-исследовательскими экспедициями. Планомерному изучению арктики сопутствует и история советского исследования и освоения описываемого нами острова. На этом мы и хотим в данной главе остановить внимание нашего читателя.

В 1924 году на остров Врангеля была направлена первая советская экспедиция на ледоколе „Красный Октябрь“ под начальством гидрографа-геодезиста Б. В. Давыдова. В советском этапе освоения острова Врангеля эта экспедиция сыграла выдающуюся роль.

20 июля „Красный Октябрь“ вышел в море. В пути заходил сначала в Петропавловск, а затем в бухту Провидения, где пополнил запасы угля. 10 августа „Красный Октябрь“, пройдя Берингов пролив, входил в воды Ледовитого океана. С напряженным вниманием всматривались моряки в горизонт, ожидая встречи с непроходимыми грядами льдов. Но опасения пока оказались излишними: в течение двух дней пути никаких льдов не встречалось. „Ничто не мешало нашему плаванию,— заносит Давыдов в свой дневник,— и мы широко воспользовались благоприятными условиями: весь наш путь был пройден с промером, и были широко развиты гидрологические глубоководные наблюдения, траление и сбор планктона“.

Однако полярное раздолье вскоре закончилось. Всего лишь в расстоянии сотни миль от острова Врангеля был встречен лед, сначала редкие разводья, а затем и плотные массы во все большем количестве. Это был сильно сжатый лед, „в котором встречались обломки полей и преобладали многолетние торосистые льдины, перемежаемые годовалым льдом, заполнявшим почти все промежутки между последними“.

В течение трех дней пробирался ледокол вдоль кромки льдов, ожидая перемены ветра или раздвижки ледяных полей. Но лед заполнял все новые и новые пространства, и плавание со дня на день грозило сделаться еще более тяжелым.

Преодолевая мощное кольцо ледяных масс, ледокол медленно продвигался вперед. Вблизи острова лед стал редеть, появились полыньи, и, наконец, в 2—3 милях к северо-западу от корабля стали обрисовываться береговые обрывы крайней северо-восточной оконечности острова Врангеля — мыса Уэринга. Уже никто не сомневался, что к вечеру остров Врангеля будет достигнут. Вскоре обогнули юговосточный мыс острова и, пройдя в западном направлении вдоль южного берега, бросили якорь в бухте Роджерс.

На другой день на острове была сооружена высокая забетонированная в землю мачта и на ней торжественно поднят советский флаг.

Подъем советского флага на острове Врангеля экспедицией Б. В. Давыдова
в 1924 году

Уже поверхностный осмотр ближайших районов острова с полной несомненностью установил, что на острове находятся люди и довольно бесцеремонно ведут себя. Небольшие избушки, кое-как сооруженные из плавника, развешанные для просушки на стойках медвежьей шкуры, туши убитых со спиленными клыками моржей — все это побудило наших моряков тотчас же отправиться на розыски неведомых хищников. Последние, однако, и сами не замедлили объявиться. Лишь только моряки вернулись на корабль, как вахтенный заметил, что от берега отчалила по направлению к ледоколу какая-то шлюпка; в бинокль ясно разглядели четырех эскимосов и одного человека, одетого в европейское платье. Далее разыгрался крайне любопытный инцидент, который Давыдов изображает так:

„Была тихая, почти штилевая погода... Когда шлюпка подошла к нам очень близко, настолько, что сидевшие в ней увидели наш кормовой флаг, когда, наконец, они вполне разобрали, что судьба сводит их как раз с теми, кого они меньше всего хотели бы встретить, они резко повернули обратно к берегу и начали грести изо всех сил. Приказание с корабля заставило их подойти к борту; было странно видеть, до чего были испуганы эти временные обитатели острова Врангеля“.

Из расспросов выяснилось, что всего на острове находятся 13 эскимосов и 1 американец. Все они в прошлом году были высажены сюда известным нам канадским предпринимателем Стефансоном, с которым уговорились работать на полонинных началах, т. е. половину всего добытого отдавать своему предпринимателю, половину же оставлять себе. Отправляя их сюда, Стефансон уверил их, что остров принадлежит теперь Канаде. Однако, несмотря на все эти объяснения, как бы легализирующие пребывание хищников на острове, никаких документов у них не оказалось. Промышляли они в подлинном смысле слова хищнически. На моржей они охотились исключительно из-за их клыков; во многих местах были найдены мертвые песцы; из 57 белых медведей, убитых ими зимой, они воспользовались только 38, остальные же были брошены и, подобно песцам, сопрели под снеговым покровом.

В итоге, после короткого совещания на корабле, всем задержанным на острове было объявлено, что они рассматриваются как хищники, а потому весь их промысел, а также и орудия промысла подлежат конфискации. Все задержанные единогласно просили, чтобы их взяли на судно и доставили в г. Ном (Северная Америка). Они не верили в возможность поддержки со стороны своих американских „хозяев“, а потому считали, что оставаться на острове — это значит обресть себя на гибель. Все они были сняты с берега и размещены на ледоколе.

Весь следующий день был посвящен сбору в разных пунктах побережья промысловой добычи канадских хищников и всех орудий их промысла. Попутно производились гидрографические работы, а также астрономические и магнитные наблюдения. Хотя прижатый к берегу лед и не давал возможности близко подходить к острову и производить здесь промеры, однако в этот

рейс было выполнено не мало работ, уточнивших очертания острова в южной его части.

Вечером 22 августа ледокол подошел к крайней югозападной оконечности острова — мысу Блоссом, где и бросил якорь. В случае отсутствия вокруг побережий острова льда, экспедиция далеко не сочла бы свою миссию выполненной. Сейчас же, при наличии густых масс льда у побережий острова, производить описные работы было совершенно невозможно, и от них пришлось отказаться. Но и без этого была уже выполнена не малая и притом главная работа: с большими трудностями остров был достигнут и окончательно закреплен за Союзом; прекращен хищнический промысел; выполнены значительные гидрографические и прочие исследовательские работы.

Подсчитали запасы угля и, убедившись, что из 560 тонн остается меньше половины, решили по кратчайшему направлению, пока не поздно, двигаться обратно. 23 августа ледокол поднял якорь. „Как и ожидалось,— писал Давыдов,— в проливе Лонга были встречены льды, временами очень сильно сжатые; однако характер этих льдов был совершенно иной, чем при нашем походе с востока к острову Врангеля: преобладал годовалый лед, и только иногда, отдельными площадями встречались участки с преобладанием многолетних торосистых льдин“.

Преодолев с огромным трудом ледяные нагромождения, 26 августа ледокол подошел к сибирскому берегу восточнее мыса Якона. Дальнейший путь не возбуждал уже никакой тревоги, плавание побережьем к мысу Дежнева и далее считали почему-то вполне обеспеченным. Моряки радовались, считая себя почти дома.

Но нигде, кажется, неожиданности не приходят столь внезапно, как именно в арктике. Задувшие упорные и продолжительные северозападные ветры расстроили все планы командования. Огромными массами лед стало прижимать к берегу... У бывшего мыса Северного (ныне мыс Шмидта) ледокол наткнулся на первое серьезное препятствие. Ход ледокола прекратился. Между тем подсчет угля показал, что, только при обязательном условии совершенно беспрепятственного плавания, топлива еле-еле хватит до бухты Провидения.

— Итак, зимовка?— угрюмо спросили моряки капитана Давыдова.

— Да, зимовка, другого выхода нет,— ответил Давыдов и отдал распоряжение перейти кораблю на зимнее положение.

Стали разбирать механизмы ледокола, прекратили паровое отопление, заменив его камельками; ввели зимнее расписание, причем особенное внимание обратили на обучение и времяпрепровождение личного состава; заготовили также 250 пудов свежего оленьего мяса. Словом, все было подготовлено, чтобы десятимесячное пребывание „на краю света“ протекло возможно безболезненное.

День 25 сентября навсегда останется памятным для всех участников плавания на ледоколе. Утром был выпущен пар из последнего котла и окончательно введен зимний режим, а под

вечер съехавшие на берег моряки спешно вернулись на корабль и сообщили о сделанном ими необычайном наблюдении. Оказалось, что они совершенно явственно видели в обычно совершенно покойных водах полыньи движение легкой зыби. Для опытного полярника эта весть сулила очень многое. Ведь зыбь эта свидетельствовала о том, что где-то, сравнительно недалеко, должно находиться большое пространство чистого моря, где ветер поднял высокие волны. Колебания распространялись с северо-востока. Перед командованием встала дилемма, которую немедленно надо было разрешить. Вернуться в нынешний сезон домой — это значило избежать многотрудной и тяжелой зимовки, которая неизвестно чем бы еще закончилась. С другой же стороны был не менее очевиден и весь большой риск подобной попытки.

И все же решили продолжать путь, хотя на ледоколе осталось всего лишь 50 тонн угля. На что же надеялись моряки? Все их расчеты строились на том более или менее вероятном предположении, что за полосой льда, опоясывающей берег, до самого мыса Дежнева располагается чистое море. Дальнейший путь уже не внушал опасений, ибо хорошо известно, что в это время года Берингов пролив еще свободен ото льдов.

Закипела работа. День и ночь трудились моряки, собирая машину, вспомогательные механизмы и приводя корабль в походное состояние. Утром 27 сентября, после трехнедельной стоянки у мыса Северного, ледокол тронулся в путь и, как и следовало ожидать, вскоре же, преодолев 15-мильную ледовую полосу, вышел на чистую воду. Перед глазами моряков развернулась грозная и величественная картина бушующего океана. Не прошло и нескольких часов, как моряки снова очутились в тяжелом и рискованном положении, которое Давыдов изображает так: „Приходилось в шторм со снегом и туманом идти вдоль кромки льда днем и ночью бортом к очень крупной и крутой волне; легко представить себе, что происходило в таких условиях с кораблем, имеющим ледокольные образования, разгруженным к тому же до последней степени. Размахи качки превышали 45° на борт; в жилых помещениях и палубах корабля был полный хаос, так как за очень короткий срок приготовления к походу нельзя было вполне успеть закрепить все походному... Приходилось работать на верхней палубе зачастую по колено в ледяной воде, промокая насквозь под целыми каскадами брызг, попадавших на палубу. Через три дня шторм стих, а вечером 30 сентября, уже в совершенной темноте, мы отдали якорь, подойдя к мысу Дежнева. Все эти дни перехода плавание шло вдоль кромки льда, стоявшего под берегом полосой шириною в 15—20 миль. Уже на второй день мы начали постепенно рубить на дрова и жечь в котлах весь имевшийся на корабле запас бревен и досок, к углю подмешивали угольный мусор с машинным маслом“.

Весьма неутешительные перспективы намечались и дальше. Против ожидания, Берингов пролив был заполнен льдом. „Насколько хватал глаз, всюду виднелись ледяные массы“. В обыч-

ных условиях „Красный Октябрь“, быть может, не без успеха смог бы померяться силами с ледовыми нагромождениями, но сейчас на корабле ощущался недостаток угля. „Попробовали войти в лед и пробиваться на юг, но из этого маневра ничего не вышло. Лед оказался гораздо более тяжелым, чем представлялось, и мы, пройдя в нем не более мили, так и не смогли вновь выйти к его кромке. Угля к концу этого дня оставалось только 14 тонн, а на топливо ушли все пеньковые тросы, весь судовой запас олифы и красок, большая часть машинного масла и даже корпус моторного катера“.

Положение судна было очень близко к безвыходному. „В таких обстоятельствах, когда, казалось, было очень немного данных на быстрое улучшение окружающих нас условий,—вспоминает Давыдов,—природа пошла, наконец, нам навстречу. Рассвет 3 октября принес нам сперва легкий, а потом немного усилившийся южный ветер“.

Около полудня ледокол, истратив последние крохи угля, громыхал якорной цепью против селения Уэллен, расположенного на северном берегу мыса Дежнева. Быстро спустили шлюпку и отправились на берег. Нужно было во что бы то ни стало добыть топливо. Недалеко в лагуне, поваленная на борт, сиротливо лежала шхуна, при каких-то обстоятельствах конфискованная и оставленная здесь в предыдущем году доживать свой век. Полусгнившие бока ее, брошенные в печь, несомненно не смогли бы дать много тепловых калорий, но для наших моряков другого выхода не было. На утро, части обшивки, шпангоутов и бимсов шхуны заботливо складывались по всем закоулкам палубы. Вдобавок к шхуне закупили у чукчей весь имевшийся у них запас плавника. После окончания работ—короткая передышка. Давыдов записывает: „Ранняя безлунная северная ночь. Все работы по погрузке этого „топлива“ закончены. Не теряя ни минуты, идем дальше. Единственная возможность пройти проливом заключается в том, чтобы идти вплотную с обрывом мыса, так как только здесь лед несколько разрежен“.

Ледокол следует дальше. „Никогда, кажется, не забыть этого рискованного перехода,—писал впоследствии Давыдов.—Только усыпанное звездами небо несколько умеряло глубокий мрак ночи, позволяя еле-еле разбирать контуры громадных, крутых скалистых обрывов дежневского выступа... Целые снопы искр вылетают из трубы, кружась в воздухе. Береговые обрывы, порою, так близки к кораблю, что, кажется, еще немного, и мы заденем за них бортом. Вот мы уже и в Беринговом проливе; лед становится гуще; приходится иногда останавливаться, ожидая, когда кочегары нагонят пар: трудно управляться с котлами, подбрасывая в топку полусгнившее сырое дерево шхуны“.

После трехчасовой борьбы со льдом, корабль, имея на борту только 5 тонн дров, приблизился к месту, где, по предположению экспедиции, должны были находиться небольшие остатки угля. Вскоре уголь действительно был обнаружен недалеко от мыса Дежнева. Медлить ни минуты нельзя, засвежевший северный ветер гонит огромные массы льда мимо самого корабля, грозя

закупорить ему выход к морю. Началась погрузка угля. „Приходилось удивляться, как вся эта операция прошла благополучно, как ни одна из нагруженных доотказа шлюпок, быстро гонимых шквалистыми, очень сильными порывами ветра, при снежной пурге, под двумя-тремя веслами, не сбилась с пути, а ухитрилась верно выбрать направление на судно и не быть унесенной в море“.

Погрузив 25 тонн угля, утром 5 октября двинулись в путь. Ловко лавируя среди льдов и избегая рискованных встреч, близ залива Лаврентия окончательно освободились от ледовой опасности. „К вечеру совершенно заштило. Стояла тихая звездная ночь; казалось, что все наши невзгоды и испытания остались позади, что вскоре мы придем в залив Провидения, где наконец-то перестанем испытывать муки столь ужасного угольного голода“. И Давыдов не ошибся. На рассвете 6 октября ледокол, имея в запасе около 300 килограммов угля, что дало бы ему возможность плыть самостоятельно не более 25 минут, входил в залив Провидения. 23 октября корабль был во Владивостоке.

Смелость и решительность, хорошее знание ледовых условий здешнего моря, командование и организованность судового состава — все это обеспечило успех и внесло замечательную страницу в историю советского освоения арктики. Для острова Врангеля это историческое плавание имело огромное значение. Оно не только было по достоинству оценено у нас, но и обратило внимание за границей.

Остров Врангеля — постоянное местопребывание советских зимовщиков

После похода „Красного Октября“ советское правительство, преследуя цель освоения природных богатств острова Врангеля, решило организовать вторую экспедицию, но на более длительный срок.

Экспедицию поселенцев на остров возглавлял приобретший ныне широкую известность выдающийся полярный исследователь Г. А. Ушаков. Его спутниками были врач Н. П. Савенко и опытный полярник, принявший на себя обязанности заведующего хозяйством, И. М. Павлов. Все они отправились с женами, явившимися таким образом первыми европейскими женщинами-поселенцами на острове Врангеля. Если прибавим сюда еще 50 чукчей и эскимосов, переселившихся на остров с материка (бухты Провидения и мыса Чаплина), и двух русских промышленников, — перед нами весь состав поселенцев.

Остров был в полном смысле необитаем. Все предметы обихода, снаряжения и оборудования, а также разобранный дом пришлось поэтому везти с собой. Провианта было взято на три года. Благоприятный в ледовом отношении 1926 год позволил без труда пароходу „Ставрополь“ совершить плавание к острову. Выйдя 15 июля из Владивостока, „Ставрополь“ прошел Берингов пролив 4 августа, а через 4 дня уже бросил якорь в бухте Роджерс. В летописях истории походов на остров Врангеля

этот, несомненно, исключительный случай заслуживает особого внимания. Помня предшествующий поход Давыдова на ледоколе „Красный Октябрь“, капитан „Ставрополя“, чтобы лучше ориентироваться и учесть все грядущие возможности, собрал в Уэллене сведения о ледовом режиме минувшей зимы. Оказалось, что как в районе Уэллена, так и в Беринговом проливе лед не становился в течение всей зимы, старого же льда к началу зимнего периода не было вовсе. Образовавшийся за зиму новый лед, вследствие господствующих здесь ветров, не смог следовательно сформироваться в целостный покров.

Далее выяснилось, что в районе мыса Сердце-Камень лед взломало и отнесло от берегов еще в первых числах июня. В конце июня и в первых числах июля очистились ото льдов районы Колючинской губы и мыса Северного. Благоприятствовали и ветры: в районе Уэллена в течение июля почти непрерывно дули южные ветры. Все эти обстоятельства и помогли „Ставрополю“ в кратчайший сравнительно срок достичь острова Врангеля и благополучно выполнить свою нелегкую миссию.

Поселок решено было основать в наиболее удобной в судовом отношении уже известной нам бухте Роджерс. Разгрузка корабля, как и подобает в подобных случаях, осуществлялась силами всего экипажа. С раннего утра до позднего вечера шныряли шлюпки между кораблем и берегом, освобождая от различной клади поместительные трюмы „Ставрополя“. Пока выгружали кладь и сооружали на берегу помещения, небольшой судовой самолет-разведчик облетел вокруг острова, тщательно изучая ледовое состояние моря. Это особенно было важно для „Ставрополя“ ввиду его скорого отплытия. Самолет принес весьма благоприятные вести: вокруг всего острова и далее на юг держалась чистая вода. Летчик сообщил также, что, пролетев низко над северным берегом, он наблюдал здесь много пушных и морских зверей. Известие это сильно обрадовало наших поселенцев и команду корабля.

15 августа „Ставрополь“ покидал берега острова.¹ В письмах, которые корабль отвозил на материк, зимовщики еще раз прощались с родными и просили их не беспокоиться; эскимосы же через моряков „Ставрополя“ отправили на родину словесную корреспонденцию: они просили передать их сородичам, чтобы при первой же возможности они последовали их примеру и переселились на остров, так как здесь охота обширная и надежная, мяса нерпы сколько угодно, словом, с приездом сюда они сами и собаки их будут сыты.

Не мало прошло времени, пока обитатели острова смогли отдаться тщательному исследованию и изучению своего местопребывания. Колония, имевшая свыше сотни собак и состоявшая преимущественно из эскимосов, должна была прежде всего обеспечить себе продовольственную базу — организовать охоту на морского зверя. Не один раз при этом приходилось рисковать

¹ На обратном пути „Ставрополь“ подошел к расположенному поблизости от острова Врангеля острову Геральду и также водрузил там советский флаг.

жизнью, чтобы снабдить колонию моржовым мясом на долгую полярную зиму. Особенно памятной останется для участников этой экспедиции первая охота на моржа в начале зимовки.

„Северовосточный ветер,— вспоминает Ушаков,— густой массой гонит лед вдоль берега. В миле от берега я замечаю льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы тоже видят моржей, но на этот раз они не бегут стремглав к лодкам, а, сбившись в кучу, угрюмо рассматривают море. Оно сегодня не манит охотников“.¹

В чем же дело? Почему эти бесстрашные охотники бездействуют? Причиной этого льды. Ветер нагнал в залив массу льда. Ломающиеся на тысячу осколков, они при одном неловком движении рулевого в мгновение обратят в щепки злополучную ладью. Но обитателям острова Врангеля надо во что бы то ни стало „вырвать мясо у грохочущих льдин и пенящихся волн“. И Ушаков решается на чрезвычайно смелое предприятие. Он подходит к храброму Иероку — эскимосу, пользующемуся славой лучшего рулевого на всем чукотском побережье, и отзывает его в сторону. Между ними происходит такой разговор:

— Иерок, у нас нет мяса.

— Да, начальник, у нас нет мяса,— вполне согласен с этим и Иерок.

— Надо ехать.

— Да, надо ехать.

— Почему же никто не двигается?

— Они боятся. Видишь, как быстро гонит лед, какой плохой ветер.

— Но зима без мяса еще страшнее.

— Да, начальник, без мяса зима страшна.

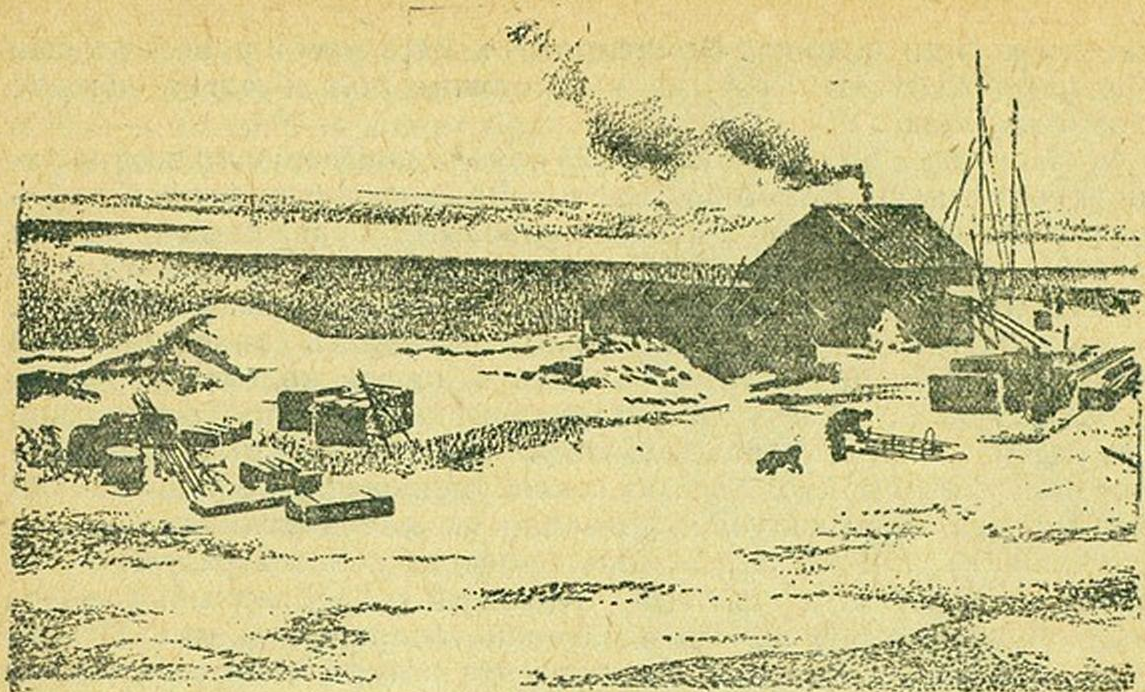
— А ты поедешь?

— С тобой поеду. А если мы скажем — надо ехать, они тоже поедут с нами.

Опытный Иерок оказался прав. Эскимосов не пришлось упрашивать. Лишь только они увидели, что Ушаков с Иероком взяли ружья и решительным шагом направились к вельботу, как тотчас к ним присоединилось еще 5 человек. „Вельбот, подхваченный попутным ветром, под умелой рукой Иерока на полном ходу огибает огромные льдины и, как змея, проскальзывает в узких щелях между ними. Вокруг нас грохот. Приходится кричать, чтобы сосед услышал твои слова. Льдины то и дело сталкиваются друг с другом. Часто их столкновение настолько сильно, что они разлетаются на куски. Одна из них, похожая на гриб, сильно обиженная нашим невниманием, с шумом перевертывается позади проскользнувшего вельбота. Несколько мгновений на ее месте огромная бурлящая воронка. Потом появляется высокий ледяной столб, но он недолго задерживается и вскоре с треском падает на бок, обдавая нас тучей брызг“.

Вдали виднеются моржи, они расположились почти у самой кромки льда, а за льдом — бешено несущиеся пенящиеся валы.

¹ Г. Ушаков. Робинзоны острова Врангеля. С рисунками П. Стожонкова, 48 стр. Гиз, 1931.

Уголок поселка на острове Врангеля (рис. М. Разулевича)

Волнение и движение льда здесь быстрее — опасность огромная. „Иероком овладевает настоящее вдохновение. Без рукавиц и без шапки, с развевающимися волосами, он словно прирос к рулю. Каждое движение, малейший поворот руля у него точны. Мы пролетаем в такие щели, где вельбот обоими бортами чуть не чертит о соседние льдины“.

К моржам надо подходить с осторожностью, их легко спугнуть, один неудачный выстрел — и все пропало! Надо убить сразу. Даем залп, и два огромных самца остаются нам в награду за риск“.

Надо возвращаться на берег. Но путь назад уже почти закрыт сгрудившимся льдом, нельзя медлить ни секунды. Но как быть с моржами? Не свежевать же их здесь на льду! Туши пришвартовывают к бортам вельбота и пытаются протискаться с этим грузом к берегу. „Мы окружены густым льдом. Парусом пользоваться нельзя. Приходится двигаться вместе со льдом. Каждый шаг достается с боя. Всем нам ясно наше положение, и поэтому каждый делает все возможное. Время от времени нам удается раздвинуть две соседние льдины и придвинуться на несколько десятков метров к берегу. Вельбот часто сжимается двумя льдинами, и мы с замиранием сердца ждем, что вот-вот он треснет, как орех. Но пришвартованные к бортам туши моржей спасают нас. Они действуют, как хорошие буфера“.

Моржи-буфера спасают охотников, и те выходят победителями из казалось бы неминуемой катастрофы, когда вельбот вдруг вместе с моржами застревает между двумя льдинами. „Раздается треск..., но, к счастью, лопнула только верхняя доска“. Еще несколько часов упорной борьбы, и охотники, вконец измученные от усилий и острых переживаний, на берегу. „Эти две моржовых туши, — замечает Ушаков, — могли стоять

жизни восьми человек. Но недостаток мяса зимой поведет к еще большим жертвам. Поэтому мы должны пользоваться каждой возможностью..“

Наступала полярная ночь. „23 ноября показался только верхний край диска. Все небо горело. Вода казалась черной вороной сталью. Снег переливался розовыми, оранжевыми, синими и фиолетовыми цветами. На следующий день солнце уже не показалось. Скоро поблекли все краски. Весь ландшафт посерел, словно кто-то его посыпал пеплом. Началась полярная ночь! Она была первой и самой трудной в жизни колонии. Морозы доходили до 60° С. Жестокие непрерывные метели и отсутствие солнца часто делали невозможными сколько-нибудь отдаленные поездки. Запасы мяса быстро стали уменьшаться. Собак начали кормить вареным рисом и потеряли их почти половину“.

15 января 1927 года колония понесла невоснаградимую потерю: умер самый опытный, отважный и энергичный, способный каждую минуту прийти на помощь товарищу, эскимос Иерок. Для начальника колонии Ушакова эта потеря была невоснаградима. „Я терял человека,— пишет он,— который понимал меня, был незаменимым товарищем, с которым крепко сроднили пять месяцев совместной жизни и борьбы... Больно ждалось сердце. В моей памяти пронеслись моменты, проведенные с ним... Вспомнилась его маленькая приземистая фигурка, освещенная светом костра, когда он стал на мою сторону и горячо выступал против суеверия своих сородичей... Яркими картинками пронеслись сцены на совместной охоте и длинные вечера в палатке, проведенные вместе“.

За трехлетнее пребывание на острове Ушаков со своими сотрудниками не только тщательно изучил природу острова и условия жизни на нем, но и основательно ознакомился с бытом эскимосов. Смерть и погребение Иерока дали особенно богатый материал для наблюдений,— тем более интересных, что ритуальная сторона процесса погребения у эскимосов мало подверглась еще изучению.

Лишь только старик скончался, как тело его облекли в обычную рабочую одежду, натянули торбазы,¹ надели шапку и рукавицы, после чего положили на оленью шкуру и покрыли одеялами. „Сверх одеяла вдоль тела был положен деревянный брусок. Завернув концы постели и одеяла, тело вместе с бруском увязали тонким ремнем, оставив с каждой стороны по три петли. Теперь тело напоминало хорошо спеленанного ребенка, только головы не было видно, а ноги по щиколотку торчали наружу“.

Затем началась прощальная трапеза, причем стол изображал сам покойник. На него наставили блюда с мясом. Кончив еду, пили чай. Поев и закусив, собрали на блюдо недоеденные куски, после чего, ухватившись за петли, стали выносить покойника ногами вперед.

Вынеся наружу, тело опустили на снег, а сами расселись вокруг. Начался „разговор“ с покойником — повидимому самая

¹ Торбазы—обувь из оленьей кожи вроде валенок; снаружи и внутри—мех.

важная часть ритуала. Двое ближайших друзей умершего — Етуи и Кмо — взяли за концы бруска, укрепленного вдоль тела, и стали задавать покойнику различные вопросы, на которые тот немедленно же давал „ответы“; собственно, лексикон последнего был крайне ограничен, он мог „сказать“ только „да“ или „нет“. Чтобы получить ответ „да“, Етуи и Кмо не испытывали почти никаких затруднений, приподымая умершего за концы шестов; если же следовало „нет“, покойник становился настолько тяжелым, что его с трудом можно было приподнять с земли. Эскимосы уверяли Ушакова: иногда покойник настолько тяжелеет, что никаких сил нет оторвать его от земли, он словно прирастает к земле. Но после такого самого категорического „нет“ следует „да“, и тот же покойник подымается совершенно легко.

Сейчас обитатели колонии с любопытством наблюдали следующую сцену разговора:

— Отчего ты умер? Не шаман ли накликал смерть? — спрашивает Етуи, и, взявшись с Кмо за концы шеста, с превеликим усилием они приподымают тело.

Ответ, следовательно, получен отрицательный.

— Ты один пойдешь?

Тело поднимается легко, — значит „да“.

— А после тебя никто не умрет?

— „Нет“, — отвечает покойник.

— Будет ли у нас мясо?

— „Да“.

— Закапывать ли тебя в землю?

— „Нет“.

— Разве ты собираешься куда-нибудь уйти?

— „Да“.

— Ты, вероятно, пойдешь на ту землю, где похоронена твоя жена?

— „Да“.

Опрос умершего окончен. Тело кладут на нарту ногами вперед, впрягают собак, и при свете фонарей процессия трогается в гору; ни одна женщина в ней не участвует. При каждой остановке провожающие обходят вокруг нарты и трутся о труп кто боком, кто плечом, после чего снимают с себя верх-

Г. А. Ушаков на острове Врангеля после охотничьей прогулки на лыжах

нюю одежду и трясут ею над трупом. Этим способом они передают покойнику „все свои недуги“. Но вот и место погребения. Эскимосы разгребают снег и в образовавшуюся узкую, неглубокую яму кладут тело. Затем все, что ни есть на покойнике, снимается с него и разрезается на куски. То же самое проделывают и с нартами; все ремни перерезаются, доски и полозья ломаются, и все это складывается в кучу и придавливается камнями.

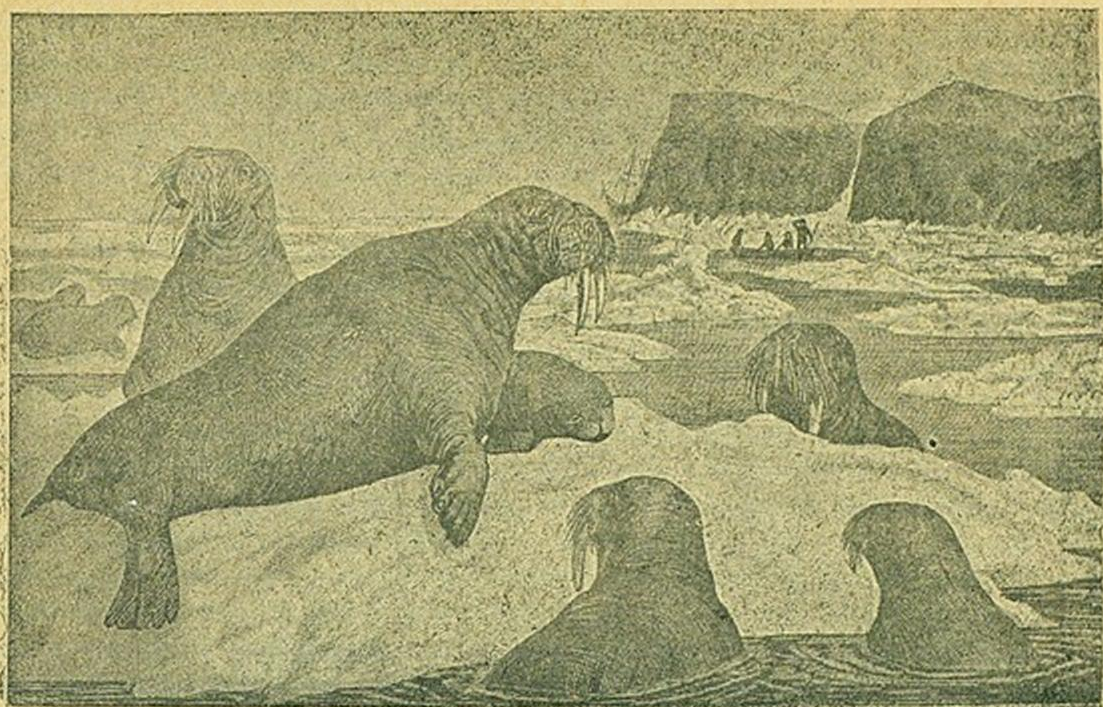
На вопрос Ушакова, чем вызвано такое отношение к вещам покойного, эскимосы отвечали: „Если оставить все целым, то Иерок вскоре сможет вернуться обратно в колонию и увести с собой еще кого-нибудь. А если все переломать, то, пока он все это исправит да починит, забудет дорогу и не придет“.

Сделав около головы умершего круг из камней, погребавшие стали наполнять его изломанными и приведенными в совершенно негодное состояние остальными вещами покойного: сюда были уложены остатки ножа, точильного бруска, продырявленный чайник, черепки чашки, трубка, кисет с табаком, спички и пр.; наверх положили сухари, горсть сахара, кусок кирпичного чаю и жевательный табак.

Но и этого всего оказалось мало. Для еще большей безопасности были приняты следующие мероприятия. Нужно было сделать так, чтобы покойник ни в коем случае не отыскал дороги к поселку и не увел кого-нибудь с собой; достигалось это так называемым „закрыванием“ дороги. Эскимосы, обойдя раз вокруг тела, направились к колонии. Впереди шел Тагью. Выйдя на след, где прошла нарта с покойником, эскимосы завернули назад и, сделав петлю, как бы завязав узел, продолжали путь. Но скоро сделали новую петлю. Так на расстоянии полутора километра было завязано пять „узлов“.

Обряд окончен. Эскимосы возвращаются в колонию, но предварительно заходят на лед и начинают кувыряться и кататься по гладкой ледяной поверхности. На берегу они разжигают костер, над которым долго и тщательно трясут и выбивают свои одежды: все, что пристало к ним от покойника, должно исчезнуть в огне костра. Особенно печально в этот день в юрте у осиротелой семьи Иерока. Пять суток, не раздеваясь, находятся все члены семьи в юрте, не смея производить никакой работы. К ним также в течение этого времени никто не имеет права входить.

С суеверием эскимосов, иногда пагубно отражавшимся на жизни всей колонии, приходилось, конечно, бороться. Но убеждать их в противном приходилось не словами, а примерами из самой жизни. Тяжелое положение колонии, плохую охоту, болезни и смерть Иерока эскимосы приписывали козням злого и хитрого чорта Тугнагака, поселившегося с их приходом на острове. Всякая борьба с этим исчадием ада, по мнению эскимосов, была совершенно бесполезна; чорта до известной степени можно было только смягчить различными приношениями: табаком, чаем, сахаром и пр., что и делали эскимосы, разбрасывая эти продукты по земле. Эскимосы решили, что злой дух живет на северном бе-

Моржи

регу острова, где, как было известно Ушакову, возможна успешная охота на белого медведя. Никакие убеждения о необходимости отправиться туда на охоту не приводили к результатам. „Чорт крепко сидел в сознании эскимосов, и результаты пропаганды могли сказаться только в самом неопределенном будущем. А положение колонии не давало отсрочек...“

Ушаков, наконец, уговорил эскимосов поехать с ним на северную сторону, и, к счастью всей колонии, убили медведя. „Это был серьезный удар по чорту. Охотники решили, что он уже не так силен, как они думали, и потянулись на охоту“. Все чаще отправлялись на северную сторону охотники и каждый раз возвращались с трофеями. „Снова мясо и шкуры. Эскимосы повеселились. Упадочное настроение окончилось“.

Наученные горьким опытом, колонисты на вторую и третью зимы уже знали, что делать, чтобы обеспечить себя мясом. Летом они заготавливали большие запасы моржового мяса, а зимою охотились на северном берегу. Благодаря этому последующие зимовки протекали вполне благополучно и дали возможность приступить к научным работам по исследованию острова и сбору естественно-исторических коллекций. Эскимосы деятельно помогали при этом. Наиболее тяжелой и продолжительной оказалась работа по маршрутной съемке всего острова. Выполнявшаяся на собаках в течение 28 дней в морозы, которые буквально останавливали дыхание, съемка была закончена лишь весной 1928 года. Результаты этого исследования легли в основу наших современных суждений о географии острова Врангеля.

Так, трудясь, наблюдая, исследуя и участь всем премудростям арктического быта, жили наши зимовщики, не имея времени скучать. Однако на материке, когда выяснилось, что пароход

в следующее лето, т.-е. в 1927 году, не сможет из-за нагромождений льдов подойти к берегам острова, возникло вполне естественное опасение: все ли на острове благополучно? Выяснить это возможно было, только организовав на остров воздушную экспедицию, каковая и была поручена представителю Совторгфлота Г. Д. Красинскому.

Для доставки к мысу Северному двух гидросамолетов (летающая лодка „Савойя“ и обычный пассажирский самолет типа „Юнкерс“) был использован пароход „Колыма“. Первый полет, предпринятый 15 июля, был не вполне удачен. До острова добрался лишь „Юнкерс“, „Савойя“ же попала в туман и принуждена была вернуться обратно. На следующий день она повторила попытку. „Взлет на этот раз,— пишет Красинский,— произошел легко. Пролетев мимо морского судна, мы направились дальше тем же курсом—на север, к острову Врангеля. Погода стояла ясная, солнечная. Уже через 12 минут после взлета остров открылся (в ясную погоду видимость на севере исключительно хороша). Вначале остров вырисовывался мгlistой полоской далеко впереди на горизонте. Затем полоска стала расти все яснее. Постепенно стали выявляться характерные очертания острова с растянутой по длине его цепью возвышенностей. Все ближе и ближе подходили мы к нему, имея под собой все тот же, угрожающий мощными льдами, Северный океан. Сели мы в бухте Роджерс—центральном пункте островной колонии. Там же застали мы и наш моноплан“. ¹

С восторгом, в полном составе встретила колония материковых гостей, привезших письма, сообщения, газеты, свежие фрукты, овощи. Прилетевшие, удостоверившись, что оснований для беспокойств о судьбе колонии нет никаких, в тот же день улетели обратно...

Сильный холод, доходивший до —60°С, метели и ветры создавали часто исключительные по трудности условия в работе наших зимовщиков. Доктор Н. П. Савенко, например, помимо своих профессиональных обязанностей, почти бесменно выполнял во все время своего пребывания здесь метеорологические наблюдения. Ценность этих наблюдений в конечном итоге несколько не уменьшилась от того, что на острове не было в то время радиостанции. Собранный доктором материал был впоследствии обработан и дал возможность пополнить наши скудные сведения о погоде в этой труднодоступной части арктики.

Просматривая сухие сводки метеорологических данных с острова Врангеля, где аккуратно в соответствующей клетке зарегистрированы давление воздуха, температура его, облачность, осадки, движение воздуха в секундомерах и т. д., мы зачастую и не подозреваем, какой ценой и с каким риском добывались нередко все эти данные. Не всегда доктор, выходя наружу, чтобы осмотреть метеорологические приборы или навестить больного,

¹ Г. Д. Красинский. Пути Севера (Северные воздушные экспедиции 1927 и 1928 гг. Остров Врангеля и первый ленский рейс). Изд. Осоавиахим. М. 1929.

был уверен, что он вернется обратно. Постоянная практика, однако, выработала целую систему предохранительных приспособлений, которые и давали возможность доктору и прочим членам колонии успешно преодолевать неистовства здешней природы. Приводимая сокращенно жанровая картинка, изображенная Н. Войтинской,¹ дает нам достаточно наглядное представление о путешествии доктора Савенко в один из бурных дней к находящемуся всего лишь в нескольких десятках метров от его жилища больному.

Чукча Эттыльгин, с превеликим трудом пробравшись к доктору, зовет его к заболевшей сестре:

— Злой дух посетил наш шатер,— закончил свой рассказ молодой чукча...

Доктор привесил себе на шею небольшой мешочек с медикаментами, натянул косматые меховые сапоги, а через голову надел длинную, широкую малицу с капюшоном. Из-за густого, пушистого меха поблескивали большие, круглые стекла его очков. Подбородок и кончик носа можно было спрятать за широкий ворот малицы. В метель кожа через несколько минут покрывалась ледяной маской и мучительно ныла.

В сенях Эттыльгин поднял с полу длинный ремень из моржовой кожи и обвязался им вокруг пояса. Другой конец ремня он передал доктору. Доктор взял ремень и крепко затянул его вокруг широкого мехового балахона. Итти предстояло недалеко, всего шагов триста, но эта предосторожность не была излишней. Даже через тройные рамы и обшитые тесом и толем стены доктор в своей маленькой, жарконатопленной комнате слышал, как гудела и завывала вьюга, крутя над берегом бухты вихри снежной пыли.

Обвязавшись в сенях концами ремня, они вышли из дому. Только переступили через порог, как порыв ветра с такой яростью бросил на них белую колючую мглу, что доктор пошатнулся и ударился о косяк. Эттыльгин, как кошка, припал к земле... Ремень, связывавший его с доктором, натянулся, как потяг собачьей упряжки. Низко нагнувшись, словно вглядываясь в несуществующие следы, Эттыльгин почти пополз. Он тянул за собой доктора. Жесткие крупинки злобно разыскивали всякое незащищенное место на лице и кололи, как иглы. Доктор закрыл глаза. Зачем было их открывать среди этого белого мрака?.. Минутами казалось, что ветер налетает из-под земли и из какой-то трещины злобно выметает, выбрасывает тучи мельчайших стеклянных осколков. Эттыльгин подвигался медленно, но доктор чувствовал, что его проводник не плутает наудачу, а знает, куда нужно итти. Уверенность его передавалась также и ему. Он уже не думал о свисте и столах бури; в сознании стали всплывать какие-то легкие, светлые мысли. Вдруг он почувствовал, что ремень ослаб. Он вытянул из-за ворота голову и приоткрыл глаза. Они стояли перед самой ярангой. Эттыльгин освободил

¹ Н. Войтинская. В кольце льдов (три года [на острове Врангеля]). С рис. Изд. „Красная газета“. Л. 1930.

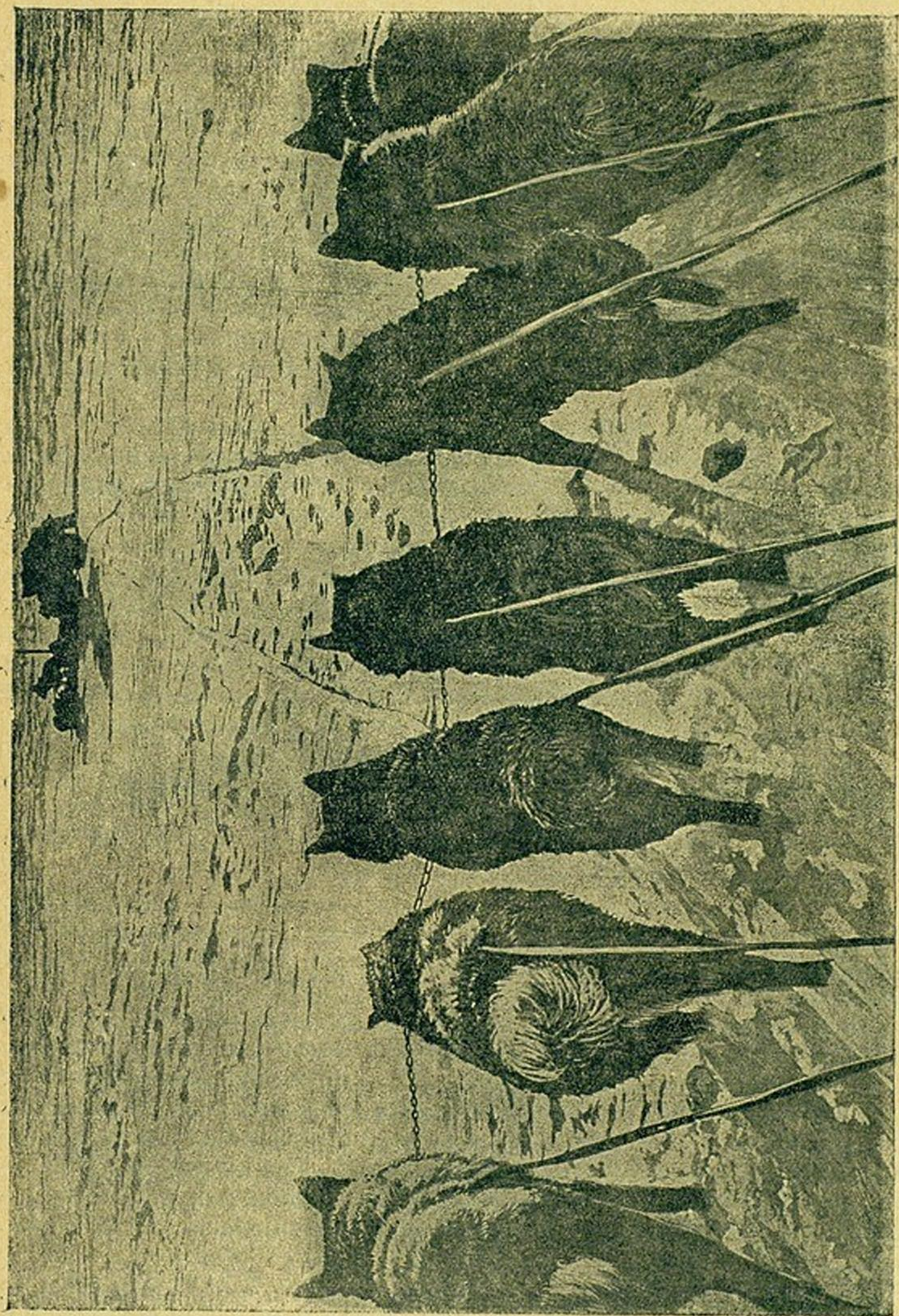
доктора от ремня и, слегка приподняв тяжелую меховую полу шатра, предложил войти, то-есть, растянувшись на животе, вползти под полу⁴.

Или вот еще образец наглядной метеорологии острова Врангеля и способов сообщения по нем в бурю. Ушаков отправляется с 4 эскимосами и 2 эскимосками поперек острова на северную его сторону с целью оставить там два семейства на жительство. „Середина марта. Ясное утро. Легкий юговосточный ветерок. Сильный мороз. Наши сборы недолги. Нарты увязаны накануне. Запрягаем собак — и в путь!.. Но не отъехали мы еще и десяти километров от колонии, как движение начало замедляться. Через час после отъезда ветер перешел на восточный, а еще через полчаса начался встречный норд. Даль затуманилась. Под ногами закурился снег. Навстречу текут миниатюрные снежные ручейки. Они заметно растут. Слово пар, все выше и выше поднимается над ними мельчайшая снежная пыль. Налицо все признаки начинающейся метели... Собаки начинают останавливаться. Ветер крепнет с каждой минутой. Скоро начинается настоящий ад. Ветер поднимает снежную пыль до десяти метров и, словно взбесившись, бросает ее...“¹

Но что это? Ушаков вдруг чувствует, что его его-еле двигающаяся нарта внезапно срывается с места и куда-то мчится с быстротой курьерского поезда. Вихрь несущейся снежной пыли все застилает от глаз, собак — и тех не видно. Должно быть понесли, почуяв след медведя, — решает Ушаков, тянется к винчестеру и не может его найти. Но надо же прекратить эту бешеную скачку! Он делает над собой огромное усилие и всем телом наваливается на тормоз. И вдруг... Новое, еще более непонятное чудо! Заряд мускульной энергии пропадает даром. Путешественник быстро срывает с лица своего снежную маску и теперь только убеждается, в чем дело. Полузанесенная снегом нарта прочно, как вкопанная, стоит на месте, а вокруг лежат, свернувшись клубочками, собаки, они также почти уже занесены снегом. Повидимому, убедившись в полнейшей невозможности и бесполезности всякого продвижения вперед, животные, пытаясь спрятаться от снежного вихря, стали заходить за прикрытые саней, одновременно повернув их на 180°; седок же, облепленный снежной коркой, не заметил этого маневра и, очутившись внезапно спиной к ветру, создал себе полнейшую иллюзию бешеной гонки.

Несмотря на сложность обстановки, путешественником овладевает веселое настроение. Оно еще более усиливается, когда он подходит к своим коллегам. Оба возницы продолжают пребывать в том же блаженном неведении, в котором только что находился и сам начальник. Нельзя было без смеха видеть, как „безумно оба мчались куда-то“. Их напряженная поза, подпрыгивание на месте, даже обычное громкое понукание собак — „эк-эк!“ — все свидетельствовало, что они находились в полной уверенности, что нарты вихрем несут их вперед.

¹ Г. Ушаков, Робинзоны острова Врангеля.

В путь-дорогу по острову на собаках (фото Г. А. Ушакова)

Всякие попытки двигаться дальше безуспешны. Собаки уже не слушают команды, они бросаются из стороны в сторону и под конец поворачивают обратно. Надо отложить поездку до более благоприятного времени, а сейчас вернуться назад. „Досаднее всего то, что это происходит при ясном лазурном небе. Ни одной тучки, ни одного намека на облачко. Бездонный, нежноголубой купол и яркое солнце. Это вверху. А внизу — на высоте десяти метров над землей — свист ветра, сплошная масса несущегося снега... Через полтора часа подъезжаем к колонии... Ясное небо, еле заметный северозападный ветерок и... никакой метели!“

На другой день Ушаков, при более благоприятных условиях, вторично препринимает поездку по тому же направлению. Путешественникам удастся на этот раз благополучно достичь противоположного берега. Вечером, на привале, они любуются изумительным по яркости красок зрелищем, возможным только в далекой арктике.

„На западе за горизонт опускается огромный красный шар солнца. Вернее — не шар, а сфероид, — кто-то взял и сплюснул солнце. Весь запад горит. Загорается снег, загораются снежные поля и пыль над ними.словно вся долина оказалась залитой расплавленным металлом, бурно стекающим по склону. От потока подымается яркокрасный пар. А на горизонте густофиолетовой массой высится пик Берри и окружающие его вершины. Огромный „пожар“ снежных полей приковывает взгляд. Он одновременно и восхищает и давит мощностью. Эскимосы, обычно равнодушные к красоте природы, сейчас не отрывают взгляда от курящихся красных потоков. Етуи возбужденно кричит:

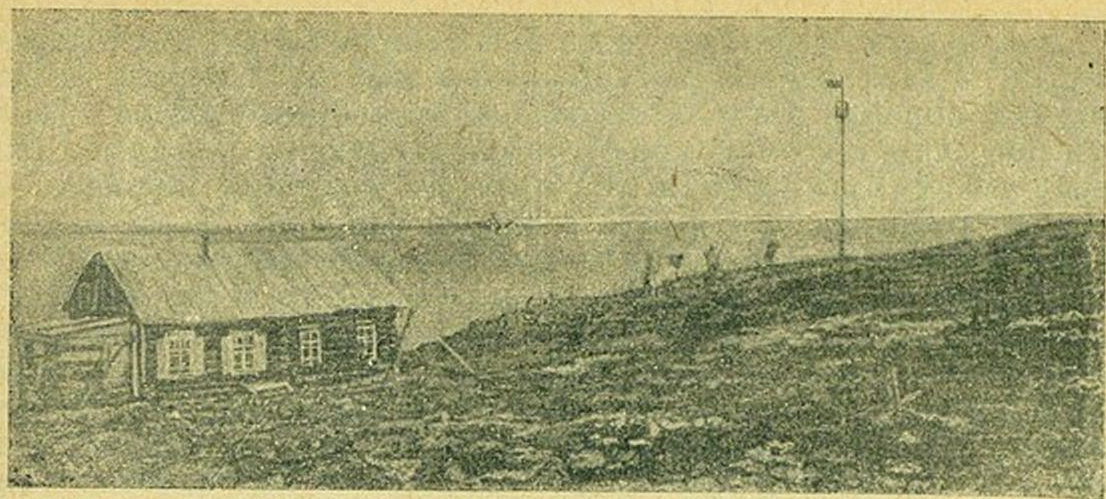
— Пинепихток! (Это означает: очень хорошо!)

Но пожар не греет. Он жутко-холоден. Холодный ветер чувствуется и сквозь двойную меховую одежду“.

Вечером 28 августа 1929 года, расталкивая льдины, ледорез „Литке“¹ малым ходом подходил к берегам острова Врангеля. Юговосточный берег острова был почти свободен ото льда. Выбери „Литке“ другое направление, пойдя, например, севернее острова Геральда, он не достиг бы в эту навигацию острова Врангеля, где так его сейчас ждали.

В истории освоения и изучения острова Врангеля и его окрестных вод экспедиция на „Литке“ имела большое значение. Необходимо было прежде всего достигнуть острова Врангеля; произвести по пути, а также и на острове разного рода научные исследования; снять зимовщиков и водворить на их место новую смену; соорудить новые строения: дом для радиостанции, баню и склад для хранения продовольственных запасов; снабдить зимовщиков запасами продовольствия и топлива на три года.

¹ Свое наименование ледорез „Литке“ получил в честь капитана Ф. П. Литке, совершившего в 1826—1829 гг. кругосветное плавание на шлюпе „Сенявин“. Литке является заслуженнейшим русским географом. Он долго и плодотворно плавал на севере, много работал в Географическом обществе, был одним из его основателей, и около 20 лет его вице-председателем. С 1864 года и по год смерти состоял президентом Академии Наук. Родился Литке в 1797 году, скончался — в 1882 году.

Дом начальника о. Врангеля и метеорологическая станция в 1929 году

Хотя ледорез „Литке“ неоднократно справлялся успешно с возлагавшимися на него тяжелыми задачами, все же при отправлении его на остров Врангеля возникло естественное опасение: сможет ли корабль прорвать тяжелое кольцо льдов, опоясавшее эту крайне трудно достижимую территорию. Однако под умелым руководством опытейшего ледового моряка капитана К. А. Дублицкого „Литке“ успешно справился со всеми трудностями.

По прибытии „Литке“ в бухту Роджерс началась энергичная, напряженная работа. К 5 сентября постройки вчерне были уже закончены: сооружены радиостанция с мачтой, баня и каркас склада.

Время пребывания „Литке“ в бухте острова было использовано также для производства интереснейших научных наблюдений. Так, биолог экспедиции П. В. Ушаков исследовал пресноводные бассейны; та же работа им произведена и в некоторых бухтах Чукотского полуострова, где останавливался „Литке“. Вместе с новым зимовщиком — врачом Синадским, П. В. Ушакову удалось в короткое время собрать орнитологическую коллекцию из 25 различных представителей пернатых, прилетающих на остров Врангеля.

Участник экспедиции В. А. Березкин провел в 43 местах гидрологические наблюдения, результатом обработки которых явились 4 разреза, в общих чертах выявивших распределение течений в данном районе.

Гидрологические наблюдения, сводившиеся к определению температуры морской воды, ее солености и щелочности, анализировались здесь же на судне гидрологом Г. Е. Ратмановым в оборудованной им походной химической лаборатории.

На острове Врангеля геологом экспедиции — сотрудником Океанографического института В. П. Кальяновым было совершено несколько экскурсий в глубь острова для выяснения как современного рельефа острова, так и его геологического прошлого. Им же были собраны довольно солидные ботанические коллекции, впоследствии обработанные на материке.

Разумеется, в течение всей экспедиции на „Литке“ через каждые 4 часа велись метеорологические наблюдения, а на мостике корабля была установлена психрометрическая будка с гигрографом и термографом (самозаписывающие аппараты для определения влажности и температуры воздуха). Впервые на острове Врангеля, а также и в районе плавания, В. А. Березкиным были произведены актинометрические наблюдения (т.е. наблюдения за силой солнечного излучения). 18 серий этих наблюдений, из которых 13 продолжались более 10 часов, дали достаточно материала для построения кривой суточного хода солнечного излучения. Во все время пребывания „Литке“ в бухте Роджерс, Березкин, с помощью установленного им футштока (шеста с делениями), производил наблюдения над колебаниями здешних приливов...

По окончании работ „Литке“ готовится к отходу. Все грузы, предназначенные для острова,—уже на берегу. Взамен прибывают последние тюки со шкурами песцов, белого медведя и моржа, ящики с бивнями мамонта и клыками моржа; вот, наконец, и богатейшие геологические и орнитологические коллекции Ушакова.

Гудит последний прощальный гудок. Прощание. Г. А. Ушаков расстроен. Три года совместной борьбы, три года морозов, метелей и льдов, общие неудачи и радости сроднили его и с людьми и с островом. „Не раз за три года,—замечает Ушаков,—у каждого из нас срывались проклятия по его адресу. А теперь, уезжая, мы почувствовали, как крепко сжились с ним, с его суровой природой, его метелями“.

Когда уже много времени спустя Ушакова спрашивали: скучал ли он?—тот отвечал, что скучает лишь теперь—скучает по острову, по своим спутникам-эскимосам, по собакам и даже по метелям.

Новая смена обитателей острова Врангеля состояла из начальника колонии Минеева, его жены В. Ф. Власовой, врача Н. Е. Синадского, метеоролога К. М. Званцева, старшего радиста Ф. Т. Шатинского, его помощника В. Ф. Боганова и повара Петрика. Из прошлого состава остался И. М. Павлов, несший попрежнему обязанности зав. хозяйством и кладовщика.

По уходе „Литке“, много дел самых срочных легло на плечи наших зимовщиков. Необходимо было спешить: холода с метелями не за горами. На работу мобилизовали почти всех обитателей поселка. Прежде всего надо наладить радиосвязь. Работа шла быстро и споро; 7 сентября, к великому удовольствию зимовщиков, радио заговорило. По вечерам, после работы, зимовщики слушали сообщения по радио. Удалявшийся „Литке“ все еще посылал приветы и сообщал подробности своего плавания.

Но вот пришло известие, которое вскоре привлекло всеобщее внимание и заставило наших зимовщиков принять живое участие в общей работе. Сообщалось, что пароход „Ставрополь“, возвращавшийся из устья Колымы, куда он совершал рейс, затерт льдами в районе мыса Северного. Сообщалось также, что подобная же участь постигла американскую шхуну „Нанук“

из Ситля, зазимовавшую поблизости от „Ставрополя“. На „Ставрополе“, кроме команды, находилось свыше 30 пассажиров, в том числе 4 женщины и 3 детей; капитан же парохода Милловзоров тяжело заболел. Необходимо было организовать помощь. Советские летчики спешили спасти пассажиров, американские же были больше озабочены скорейшей переброской на материк к зимнему аукционному сезону больших запасов пушнины, находившихся на борту „Нанука“.

У нас были организованы для оказания помощи „Ставрополю“ две экспедиции: морская, во главе которой был поставлен капитан „Литке“ К. А. Дублицкий, и летная, под начальством известного летчика М. Т. Слепнева. На помощь же владельцу шхуны „Нанук“ Свенсену, находившемуся на судне с дочерью и с американской корреспонденткой, вылетел американский летчик Эйельсон — соучастник перелета Вилькинса через полярный бассейн, он же глава авиационного общества „Аляска Эруэйс“.

Когда „Литке“ прибыл в бухту Провидения, куда доставил самолеты, и откуда должны были начаться полеты к „Ставрополю“, наступила полярная ночь. 20 ноября солнце скрылось за горизонтом, чтобы не показываться до 22 января. До „Ставрополя“ было свыше тысячи километров. Доставив летчиков и самолеты, „Литке“ ушел.

Вскоре в эфире началось необычайное оживление, и на станцию стали поступать сведения, вызывавшие среди зимовщиков полное недоумение. Так, узнали, что у бухты Провидения в труднейший зимний путь двинулась по направлению к „Ставрополю“ санная экспедиция на собаках, а 28-го, несмотря на пургу, по тому же направлению вылетели два самолета. „Мы на острове сначала не поняли, — пишет Званцев, — чем вызвано такое безумие. Нужно было переждать светлых дней. Только позже мы узнали, что исчезли полярный летчик Эйельсон и его механик Борланд. Все радиостанции Чукотки и Северной Америки передавали жуткую весть о новой трагедии во льдах арктики. „Эйельсон! Эйельсон! Эйельсон! — звали радиостанции, — сообщите, кто знает о судьбе самолета „Гамильтон 100 002“. Сообщите об Эйельсоне!“

На поиски пропавших вылетали самолеты советские и американские, снаряжались собачьи нарты. Председатель американской комиссии по спасению летчиков обратился на остров Врангеля с просьбой сообщать ему регулярно о состоянии атмосферы. Метеоролог станции Званцев через каждые два часа давал в Ном на Аляску просимые сведения. Зимовщики, однако, решили, что этих сведений мало, они также должны включиться в общую работу и оказать более актуальную помощь, так как было серьезное предположение, что Эйельсон мог снизиться где-нибудь вблизи острова в проливе Лонга. Было созвано совещание, на котором решили снарядить четыре упряжки и двинуться, покуда позволят льды, на юг. В экспедиции приняли участие Минеев — врач, младший радист и проводник-эскимос Талью. Никаких следов пропавших летчиков наши зимовщики,

однако, не обнаружили. Энергичные шаги, предпринятые сельсоветом мыса Северного, привлечшим к делу розысков местных чукчей и назначившим премию в 2000 рублей,—также не привели ни к каким результатам. Ночная мгла, туманы и сильные ветры естественно не давали возможности сколько-нибудь детально обозреть окрестности и сделать какие-нибудь выводы о пропавших американцах.

После долгих и тщательных поисков следы летчиков были, наконец, обнаружены американским летчиком Кроссеном. Летая над тундрой Чукотки, он заметил какой-то предмет, торчавший из-под снега. Сделав несколько кругов над странным, еле обозначавшимся на бесконечном снежном фоне предметом, он по тени определил, что „предмет“ как будто похож на конец крыла самолета. Он был при этом твердо убежден, что летчики все же не погибли. Кроссен предложил Слепневу совместно с ним слетать к обнаруженной им находке и выяснить на месте, в чем дело. „Мы летели,— описывает Слепнев этот памятный полет,— в ясную в полярной обстановке погоду: видимость была на 5 километров (и это очень хорошо для полярных местностей). Горизонта в белесоватой мгле не было видно. Земная поверхность сливалась с мрачным и серым небом, как-то низко опускавшимся на нас. Вот где необходимы хорошие нервы и спокойная организация духа; слабого человека, поддающегося настроениям, такое небо определенно „задавит“.¹ Кроссен был прав. Замеченное им с высоты „нечто“ действительно оказалось разбитым, запорошенным снегом самолетом Эйельсона.

„Мы,— вспоминает Слепнев,— неторопливыми шагами измеряли пространство тундры, осматривали место гибели Эйельсона. Джон Кроссен невозмутимо посасывал трубочку, но тяжелые морщины на лбу выдавали его душевное напряжение. Мы посидели несколько минут на крыле разбитого „Гамильтона“, отметили расстояние, отделяющее нас от колеса, осмотрели предполагаемое место первого удара самолета о высокий берег лагуны реки Ангуемы“.

„Сомнений больше не было: летчики погибли, но где же их тела? На материк полетела радиограмма: „Всем! Всем! Всем! Самолет Эйельсона и Борланда „Гамильтон 100 002“ разбился в 50 милях от мыса Северного и в 9 милях от берега. Летчики пока не найдены. Пилот Слепнев“.

Лишь 13 февраля, после чрезвычайно долгих и упорных поисков, по ноге, торчавшей из-под снега, матросом со „Ставрополя“ был найден труп механика Борланда а через 4 дня — Эйельсона.

Вечером 22 февраля на острове Врангеля была получена следующая радиограмма из Аляски: „Мистер Ломен благодарит за сводки мистера Званцева и сообщает, что комитет по спасению свою работу прекращает“.

¹ М. Т. Слепнев. Из опыта полярных полетов. Розыски американских летчиков. Воздушные пути Севера. Сборник статей, посвященных вопросам освоения Севера. Изд. „Советская Азия“. М. 1933.

Первый год пребывания зимовщиков на острове прошел благополучно, скучать не приходилось, дела у всех было достаточно, снабжение и качественно и количественно вполне удовлетворяло. В свободное время развлекались охотой, поездками в окрестности, сбором коллекций и чтением.

Но с начала второго года выяснилось, что нервная система некоторых из зимовщиков явно не приспособлена к условиям полярной жизни. Захворал повар Петрик. Уже и в прошлом году за ним примечали какие-то странности. „Наш повар Петрик,— заносит в дневник Званцев,— часто выходил в тундру и грозил кому-то в горах кулаком, прислушивался к чему-то, точно слушая, что происходит под землей. Кому-то отвечал: „Иду, иду“ и уходил за реку. Это нас смущало, но как-то думалось: „Ничего, пройдет“. Но не прошло. Повар заболел помешательством. Во время бури Петрик без шапки отправлялся на берег. Он долго стоял там, грозил кому-то кулаком и старался перекричать вихрь. По временам до слуха зимовщиков доносились его вопли и непонятные обрывки фраз. Ветер рвал его волосы и длинную бороду.

Присутствие на острове в течение двух лет психически больного принесло всем зимовщикам не мало хлопот, связанных с уходом за больным. Необходимо было направить его на материк и как можно скорей. Об этом послали соответствующий запрос. С материка сообщили по радио, что на остров 2 июля отправлена из Владивостока шхуна „Чукотка“, которая привезет уголь, продовольствие и снимет больного. Ежедневно с острова посылались на шхуну ледовые сводки, правда, довольно неутешительные. И в самом деле: впереди острова до самого горизонта, „насколько хватал глаз, стоял девятибалльный сплоченный лед полями; только узким пятимильным поясом остров окружала полоска воды... Мы в ледяном плену. Что-то будет!“ — записывает Званцев.

6 июля удалось непосредственно связаться с „Чукоткой“. Узнали, что шхуна затерта льдами в устье Ванкарема. С напряженным вниманием следили на острове за сигналами с „Чукотки“. Ночью, среди воющего шторма и пурги „Чукотка“ сообщила, что раздавлена льдами и погибает.

По распоряжению Минеева, на радиостанции установлена круглосуточная вахта. Со шхуны поступали радиogramмы:

От 26 июля: „Пока держимся в сплошном штормующем льду, изо всех сил стараемся спасти шхуну, пассажиров; есть женщины, дети. Паники нет“.

28-го шхуна еще держалась, 29-го — весь день молчание, а шторм тем временем крепчал все более. Наконец, 30-го вечером молчавшая шхуна неожиданно заговорила:

„Потеряли остатки гребного винта, просим немедленной помощи“.

В ночь на 31 июля шхуна дала последнее радио:

„Положение безнадежно... Слушайте каждые десять минут... Скажите, сколько времени...“

Повидимому, хотели еще что-то спросить, но решительный момент заставил всех покинуть судно. Радио оборвалось.

Находившийся в 7 милях транспорт „Лейтенант Шмидт“ отвечал шхуне:

„Советую оставить шхуну, спасайте пассажиров, команду, себя, высаживайтесь на лед. Вышлю, если позволит лед, на помощь команду. Берегите людей. Судно помочь бессильно, с опасением ждем шквалов. Капитан Миловзоров“.

Однако ледовая экспедиция с „Лейтенанта Шмидта“ не состоялась. Трудную миссию спасения людей с „Чукотки“ выполнил пароход „Колыма“ под командой капитана Сергеевского. „Колыме“ удалось пробиться к „Чукотке“ и остановиться от нее всего лишь в миле расстояния. Люди со шхуны были спасены.

Однако гибель „Чукотки“ не остановила оказания помощи обитателям острова. 12 августа на остров поступило следующее сообщение:

„Целях успешного продвижения тралера „Гагара“ к острову Врангеля, сообщайте ежедневно состояние льдов, направление, силу ветра, термометр, полдень, полночь. „Гагарой“ командует Дублицкий“.

Из последующих радиосообщений с уже находившейся в пути „Гагары“ выяснилось, что на всякий случай на борту тралера находятся эскимосы, собаки и полное снаряжение для продвижения на остров по льдам.

Решив, что рейс „Гагары“ к острову, сопряженный с непреодолимыми препятствиями, не выполним, Минеев послал на материк радиограмму, где изложил свои соображения и просил отменить рейс. Рейс „Гагары“ был отменен.

На материке не забывали о зимовщиках: оказать им помощь и доставить новую смену старались при первом же удобном случае. К концу третьего года зимовки, 16 июня на остров было послано сообщение, что сюда отправляется новое судно — пароход „Совет“ под командой уже известного нам отважного полярника капитана Дублицкого. Зимовщики с нетерпением ожидали дальнейших сообщений.

16 августа перехватили радиограмму с „Совета“ во Владивосток, из которой выяснилось, что пароход затерт льдами где-то в широте $71^{\circ}11'$, причем получил повреждения и течь в носовой части.

20 августа лед стал понемногу расходиться. Воспользовавшись этим, „Совет“ медленно, с большим трудом стал пробиваться к острову Врангеля. Опять неудача: на пароходе лопнули болты гребного вала. Пока занимались починкой, произошло новое передвижение льдов, открытые места исчезли, плотное кольцо сомкнувшихся льдов прекратило всякую возможность продвигаться вперед.

21 августа Дублицкий собрал судовое совещание, на котором обсуждался вопрос „о положении парохода „Совет“, находящегося в дрейфе, на пути к острову Врангеля“. Несмотря на все трудности движения в тяжелых арктических льдах, было принято по инициативе капитана Дублицкого решение — пробиваться к острову, используя все возможности.

В то время, когда совещались на пароходе, Минеев также созвал совещание на острове. Учитывая чрезвычайно тяжелое положение парохода и хорошо зная, что за опасность для парохода представляют льды, окружающие остров, решили сообщить на „Совет“, что колония может продержаться еще год при условии, если на самолетах будет доставлено кое-что из продуктов и припасов, в чем испытывается острая нужда, а также снят душевнобольной. Повидимому, надежды у Минеева на подход в этом году „Совета“ не было никакой. Дублицкий отвечал, что всемерно поддерживает проект оказания помощи острову самолетом, но тем не менее до самой последней возможности будет продолжать попытки достигнуть острова Врангеля.

Ежедневно по несколько раз обитатели колонии, вооружившись биноклями, подымались на холм и напряженно всматривались в даль: там они различали силуэт парохода, видели дым и даже огонь на мачте. „Даже не верилось, что это небольшое расстояние не одолеет корабль“.

„Совет“ так и не мог одолеть всего лишь 19 миль, которые отделяли его от берега. Все время льды стояли сплошной, непреодолимой стеной. Еще на две мили приблизился пароход. Наши зимовщики собрали на горе большой костер и зажгли его. С парохода заметили огонь и сообщили об этом. Но дальнейшая борьба со льдом была явно бесполезна.

21 августа и Минеев и Дублицкий окончательно удостоверились, что один лишь самолет сможет разрешить неотложные нужды острова. Но подходящего самолета поблизости на материке не оказалось. Колымская экспедиция, руководимая Н. И. Евгеновым, правда, располагала двумя самолетами, но они были слишком малы, предпринимать на них полет на остров Врангеля было и рискованно и нецелесообразно. На состоявшемся по радио совещании Минеева, Дублицкого и Евгенова было решено обратиться в центр с просьбой о присылке большого самолета.

Дело, однако, разрешилось совершенно по-иному и притом очень удачно. На Чукотский полуостров неожиданно прилетела специальная летная экспедиция, организованная Всесоюзным Арктическим институтом для аэросъемки и географического изучения Чукотского округа. Экспедиция располагала мощным двухмоторным гидропланом типа Дорнье-Валь (летающая лодка), командиром которого был Я. Л. Петров. Экспедицию возглавлял профессор-геолог Сергей Обручев. Подобный самолет как нельзя лучше смог бы осуществить полет на остров Врангеля. „Только Дорнье-Валь может сделать это продуктивно“, — утверждал Евгений и обратился с настойчивой просьбой к Обручеву. „Эта просьба, — вспоминает Обручев, — нас несколько смутила. Для исполнения прямых задач экспедиции — съемки и географического изучения Чукотского округа — нам необходимо было остаться на материке. К тому же мы очень запоздали, и времени для нашей большой и ответственной работы оставалось мало. Кроме того, полет на остров и особенно перелет к пароходу, стоящему во льдах, являлся довольно рискованным: наши

моторы имели в запасе всего 20 часов работы, и их скоро нужно было менять. Могли ли мы, не имея прямых заданий от Арктического института и от владельца самолета — Комсеперпути, рисковать машиной и людьми? С другой стороны, действительно, только наш самолет мог помочь колонистам, и в случае нашего отказа они обрекались на новую зимовку. Я знал, что весь экипаж охотно пойдет в этот рискованный полет и, обсудив вопрос с Л. Петровым, ответил Евгенову согласием¹.

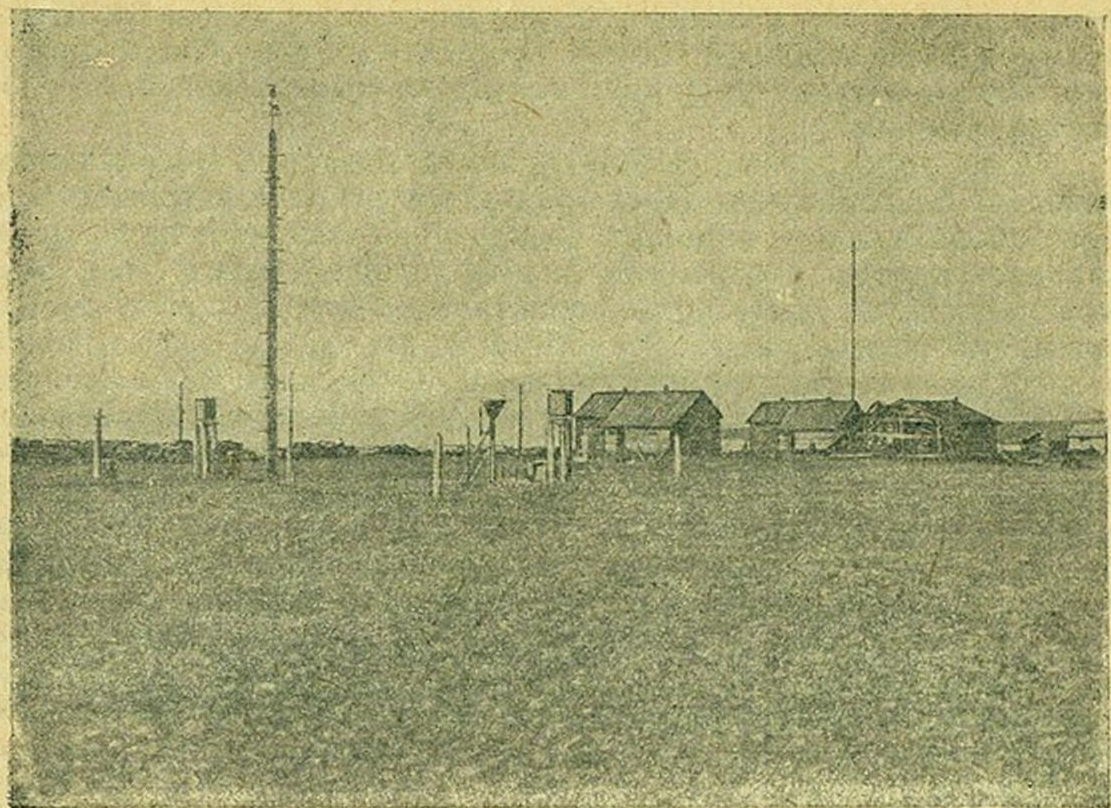
3 сентября состоялся отлет к острову гидроплана, а также легкого самолета колымской экспедиции „Савойя“. Погода не благоприятствует, нависшие тучи не дают возможности забрать высоту. Приходится лететь совсем низко над торосистыми льдами, сдавленными мощными движениями ледяных полей с севера в огромные бугристые массы. „Мы летим низко бреющим полетом, — рассказывает Обручев, — и чувствуешь невольно всем телом, как при какой-нибудь ошибке пилота, легком его невнимании, самолет своим тонким корпусом врежется в эти торчащие навстречу острые гребни и зубцы“.

Полет неудачен: впереди сплошным саваном надвигается полоса густого тумана. Приходится возвращаться обратно. А внизу мелькают прелюбопытные картины. „Назад мы идем уже в тумане, над льдом. Быстро проносятся под нами фантастические, от тумана кажущиеся огромными, торосы. Вот налево движется какая-то серая масса, — это медведь, потревоженный шумом мотора, лениво и недовольно отходит от туши тюленя, которую он свеживал“.

И на следующий, и еще через день все то же: туман, низкие тучи, снег. И, как только среди дня 5 сентября „в низких тучах над лагуной появляется просвет, — оба самолета один за другим отрываются и круто поднимаются в это голубое окно. Уже через полчаса начинают вырисовываться туманные очертания острова Врангеля, на горизонте все яснее выделяется темный гребень пика Берри“. Еще немного — и самолет над бухтой Роджерс. „Самолет делает круг над домами, и уже можно различить людей, которые машут руками и танцуют... Наше появление было неожиданно и эффектно, — мы запоздали против назначенного срока на несколько дней, и к тому же никто не ждал сразу двух аэропланов, которые один за другим спустились в уединенную лагуну, в течение трех лет не видавшую ни одного чужого человека“.

Прилет самолетов — исключительный праздник в жизни наших зимовщиков. „Мы провели на острове меньше суток, — пишет Обручев, — и это время протекало и для колонистов, и для нас в состоянии какого-то странного возбуждения, так что трудно дать протокольный отчет о последовательности событий. Из общей массы людей, встретивших нас на берегу, наибольшую энергию проявил начальник острова — тов. Минеев, небольшой человек с рыжеватой бородкой, заботливый и хлопотливый.

¹ Сергей Обручев. На самолете в восточной арктике. Изд. Всесоюзного Арктического института. Л. 1934.

Метеорологическая станция и общий вид поселка на острове Врангеля
(фото В. А. Березкина, 1934 г.)

Сегодня для него выдался горячий день,—надо было сразу разрешить столько вопросов: кого и что вывозить, кому остаться на острове, чтобы обеспечить метеорологические наблюдения и большое хозяйство острова“.

Обручеву не удалось спокойно посидеть в уютной, сплошь заставленной полками с книгами комнате Минеевых, порасспросить о их полярном житье-бытье и понаблюдать их воспитанников, живших в их комнате,—двух полярных ручных сов и леммингов. Первоначальное решение доставить людей с острова на мыс Северный пришлось изменить; теперь самолет должен был лететь к борту „Совета“, который сообщил, что готов его принять и ожидает. Все время пришлось провести на радиостанции в переговорах с „Советом“ и с судами колымской экспедиции.

На утро все было готово к отлету. На берегу —покидающие остров со всей своей поклажей: радисты, врач Синадский с родившимся на острове сыном, его жена и метеоролог Званцев со своим любимым псом Харди, спасшим ему жизнь во время охоты на медведя. Приготовлен к отлету и психически больной —повар Петрик. Грузят наиболее ценную пушнину: тысячу песцовых шкурок —результат промысла.

Минеев решает лететь также, чтобы доложить на „Совете“ о положении дел на острове. Начинается прощание. Последним садится Званцев, за ним лезет и его Харди. Наконец, гидроплан, более похожий, по выражению Обручева, на „Ноев ковчег“

и имеющий на борту свыше 3200 килограммов груза (на 600 килограммов более законной нормы), трогается в путь. „Скоро остров скрывается в тучах, и вокруг только матовое белое поле сливается с небом“.

Через сорок минут самолет у борта „Совета“. Посадка произведена благополучно. После радостной встречи и торжественного обеда, в салоне парохода созывается совещание, на котором ставится вопрос: что должен делать дальше „Совет“, т.-е. возможно ли в текущем году доставить на остров новую смену? Во время полета сюда с самолета были сделаны наблюдения над состоянием льдов вокруг острова, приведшие к убеждению, что всякая попытка парохода пробиться к берегам острова совершенно бесполезна, тем более, что он имеет уже серьезные повреждения. Использовать же самолет для переброски на остров людей с полутонным багажом на каждого и угля для отопления домов и радиостанции также не представлялось возможным. Так и решили. Но тем не менее капитан Дублицкий, исполняя свой долг до конца и желая воспользоваться хоть малейшей возможностью проникнуть к острову, еще 6 суток провел у кромки льда в ожидании изменения направления ветра или разрежения льдов. Но все тщетно; 12 сентября „Совет“ пошел обратно во Владивосток.

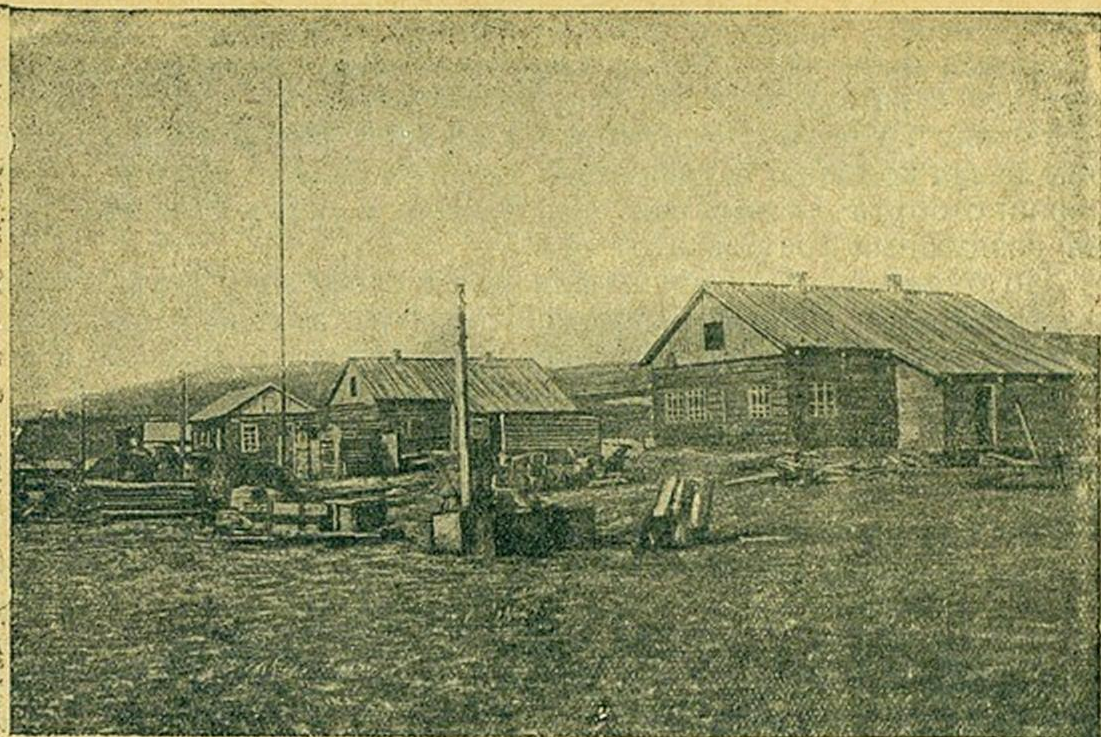
После совещания самолету удалось еще раз в этот же день слетать на остров Врангеля и завести с „Совета“ некоторые продукты и предметы снабжения, а также сделать ряд наблюдений геоморфологического характера над восточной частью острова (об этом мы еще скажем в следующей главе). К сожалению, недостаток горючего не дал возможности облететь остров полностью. В тот же день оба самолета (самолет „Савойя“ оставался на острове) сквозь туман и облака благополучно добрались до мыса Северного.

Серьезная и крайне рискованная, столь успешно выполненная операция, имевшая большое значение для обитателей колонии острова Врангеля, была закончена.

На четвертую зимовку из русских в колонии оставались: Минеев с женой, Павлов и промышленник Старцев, выполнявший работы по хозяйству. Теперь пришлось перераспределить роли: метеорологом стал Павлов, а чета Минеевых включила в свои обязанности медпомощь. Удалось наладить и радио, но только для приема. Радистом стал сам Минеев. Связь с материком, хотя и пассивная, не была таким образом потеряна...

Благополучно прошел и четвертый год зимовки. Со все возрастающим нетерпением ожидали зимовщики летом 1933 года прихода судна, которое должно было привезти смену и забрать их на материк. Впоследствии узнали, что на пути из Ленинграда во Владивосток зайдет на остров пароход „Челюскин“. Это радостное сообщение привез летчик Леваневский, неожиданно прилетевший на остров 12 августа.

31 августа снова воздушные гости — Красинский и Куканов. Повторный прилет в этот сезон самолета бодряще подействовал на членов колонии: явилась уверенность, что в нужный мо-

Современный вид поселка на о. Врангеля (фото В. А. Березкина, 1934 г.)

мент самолеты всегда окажут помощь; при их содействии можно будет обеспечить смену хоть всего персонала. Воспользовавшись благоприятной погодой, самолет вторично слетал на материк. Он привез новых сотрудников — радиста Траутмана и моториста Демидова, которые должны были заняться радио и обеспечить двустороннюю связь с материком; было доставлено также 800 килограммов всякого груза. Заболевших — Павлова с семьей и нескольких эскимосов — Минеев вернул на материк.

В ожидании „Челюскина“ приступили к организации пятой зимовки. Только бы хватило силы и здоровья, — думал долготерпеливый начальник, — а вдобавок к этому топлива, так как оно несомненно является основой всякой хоть сколько-нибудь благополучной зимовки. Но в топливе ощущался резкий недостаток. Поиски выяснили, что плавник находится отсюда не ближе, чем за 65—70 километров, а кроме того есть кое-что и на северной стороне. Положение создавалось поистине затруднительное. Но Минеев и другие зимовщики не теряли бодрости. Не представлялось иного исхода, как перебраться на совершенно необитаемую северную часть острова и организовать там жилье из разбросанного на берегу плавника. С общего согласия 13 сентября он в сопровождении эскимосов отправился на нартах на противоположную сторону острова, где и приступил к сбору дерева, подвозу его и постройке. Но предприятие закончилось неудачей. Только что развернули работы, как грянули морозы. Подвозку материала, которая производилась на байдарках, пришлось прекратить, так как бухта в одну ночь покрылась льдом.

Минеев спешит обратно в поселок — в бухту Роджерс, где и приступает тотчас же к сооружению единственно возможных

в создавшихся условиях меховых камер (так называемых агров), в которых персонал станции будет зимовать. Впрочем, вряд ли придется и зимовать! Ведь совсем недалеко находится сейчас „Челюскин“, где-то около мыса Северного. Всего лишь три дня тому назад колонию неожиданно посетил О. Ю. Шмидт, вылетевший с борта „Челюскина“ для разведки льдов. Это был третий воздушный гость за этот год.

Но будет ли „Челюскин“ или нет, а сооружать агры нужно, не откладывая: в жилых комнатах были поставлены решетчатые каркасы, после чего они обтягивались сшитыми меховыми полотнищами. Двери также все были обиты мехом. На все это ушло 130 оленьих шкур. Отапливались агры двумя большими лампами. При всех недостатках такого отопления все же было терпимо.

Но вот надвинулась опасность и посерьезнее. Кончался керосин, запасов его для отопления агров хватало всего лишь на месяц. Неунывающий Минеев засаживается за проектирование какой-то особенной печки для сжигания бензина, которого на базе еще достаточно. Он долго думает и под конец изобретает из комбинации примуса с листовым железом отличную печь, „которая могла работать круглые сутки без перегрева и была совершенно безопасна в пожарном отношении“.

Так текла в чрезвычайно тяжелых условиях пятая и последняя зимовка. Несмотря на все старания прибывшего осенью радиста, ему так и не удалось наладить двусторонней связи с материком, приходилось попрежнему пользоваться приемником, установленным Минеевым еще в 1932 году.

И все же закончилась благополучно и эта зимовка. Больных цынгой не было, научная работа не прекращалась ни на один день. Было сделано не мало и в промысловом отношении: заготовлено 2000 белых песцов, 600 медвежьих шкур, две с половиной тонны мамонтовых бивней и около тонны моржового клыка.

24 мая 1934 года первый раз в этом году на лед бухты Роджерс плавно опустился самолет Фариха. С ним были оправившийся Павлов и радист с погибшего „Челюскина“ Иванов. Оставшийся на острове Иванов быстро сумел восстановить связь безмолвствующего радио с материком.

Прилетевшие принесли радостное известие: к острову Врангеля шел ледокол „Красин“ со сменой; он должен прибыть к концу лета. Рейс „Красина“ интересен для нас не только тем, что он явился по настоящий день последним из числа плаваний к острову, историю которого мы излагаем, но и потому, что рейс „Красина“ крайне замечателен в навигационном и научно-исследовательском отношении. Корабль имел задание попутно обследовать малоизученный водный район, окружающий остров Врангеля. Остановимся на этом плавании несколько подробнее.

Первоначальной целью похода в Чукотское море „Красина“ было, как известно, спасение дрейфующих на льдах челюскинцев. Но отважные летчики наши предупредили „Красина“, и, когда он 29 мая 1934 года благополучно прибыл в Петропав-

ловск на Камчатке, его ожидало здесь новое распоряжение: ледоколу предписывалось идти к острову Врангеля для снятия зимовщиков и для водворения туда их заместителей. Вместе с зимовщиками отправлялся на остров транспорт продовольствия для них и строительный материал для сооружения добавочных построек. Заодно поручалось „Красину“ после посещения острова заняться в Чукотском море гидрологическими исследованиями и, если представится надобность, оказать содействие судам колымской экспедиции и пароходам, направляющимся на чукотское побережье для доставки туда различных грузов.

Подготовка к этой ответственной и трудной задаче отняла не мало времени. Лишь 1 августа снялся корабль из Петропавловска и 7-го прибыл в бухту Провидения, где пополнил запасы угля, принял с известного уже нам парохода „Совет“ грузы, предназначенные для врангелевских зимовщиков, и в разобранном виде дома для новых построек. Все помещения „Красина“, включительно до бункерных угольных ям, были забиты грузом, а над палубой возвышались штабели из бревен и ящиков до самого капитанского мостика. Вдобавок ко всему в бухте Провидения пришлось захватить еще испытывавшийся здесь разведочный самолет вместе с его пилотом—летчиком Ф. И. Рожанским.

17 августа, приняв на борт с парохода „Совет“ персонал новых зимовщиков во главе с новым начальником острова Семенчуком, партию строительных рабочих и группу эскимосов-переселенцев, „Красин“ двинулся в путь. Во все продолжение пути на остров Врангеля моряки не встретили сколько-нибудь серьезных ледовых препятствий. Благоприятная погода позволила даже на пути к острову Геральду произвести несколько глубоководных гидрологических исследований. Уже на подходах к этому острову был выслан на разведку самолет, принесший благоприятные вести о состоянии льдов в районе и далее по направлению к побережью острова Врангеля.

Поздно вечером 20 августа „Красин“ бросил якорь в бухте Роджерс, приблизительно в расстоянии мили от поселка: подойти более близко к берегу, почти совершенно свободному ото льда, помешала нашему ледоколу его глубокая осадка. Трудно представить ту радость, которую испытали зимовщики острова Врангеля, услышав мощную сирену с ледокола. Они в полном составе высыпали на берег и ружейными залпами приветствовали своих избавителей от многолетнего ледяного плена.

На утро началась горячая работа. Необходимо было спешить, так как ледовые условия могли резко измениться и запереть в ловушку даже такого силача, как „Красин“. С раннего утра и до поздней ночи, под общим руководством начальника экспедиции и его помощника, сгружали с корабля кладь, бревна и переправляли их на берег. Часть команды ледокола и персонала экспедиции участвовала в работах на транспорте, другая же часть помогала плотникам и столярам сооружать на берегу новые здания. Стучали топоры и молотки, визжали пилы, дружно и бойко шла работа.

Но вот „Красин“ освобождается от груза. Ширина ледяного пояса вокруг корабля, определявшаяся ориентировочно в 20—25 миль, с каждым днем уменьшается. Через несколько дней из дозорной бочки, укрепленной на мачте корабля, замечают на горизонте темную полосу чистой воды. Ледяное кольцо, в котором находится „Красин“, достигает теперь в ширину не более 7—8 миль.

31 августа с ледокола перебрался на берег новый персонал зимовщиков; прежние же обитатели острова — начальник его Минеев, Власова, радист Иванов и механик Демидов — разместились в каютах „Красина“. Пока заканчивались на берегу строительные работы, „Красин“ приступил к выполнению второй своей задачи — гидрологических работ. Необходимо было прежде всего обследовать в навигационном отношении „белое пятно“, растянувшееся к югу от острова Врангеля, после чего проникнуть с тою же целью в пролив Лонга, где подобных работ никто еще никогда не производил. Пройдя около 45 миль в южном направлении, „Красин“ повернул к мысу Блоссом (югозападная оконечность острова). Но произвести поперек пролива гидрологический разрез все же не удалось. Встретившийся здесь хотя и разреженный лед заставил ледокол несколько отклониться к западу от намеченного маршрута. Туман же, густой пеленой налегший с запада, помешал во всю ширь использовать авиоразведку. Но все же миль на сорок с лишним к западу от острова Врангеля удалось выяснить ледовое состояние моря: сплоченный лед от 7 до 10 баллов, казалось, прочно держался здесь. Когда самолет был принят на борт, „Красин“ отправился дальше и дошел до поворотного пункта, после чего направился к мысу Биллингса.

Чем дальше продвигался корабль к югу, тем бóльшие стада моржей встречались ему на пути. Громадные звери, отдельными группами голов по 20 темневшие на запорошенных снегом льдинах, с приближением ледокола не проявляли никакого беспокойства. Наличие здесь, невдалеке от берегов, крупных стад моржей, повсеместно оттесненных уже человеком все дальше к крайним северным широтам, свидетельствовало о полнейшей девственности почти не посещаемых человеком водных пространств, расположенных вокруг острова Врангеля.

Выполнив гидрологический разрез от мыса Блоссом до материкового берега, „Красин“ направился в восточную часть Восточносибирского полярного моря для более детального исследования обнаруженного им во время предыдущего разреза теплого течения, идущего из Чукотского моря. Никак не ожидали моряки, что лед на этот раз повстречается им лишь на широте $70^{\circ}37' \text{O}$ и долготе $175^{\circ}30'$. Величественная панорама беспросветных ледяных полей с чернеющим вдали горизонтом сулила не малые затруднения для ледокола. Зацепившись за небольшую льдину, „Красин“ сделал остановку для приема воды и производства некоторых ледовых наблюдений. „Небольшая“ льдина эта, как показали измерения, имела, однако, в подводной части осадку свыше 17 метров, воды же с нее было взято

до 400 тонн! Для характеристики мощности встреченного „Красин“ в этой части моря льда льдина эта служит хорошим примером.

Ледокол повернул на юг, а затем взял направление снова на север. Достигнув $72^{\circ}41'$, вошел снова в густые, сплоченные льды. Плохая видимость мешала ориентироваться, но все же можно было установить, что впереди к северу, западу и востоку прочно держатся тяжелые льды мощного многолетнего образования. Вылетевший на разведку самолет вскоре же возвратился по причине снегопада и крайне плохой видимости. Ничего не оставалось, как, повернув на юг, приняться за осуществление гидрологического разреза до мыса Шелагского, т.-е. в направлении, близком к меридиональному. Благополучно достигнув мыса Шелагского, выполнили еще небольшой разрез на меридиане губы Нольде. Но тут неожиданно научную работу пришлось оборвать, так как пароход „Урицкий“ сообщил по радио, что ему необходима помощь. „Красин“ спешит в район мыса Джинретлена, где бедствует „Урицкий“, но по дороге узнает, что пароход благополучно выходит из затруднения. Тогда решают повернуть в район острова Врангеля для продолжения начатых гидрографических работ.

Дыхание осени уже дает себя знать. Сильнейший ветер, доходящий до штормового, сильно затрудняет поход. Гидрологические работы, несмотря на качку и огромный крен, все же выполняются поблизости от острова Врангеля. 9 сентября „Красин“, прорвав опоясывающий остров Геральд разреженный лед, приближается к нему с южной стороны. Моряки отправляются на остров и производят маршрутную съемку юговосточной части острова и геологическую разведку. К сожалению, пасмурная, туманная погода не позволяет определить астрономический пункт. Поставленный здесь, как мы помним, в 1926 году пароходом „Ставрополь“ знак был найден в целости, но нуждался в некотором ремонте, каковой и был выполнен красинцами.

Наступали холода. Командование решает плыть на юг для проведения там дальнейших исследований. Напоследок, пользуясь столь редким случаем посещения этого труднейшего в навигационном отношении арктического района, летчик Рожанский предпринимает последний и крайне смелый разведочный полет на север от островов Геральда и Врангеля для обозрения картины тамошних льдов. Выполнив разведку, самолет тщетно пытается из-за низкой облачности и отсутствия необходимого „окна“ в последней снизиться в районе острова Геральда. Проблуждав безрезультатно „в молочной тьме“ тумана, летчик решается, несмотря на большие трудности, лететь на остров Врангеля. Самолет каким-то чудом все же достиг бухты Роджерс и совершил вполне благополучно посадку.

Неожиданный случай этот изменил планы самого „Красина“, так как он вынужден был вторично направляться к острову Врангеля, чтобы забрать самолет и летчика. Без труда ледокол достиг острова, но выйти из бухты Роджерс смог только через 4 дня: поднялся шторм. Но время стоянки не пропало да-

ром; общими силами красинцы помогали нашим зимовщикам заканчивать новые постройки.

17 сентября, когда ветер стих, „Красин“ вышел в море, взяв направление на мыс Шмидта (бывший Северный). Гидрологические исследования на борту ледокола не прерывались. Несколько раз станции приходилось делать на большой волне, когда стремительная качка клала корабль на борт — на 25°. В Беринговом проливе „Красину“ удалось выполнить три гидрологических станции. 21 октября ледокол благополучно прибыл во Владивосток.

В этот поход свой „Красин“ проделал большую работу, собрав много находящегося ныне в обработке материала по режиму и биологии вод, окружающих остров Врангеля. Им было пройдено в водах Чукотского и Восточносибирского морей всего 2000 миль, исследованы глубины в 400 местах и сделано 115 глубоководных гидрологических станций, во время которых производились наблюдения над течениями и определялась соленость воды. На некоторых остановках производились также гидрологические сборы планктона и бентоса, и, кроме того, было собрано 94 пробы грунта с помощью аппарата Экмана. Достаточно внимания было уделено и гляциологии (т.е. изучению льдов). При всех встречах с ними фиксировались их расположение и характер, определялись их толщина и количество содержащегося в них газа. Всеми этими работами руководил с присущим ему увлечением и энергией известный полярный деятель, долготный начальник наших карских экспедиций Н. И. Евгенов. Экспедиция возглавлялась П. И. Смирновым; капитаном „Красина“ был П. А. Пономарев.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

Геологическое строение. „Читая описания экспедиций, посетивших землю Врангеля, я ясно видел перед собой хорошо знакомую мне геологическую картину чукотского побережья Ледовитого океана“, — в этом выводе известный ученый И. П. Толмачев еще более укрепился, когда основательно изучил образцы пород, доставленных с острова Врангеля геологом Кириченко, плававшим туда на „Вайгаче“ в 1911 году. И, в самом деле, даже самый опытный глаз не в состоянии отличить сланцевые породы острова от таковых же, встречающихся на Чукотке, не только по внешнему виду, но и по тем или иным особенностям, различимым с помощью более детальных методов исследования.

Можно сказать еще более: морфологическое своеобразие берегов острова Врангеля вполне сходно с берегами Чукотского полуострова. И не только специалист-ученый, но даже неоднократно и моряки, плававшие к острову Врангеля, отмечали несомненное сходство, существующее между горами острова и между горами, находящимися на материке.

Сходство это отнюдь не случайно. Оно свидетельствует, что некогда остров Врангеля являлся частью материка и затем отделился от него. Какие причины способствовали отделению острова от материка? Здесь произошло опускание той части суши, которая теперь занята морем в месте, отделяющем остров от материка. Изучение рельефа морского дна в этом месте, вероятно, пролило бы не мало света на этот вопрос, но, к сожалению, льды, почти вечно заполняющие пролив Лонга, нимало не способствуют скорому разрешению этой любопытной загадки.

Касаясь последнего вопроса, И. П. Толмачев замечает: „Изучение распределения глубин показывает, что острова (т.-е. Врангеля и Геральд) связаны с материком и лежат в области той континентальной платформы, которая окаймляет материк Евразии с севера и оканчивается в различных расстояниях от материка крутым уступом, ограничивающим бассейн Ледовитого океана. Глубины между островами и материком очень близки к тем, что наблюдаются севернее и восточнее их, и только на северо-восток от острова Врангеля отмечено небольшое углубление. Вообще же море здесь настолько мелко, что американ-

¹ При обработке настоящего очерка автор, помимо литературы, указанной в сносках и в конце книги, пользовался также неопубликованной статьей А. Д. Яковлева — „Рейсы к острову Врангеля“ и „Материалами по лоции островов Врангеля и Геральд“.

ские китобой — истинные знатоки вод, омывающих остров Врангеля, в случае нужды бросают якорь в открытом море в любом месте“.

Подобно проф. В. Ю. Визе, открывшему в 1930 году в отдаленнейших дебрях арктики на основании своих блестящих теоретических соображений остров, носящий ныне его имя, Толмачев также указывает, что изучение северной части подводной платформы, в районе которой находятся острова Врангеля и Геральд, представляет во многих отношениях большой интерес, между прочим и потому, что в пределах ее легче, чем где-нибудь, можно надеяться открыть новые, еще совершенно неизвестные острова.

И мы не сомневаемся, что в ближайшие годы советские мореплаватели и летчики окончательно разрешат этот интереснейший вопрос.

Исследования геоморфолога В. Н. Кальянова,¹ побывавшего в 1929 году на острове Врангеля с экспедицией на „Литке“, подтверждают мнение Толмачева о соединении в давнопрошедшие времена острова с материком. Кальянов относит это соединение к началу четвертичного периода,² после чего началась морская трансгрессия³ и, наконец, современное поднятие острова. Свои выводы Кальянов подкрепляет рядом подмеченных им весьма существенных признаков, приобретающих характер несомненной достоверности. Сюда относятся прежде всего находящиеся на острове и обследованные им реликтовые озера.⁴ Из этих озер наиболее интересно расположенное в 4 километрах от советской колонии, так называемое Большое озеро, отделенное от моря косой, сложенной из окатанной морской гальки. Это озеро отделилось от моря буквально на глазах наших колонистов, утверждающих, что не далее первого года их пребывания на острове озеро было еще соединено с морем протоком.

Сейчас этого сообщения с морем уже не существует; ни лед, ни плавник сюда уже не заносятся. Когда В. А. Яшнов обработал планктон этого озера, он нашел в нем много представителей соленоводной морской фауны, не успевших еще исчезнуть под влиянием непрерывно происходящего опреснения.

¹ В. Н. Кальянов, Отчет о геоморфологических работах в рейсе ледокола «Литке» к острову Врангеля в 1929 году. „Труды Гос. Океанографического института“, 1934, т. IV, в. 2.

² Четвертичные система и период обнимают в жизни нашей планеты ряд отложений от конца предшествующего периода — третичного до настоящего времени. Переход от третичной системы к четвертичной совершался, разумеется, постепенно. В продолжение четвертичного периода вымерли многие гигантские травоядные: мамонт, сибирский носорог, мастодонт, гигантский олень; флора к началу четвертичного периода достигла уже значительной определенности, в общем сходной с современными условиями расслоения органического мира. К четвертичному периоду относятся ледниковая эпоха и появление первых следов человека на земле.

³ Трансгрессия — затопление морем участков земной поверхности, бывших до того сушей.

⁴ Реликтовые или остаточные озера, т.-е. бывшие ранее частями моря или, вернее, его заливами или бухтами и впоследствии с подъемом территории самого острова, отделившиеся от него.

Вдоль первой линии гор по южной части острова, а также и вдоль северного побережья тянется ровная тундра, мягко повышающаяся и постепенно переходящая в горы с разбросанной во многих местах морской галькой и отдельными кусками полуистлевшего плавника. Все это, несомненно, свидетельствует о современном поднятии острова. Разбросанные по острову в большом количестве мамонтовые кости также указывают, что остров был некогда соединен с материком.

Насколько позволило время, В. Н. Кальянов тщательно обследовал все даже едва заметные уступы гор во внутренних частях острова. Однако ни гальки, ни плавника, ничего другого, свидетельствующего, что и эти части острова находились под водой, он здесь не обнаружил. Из этого также следует вывод, что остров, который некогда был меньших размеров, соединялся с материком.

Рядом с мнениями И. Толмачева и В. Кальянова интересно сопоставить выводы и наблюдения другого современного геолога — С. Обручева. Наблюдения Обручева, произведенные им хотя бы и над частью территории острова, представляют большой интерес. Результатом этих наблюдений явилась карта, составленная К. Салищевым на основании зарисовок своих и эски-моссских, а также и старых карт.

Говоря о карте Салищева, мы не должны забывать, что в картографии острова Врангеля главнейшая заслуга принадлежит Г. А. Ушакову, проделавшему огромную работу по составлению новой карты, — результат его трехгодичной маршрутной съемки острова. Крайне интересно отметить, что на карте Ушакова форма самого острова приобретает совсем иную — овальную форму — по сравнению с прежними картами, на которых остров изображался вытянутым параллельно материку.¹ Причиной ли этому неточность прежних карт, или геологическая работа морских волн, в короткий срок преобразивших берега, сказать трудно. Так или иначе, касаясь ближайших причин, придавших острову его современный вид, Обручев замечает: „Интенсивное размывание западного и восточного побережья и наращение северного и южного за счет отложения кос и отмелей придало острову современную его овальную форму. Процесс разрушения острова особенно отчетливо виден между мысами Гавайи и Уэринг, где стена береговых утесов достигает местами 200 метров и срезает прежние формы рельефа — плато с насаженными на нем вершинами. Береговой обрыв вдоль южного берега, со стенкой утесов в 10 метров высоты, показывает, что сравнительно недавно и здесь происходил процесс размывания берега. В настоящее время этот обрыв покрыт многолетними забоями снега“.²

Касаясь происхождения острова Врангеля, Обручев высказывает предположение, что остров представляет остаток не-

¹ Современная карта острова Врангеля отнюдь не является окончательной еще пройдет не мало времени, пока по ней будут совершенно точно размещены горы, заливы, бухты, определены астрономические пункты и пр.

² С. Обручев. К орографии острова Врангеля. „Arctica“ № 1, 1933. Изд. Всесоюзного Арктического института.

когда существовавшей длинной гряды, тянувшейся параллельно материковому берегу и ныне разрушенной морем. Типичным образцом остатка этой гряды является также лежащий восточнее по той же линии одинокий островок Геральд. Интенсивность размывания восточной части гряды Обручев объясняет тем, что этот конец чаще и энергичнее всего подвергается действию волн свободного океана.

Логический вывод из заключений С. Обручева тот, что со временем, если размыв части берегов острова не будет уравновешен намывом в других частях, остров Врангеля вовсе будет смыт и исчезнет в волнах океана.

Остров Врангеля представляет собой возвышенную горную территорию. По свидетельству Обручева, на острове вполне отчетливо обрисовываются две цепи — южная и северная, причем первая цепь короче и вместе выше второй. Начинаясь несколько на запад от бухты Роджерс, южная цепь резко повышается. Центральная, наиболее массивная часть цепи, заключающая множество куполообразных и конусообразных вершин с наивысшей точкой острова пиком Берри (760 метров), расположена к северу от бухты Сомнительной.

Эта часть массива изобилует глубоко врезающимися в него долинами, придающими всей группе крайне суровый вид. Но в средней части южного склона, где высота понижается до 400 метров, горные формы принимают значительно более мягкий, сглаженный характер. Чем ближе к берегу, тем ниже опускается этот склон, занимая на высоте в 100—150 метров широкое пространство; у самого же берега подмытый край стены круто обрывается в волны океана с высоты 10 метров. Пик Берри, как указывает Б. В. Давыдов, не выделяется особенно резко среди прочих окружающих его возвышенностей; он не заострен и не обособлен, как полагали раньше, а имеет довольно сглаженные склоны. В восточном направлении (от реки Нашей на южном берегу, несколько восточнее бухты Роджерс) цепь переходит в плоскогорье вышиною не более 200 метров, полого спускающееся к морю.

Особенности северной цепи менее выяснены. Во время перелета к пароходу „Совет“, хотя обстановка и не располагала к внимательным наблюдениям, С. Обручеву все же удалось увидеть, „что восточный конец этой цепи к северу от реки Клер представляет довольно плоскую гряду с небольшими вершинами не выше 350 метров. На востоке гряда эта переходит в плоское плато до 200 метров высоты, с группой куполообразных вершин у мыса Пиллар, срезанных береговым обрывом. Последний представляет непрерывную стену утесов, ограничивающую с востока остров, насколько было видно, — от мыса Уэринг до мыса Гавай. К реке Клер северная цепь падает очень полого“.

Итак, поделив остров Врангеля на две части — восточную и западную, мы встречаем здесь два геоморфологически различных района: восточная, более возвышенная часть обладает сравнительно плоским, спокойным рельефом, западная же — наоборот — усеяна хребтами с острыми вершинами отдельных гор.

Не изучив подробно геологического строения острова всего в целом, еще преждевременно решать, какие породы здесь преобладают, однако несомненно, что в центральном районе острова залегают граниты.

Восточный берег острова, начиная от его северо-восточной оконечности — приметного мыса Литке, тянется на протяжении приблизительно около 4 миль на юго-восток до высокого обрывистого мыса Уэринг, образуя по дороге небольшую открытую бухту. Далее берег поворачивает на юг и продолжается до мыса Пиллар; затем следует юго-восточный мыс Гавай. Возвышенное, темнобурого цвета, а местами почти черное побережье между мысами Уэринг и Гавай круто обрывается в воду с высоты от 100 до 200 метров. Здесь преобладают все больше твердые, скалистые породы; далее, по мере продвижения к югу во все большем количестве наблюдаются осыпи. Берег на всем этом протяжении изрезан мало.

Между мысами Пиллар и Гавай — устье реки Клер. Покрытый скудной растительностью берег устья усыпан песчаником, кварцем и слюдяным сланцем. Нога путника по щиколотку тонет здесь в вязком иле.

Мыс Гавай, состоящий частью из осыпных, частью из твердых пород, почти наклонно падает в море с высоты 150 метров. Судя по промерам, произведенным Б. В. Давыдовым, глубины вдоль восточного побережья невелики: даже в расстоянии 2—2,5 миль от берега они не превышают 18—22 метров.

Южное побережье острова имеет значительно иные характер и вид. Уже вскоре за мысом Гавай высота обрывистого берега понижается, достигая 10 метров, а еще немного далее — мы вовсе уже не встречаем обрывов. Непосредственно к морю здесь подступают постепенно снижающиеся пологие склоны возвышенностей, одетые бурым тундряным покровом. Тянущийся отсюда берег то расстилается в виде неширокого усыпанного галькой пляжа, то выдается незначительной высоты обрывистыми мысками, усеянными щебнем из образующих его сланцевых пород. Местами же от берега распространяются то небольшие, то более значительные галечные косы, столь характерные для арктических островов вообще и острова Врангеля в частности. Косы эти обычно располагаются параллельно берегу, образуя нечто вроде естественных гаваней, открытых с запада. Хорошим примером подобного образования гаваней являются известная нам гавань Роджерса и бухта Сомнительная. Глубины здесь еще более незначительны, чем у восточного берега: 9—11 метров в расстоянии $\frac{3}{4}$ —1 мили от побережья. Грунт — галька и песок с илом.

Ровное, лишенное подводных опасностей дно побережья, надо полагать, стало таким в результате работы льдов.

Ледников на острове нет.

Северная часть острова — это не что иное, как полого спускающаяся к морю обширная низменность, носящая наименование тундры Академии. С северной и северо-восточной сторон побережье тундры окаймлено рядом низменных кос-островов.

Голый, мрачный пейзаж острова лишь у подножий гор и в низинах острова несколько оживляется чахлой низкорослой растительностью, лишайниками и мхом.

Речная система острова не представляется широко-развитой. Наибольшей из здешних рек, берущих начало в центрально-возвышенной части острова, является река Клер, стекающая с восточной стороны подножья пика Берри по направлению к северу от мыса Гавай. Повидимому, это единственная река, по которой возможен проход на шлюпке.

Климат острова Врангеля очень суров, хотя зимние температуры сравнительно высоки для его местоположения. Летние же температуры, наоборот, прохладны, что объясняется почти постоянным скоплением вблизи берегов острова больших масс льда. Средняя годовая температура необычайно мала: $-11,2^{\circ}$.

Самым холодным месяцем является март, что не помешало Бартлету предпринять в этот месяц свое знаменитое путешествие на материк. Прочие зимние месяцы незначительно разнятся по температуре. Лишь в апреле и мае начинается повышение температуры, неизменно держащейся еще ниже нуля. Но все же весна в это время дает себя знать, случаются оттепели, к концу же мая и по сентябрь температура в среднем уже положительна: в среднем,—ибо морозы на острове Врангеля—обычное явление в течение всего года, и половина всех летних дней проходит с морозами.

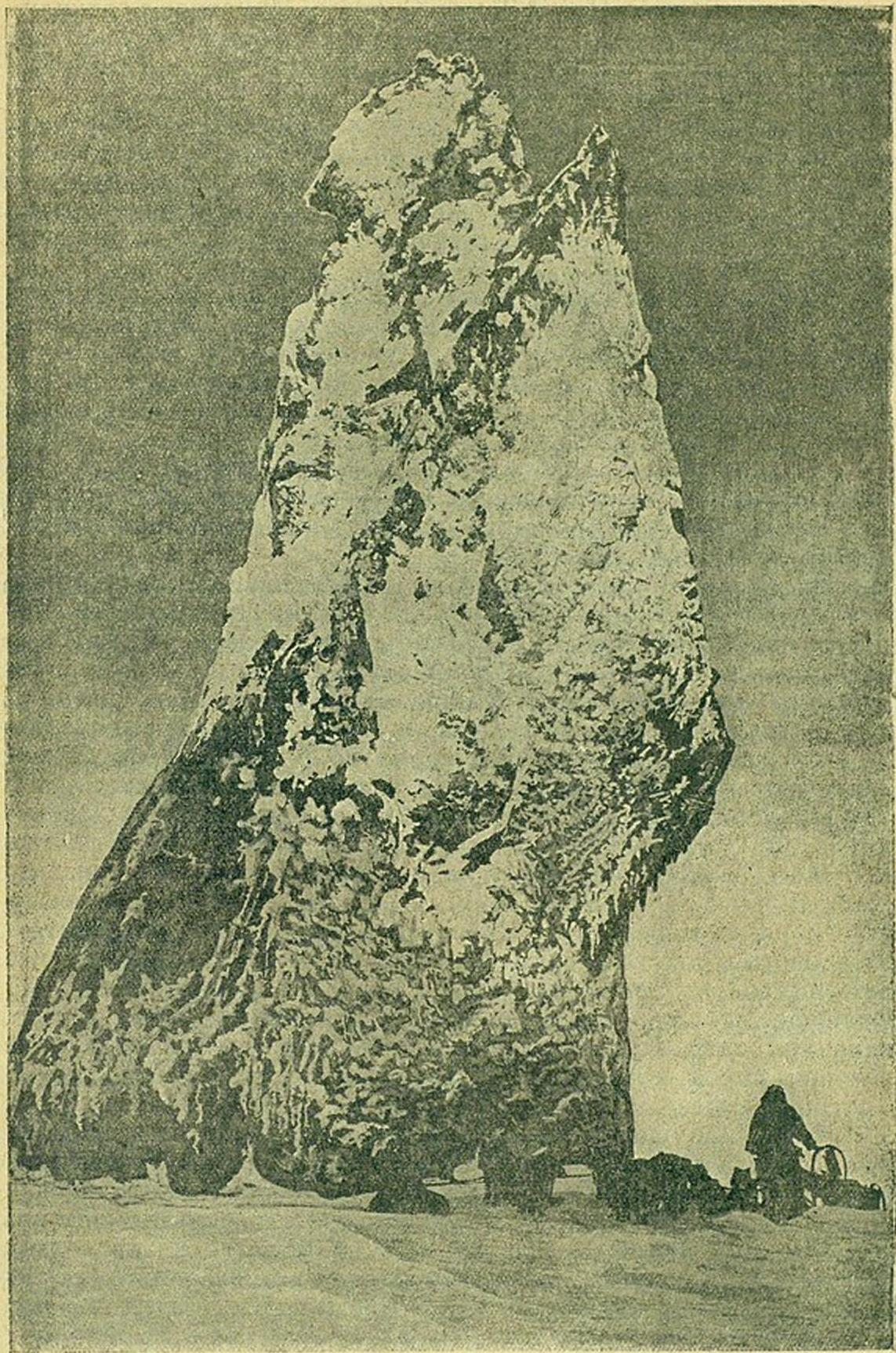
В июле, самом теплом месяце на острове, температура ниже нуля не наблюдалось. С октября средняя месячная температура вновь опускается ниже нуля и затем уже быстро идет на понижение. Впрочем, не исключаются случаи оттепели и до самого января.

Вечно окутанный туманами, приносимыми ветрами со всех румбов и особенно частыми в летнее время, остров Врангеля очень редко виден хорошо издали. Вообще, число ясных дней в летние месяцы здесь совершенно ничтожно. В мае же, августе и сентябре среднее число их равно почти нулю. Пасмурных дней наблюдается больше в летние месяцы, причем максимум их достигается в мае. Как обычно, наиболее холодные месяцы являются одновременно и наименее облачными.

Наибольшее количество осадков выпадает осенью, наименьшее—весной и зимой. Главная масса их—снег. Дожди же, зачастую чередующиеся со снегом, начинают выпадать в июне и продолжаются до конца сентября. Выпадение осадков по месяцам, в разные годы, варьирует весьма значительно, но все же на осенний период года их приходится всего больше.

Выпадение града и грозы—явление здесь чрезвычайно редкое. За время существования на острове поселка гроза наблюдалась всего лишь один раз (22 июля 1927 года).

Северные ветры от разных направлений (норды, норд-осты и норд-весты) являются для острова Врангеля преобладающими в подавляющем большинстве месяцев года. Лишь в июле, августе и сентябре господствуют ветры иных румбов. Нельзя сказать, чтобы здешние ветры отличались особенно большими

Скала на северном берегу острова Врангеля (фото Г. А. Ушакова)

скоростями, и в этом отношении остров Врангеля значительно уступает, например, Новой Земле. Скорость 20 метров в секунду — явление редкое здесь и приходящееся на зимние месяцы, преимущественно на январь. Тихих дней всего больше весной и летом, бурных — зимой и осенью.

Состояние льдов и условия навигации. Знакомясь все более тщательно с образованиями льда и его признаками, полярный моряк, прокладывая путь к острову, с каждым годом чувствует себя увереннее и спокойнее, так как приобретает все большую практику в знании наиболее уязвимых мест среди ледяных полей и торосов.

Эти торосы довольно основательно изучил уже сам Врангель. Он так характеризует льды различного происхождения, образующие отдельный торос: „В торосы входят обломки старого льда вместе со свежим льдом; они представляют различные цвета: серый, весьма нечистый цвет означает льдины осеннего лома; беловатый цвет принадлежит поверхности старого льда; яркий зелено-голубой цвет свойствен бывает последнему зимнему льду. Льдины зимнего последнего замерзания весьма малопрозрачны, они без внутренних пузырей и прекраснейшего яркого зелено-голубого цвета“.

Наибольший интерес для нас представляет ледовое состояние моря вблизи гавани Роджерс, где стоит советский поселок, и куда направляет прежде всего свой путь корабль. К сожалению, навигационный период, если вообще он в данный год возможен, продолжается обычно с середины и конца августа по сентябрь, т.-е. в течение исключительно малого промежутка времени. Подход к гавани Роджерс в иное время по большей части невозможен совершенно, так как море вблизи гавани забито льдом.

Но неожиданности стерегут моряка даже и в тот момент, когда подход к гавани Роджерс кажется вполне осуществимым. В 1934 году, например, море в районе южной части острова было свободно ото льда еще 9 июля, но не далее как 20 июля задувшие норд-вестовые ветры нагромодили столько многолетнего и годового происхождения льда, что совершенно отрезали всякий подход к берегу. Обычно, в навигационный период бухта Роджерс свободна ото льда, хотя и случается нередко, что под влиянием ветра и течения она быстро забивается битым дрейфующим льдом, который, едва лишь изменятся условия, так же быстро и исчезает.

По единодушному свидетельству всех плававших здесь моряков, бухта Роджерс ($70^{\circ} 57'$ с. ш. и $178^{\circ} 10'$ в. д.) — лучшая на острове. Расположенная в 10 милях от юговосточной оконечности острова мыса Гавай, она защищена с южной стороны низкой песчаной косой, покрытой галькой, и является превосходной для стоянки. Имея более 200 метров ширины, бухта не глубока: в середине она имеет от 5,5 до 6,4 метра, у берегов — еще меньше. Большое ее преимущество — отсутствие всяких подводных опасностей.

Но вернемся к ледовой проблеме острова. Известный гидрограф В. Березкин, участник изложенного нами выше плава-

ния „Литке“ к острову Врангеля в 1929 году, находит, что льды, окружающие остров, имеют иной характер по сравнению со льдами, наблюдавшимися им в других местах, например, в районе Шпицбергена или Земли Франца-Иосифа. В то время как в этих последних районах преобладает кристаллически-прозрачный лед, в районе острова Врангеля „Литке“ постоянно приходилось иметь дело с молочнобелым непрозрачным льдом.

В. Березкин полагает поэтому, что, повидимому, основные процессы образования льда на востоке и западе протекают различно. На западе лед в большинстве случаев образуется от непосредственного замерзания воды, между тем как на востоке лед получается главным образом из так называемой „снежуры“, т.-е. из масс снега, падающих в море.

Для работы ледокола, прокладывающего путь среди подобного образования льдов, обстоятельство это имеет огромное значение. Лед кристаллический, стекловидный колется значительно легче; раскалываясь подобно корке спелого арбуза, он расползается в стороны, давая громадные трещины, которые ледокол и проходит беспрепятственно.

Не таков лед молочнобелый: обламываясь от движения ледокола, он трещин не дает. Каждый шаг вперед ледокол прокладывает с боя и с затратой огромных запасов энергии. Лед в этом районе необычайно торосист, т.-е. состоит из сгрудившихся друг на друга и смерзшихся ледяных глыб. Торосы эти, соединяясь по временам вместе, образуют громадные ледяные барьеры высотой свыше 10 метров над поверхностью моря.

Во время экспедиции на „Литке“ ледяные барьеры иногда стояли неподвижно и не уступали никаким усилиям ледокола — верный признак того, что они сидели на мели иногда на глубине в 60—70 метров. И чем ближе к острову, тем лед становился все более тяжелым, пока не преградил пути „Литке“ совершенно. Ледоколу пришлось повернуть обратно и сделать попытку зайти на остров с северо-запада, что, наконец, ему и удалось. Здесь „Литке“ вышел на чистую воду.

Трудный рейс „Литке“ на остров Врангеля обогатил навигационную практику ценнейшим выводом: район к югу от острова, в силу своеобразного распределения здесь течений, сжимающих и нагромождающих в торосы льды, является наиболее ледовитым и труднодоступным для подхода судов с этой стороны к острову. Подход же к острову с севера — много легче и удобнее. Для регулярного посещения судами нашей колонии на острове Врангеля вывод этот имеет, само собой понятно, огромное значение и важен вообще для плавания в этом районе.

Помимо ледовых и климатических особенностей водного района, окружающего остров Врангеля, моряку, направляющемуся сюда, чрезвычайно важно знать также и здешние течения, более или менее полно изученные лишь совсем недавно.¹

¹ Изучение течений Сибирского моря составляет заслугу главным образом гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, наиболее же полную схему течений для Восточносибирского моря дал покойный К. К. Неупокоев.

Кроме течений, обусловленных приливной волной, в Восточно-сибирском море мы наблюдаем две основных струи течений: первое — теплое, выходя из Берингова пролива, направляется на север; второе — холодное течет вдоль сибирского побережья в направлении с запада на юго-восток.

Струя теплого течения, выйдя из узкого Берингова пролива, разветвляется на три рукава, растекающихся в свою очередь в трех направлениях. Самый широкий и мощный из них направляется вдоль американского берега до мыса Барроу. Этому местному Гольфстрему Аляска обязана благоприятными условиями плавания вдоль северных ее берегов. Вторая — средняя ветвь течет по почти прямому пути на северо-запад между островами Врангеля и Геральдом. И, наконец, почти прижимаясь к самому берегу, третья ветвь направляется на запад вдоль сибирского побережья.

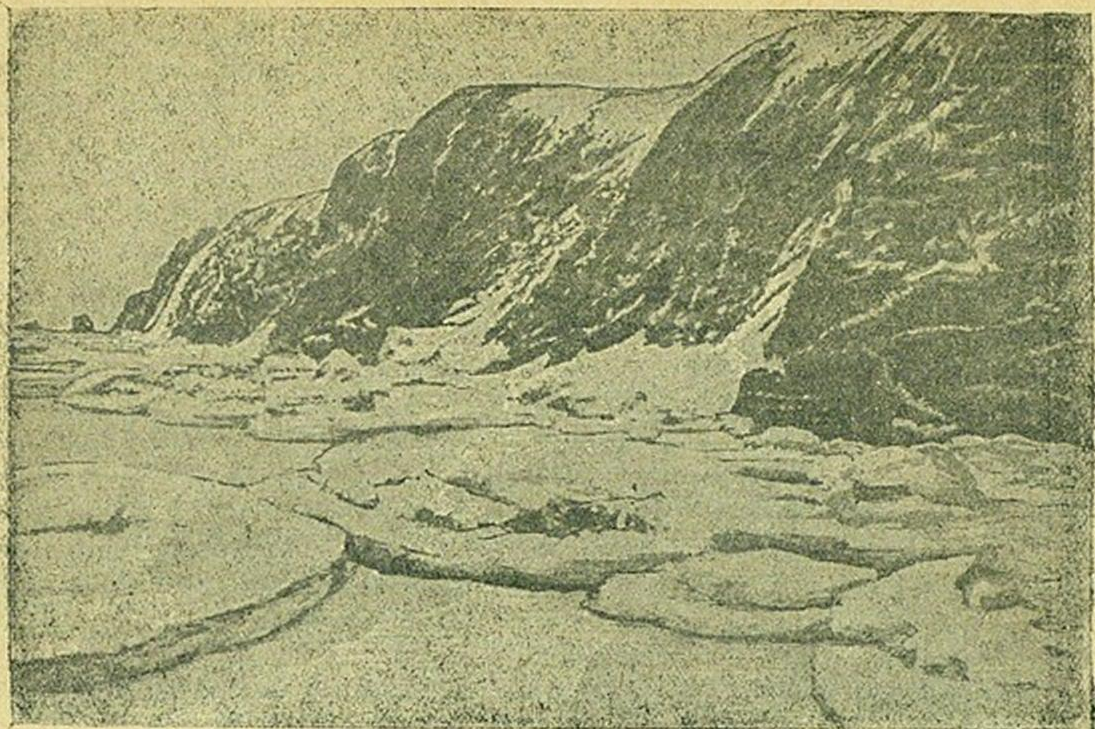
Но зимой, когда господствующие в Беринговом проливе южные ветры (выносящие теплую струю на север) прекращаются, и на смену им идут северозападные ветры, картина резко меняется: теплое течение, ослабевая, сводится почти на-нет. С прекращением доступа теплых струй воды холодное юговосточное течение одерживает верх и распространяется все дальше на восток от мыса Шмидта.

Не следует ли из рассмотренной нами схемы, что течения Восточносибирского моря находятся в деспотическом подчинении ветрам, господствующим в Беринговом море? Вряд ли это так.

Изображенная схема представляется нам несколько примитивной; надо думать, что движение и смена течений в определенное время в Восточносибирском море находятся под влиянием более сложных и не учтенных еще факторов. Однако в общих своих чертах схема эта не только не опровергнута, но в некоторых частностях в последнее время получила даже известное подтверждение.

Касаясь второй теплой струи, текущей в северозападном направлении между островами Врангеля и Геральдом и имеющей столь большое значение для направляющихся к острову Врангеля судов, А. Соколов в своих материалах по лоции Сибирского моря замечает:

„На протяжении последних лет получены данные, несомненно подтверждающие ее существование в навигационный период. Наличие этой струи с успехом было принято во внимание Б. В. Давыдовым при плавании на остров Врангеля в 1924 году. Кроме того, во время этого же плавания было сделано приблизительно по предполагаемому направлению течения шесть гидрологических станций, подтвердивших наличие теплого поверхностного течения в указанном направлении. Плавание капитана П. Г. Миловзорова на остров Врангеля в 1926 году также подтвердило наличие этого течения. Конечно, трудно еще говорить о точном его направлении, о точных его границах, о глубине захватываемого им слоя, об его интенсивности и т. п., но, во всяком случае, общий его характер может быть принят во вни-

Льды у берегов острова Врангеля (фото Г. А. Ушакова)

мание при расположении курсов в этой части Восточносибирского моря¹.

Мы достаточно ясно показали выше, с какими подчас невероятными трудностями связан подход с моря к острову Врангеля. „История плавания к острову Врангеля и трехлетнее личное наблюдение за состоянием льдов вокруг острова,—замечает Г. А. Ушаков,—заставляют меня сделать вывод, что степень доступности острова в различные годы сильно колеблется. Водни годы остров Врангеля легко доступен для обычных торговых судов и шхун, в другие же он не доступен и для ледоколов“.

А между тем, с ростом нашей хозяйственной деятельности на острове, потребность в регулярных рейсах сюда становится все более необходимой, все более актуальной. Возможно ли предугадать, каково будет распределение льдов в навигационный период, возможно ли заручиться хоть какой-нибудь уверенностью, хотя бы на ближайший срок, что рейс к острову увенчается успехом? К сожалению, мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Даже самые обоснованные прогнозы относительно льдов рушатся перед лицом другого спутника полярных плаваний — ветров, которые, в конечном итоге, являются здесь решающим фактором.

Разбирая этот вопрос, известный полярный капитан А. Бочек выдвигает интересный проект плавания к острову с наименьшей затратой материальных средств, сил и с минимальным

¹ А. Соколов. Материалы по лоции Сибирского моря. (Отдельный оттиск из „Записок по гидрографии“. LV). Л. 1929. Изд. Гидрографического управления.

риском. Он предлагает ежегодное обслуживание острова охотничье-промысловым судном типа „Седов“. В навигационный период это судно, курсируя, насколько позволят ледовые условия моря, поблизости от острова и занимаясь промыслом многочисленного здесь зверя, будет поддерживать постоянную радиосвязь с островом. Все время учитывая направление ветра, его силу, расположение льдов и течения, судно при первом же благоприятном случае направится к острову и выполнит свою миссию, т.е. снабдит колонистов продовольствием, заберет пушнину и сменит зимовщиков. Чем ранее достигнет оно острова, тем больше в его распоряжении будет оставаться благоприятных моментов, чтобы вернуться благополучно домой. На худой же конец, если состояние льдов таково, что в течение всей навигации не позволит приблизиться к острову, время все же не будет потеряно даром: судно возвратится с обильным промыслом. Разумеется, база при этом по возможности не должна быть отдаленной; как на наиболее подходящую, капитан Бочек указывает на бухту Лаврентия.

Изложенный проект капитана А. Бочека следует признать целесообразным, хотя бы и не для ежегодного рейса.

Флора острова Врангеля представлена уже довольно значительным количеством ботанических коллекций, но, к сожалению, пока ее можно считать изученной лишь наполовину. Наиболее полный гербарий собран Г. А. Ушаковым (86 видов). Помимо него, собирал здесь растения в 1911 году доктор Старокадомский; в 1921 году — известный нам из предыдущего изложения Крауфорд,¹ и в 1929 году — уже упомянутый нами геоморфолог В. Кальянов. Небольшие материалы по флоре острова Врангеля имеются, вероятно, в канадских и американских хранилищах, но не подвергались, насколько нам известно, обстоятельной обработке.

Доставленные Кальяновым в Москву 47 видов (5 споровых и 42 цветковых) были определены рядом специалистов достаточно тщательно, и ныне результаты этих определений опубликованы.² В коллекцию Кальянова вошли 3 вида лишайников; 2 вида мхов. Из цветковых: злаки (луговик альпийский, щучка альпийская, вейник щучковидный, батлачик альпийский, мятлики); ивовые (ива полярная, ива сизая); портулаковые (клеяния арктическая); гвоздичные (горичвет безлепестный, звездчатка); лютиковые (калужница болотная, лютик серножелтый); далее следуют различные виды крестоцветных, толстянковых, камнеломковых, розоцветных, бобовых, первоцветных, бурачниковых, норичниковых, валериановых и сложноцветных.

С опубликованием работы академика В. А. Комарова, посвященной флоре острова Врангеля, наши знания в этой отрасли естественной истории острова, будут значительно пополнены.

¹ Коллекция Крауфорда хранится в естественно-историческом музее в Копенгагене.

² Подробный список доставленных В. Кальяновым растений, определенных рядом специалистов, можно найти в работе Назарова — К флоре острова Врангеля. „Труды Гос. океанографического института“. 1933, т. III, вып. 4.

Крайне интересно отметить, что доставленный В. Кальяновым ботанический материал также подтверждает недавнюю и несомненную связь острова с материком. Назаров в статье о результатах исследования собранных Кальяновым коллекций замечает: „В сборах Кальянова оказался ряд растений, свойственных только крайнему северо-востоку Азии и прилегающим местностям; выступают, кроме того, ботанико-географические связи острова Врангеля с Чукотским полуостровом и Аляской, дающие основание био-географически подтверждать обширные и прочные материковые связи в районе Берингова пролива, существовавшие еще в недавнем геологическом прошлом“.

Фауна острова Врангеля — типичная для арктического пояса. Наибольшее промысловое значение имеет, конечно, морж. Его мясо, грубоволокнистое и жирное, представляет большую продовольственную ценность. Особенное значение охота на моржей, как мы видели выше, имела в первые годы зимовья на острове. Вследствие крайне неблагоприятных ледовых условий, промысловые суда были здесь весьма редкими гостями, а потому морж еще не оттеснен отсюда, как во многих других отдаленных арктических районах. Моржей вокруг острова Врангеля — множество, и держатся они не вдалеке от берегов. В ясные летние дни их можно наблюдать на льдинах целыми стадами.

Охота на моржа налажена на острове в достаточном, по имеющимся средствам, объеме. Но она всегда крайне рискованна. Наши охотники не раз оказывались в чрезвычайно опасных положениях. Особенностью моржей является их необычайная среди ластоногих свирепость. Морж всегда бросается в борьбу со своим врагом и преследует его до последней возможности. Сколько раз наши промышленники, побросав добычу и отстреливаясь, отступали от разъяренных животных, грозивших проломить клыками лодку. Особым инстинктом самозащиты отличаются самки. Рассвирепевшая самка много опаснее самца: ни тяжелое ранение, ни грохот посылаемых ей вслед выстрелов — ничто не заставит ее прекратить преследование.

Нравы и образ жизни моржей изучены зимовщиками довольно полно. Считалось, например, что морж, находящийся на земле, представляет тяжелодвигающееся, крайне неловкое, почти беспомощное животное. Наши наблюдатели опровергают это мнение. Они не раз видели моржа, делающего неуклюжие, но большие прыжки. Здесь наблюдали также, как морж взбирается на скалы до 60 метров, ловко пуская при этом в ход свои могучие бивни: он зацепляется ими за трещины и углубления в скале, затем подтягивает свое тяжелое, весом с тонну тело, снова вытягивает шею, укрепляет бивни и т. д., пока не долезет до нужного места, где и располагается на отдых.

Обитатели острова подтвердили также многое уже известное нам о жизни этого огромного ластоногого; особенно они подчеркивают поразительное развитие у моржей семейного инстинкта. Не только в воде, но и на суше каждое моржовое стадо имеет своего вожака-сторожа, который при опасности будит своих товарищей ревом, а если это не подействует, то и ударами

бивней в бок. Отмечается также чрезвычайная привязанность самки к детенышу и последнего — к ней.

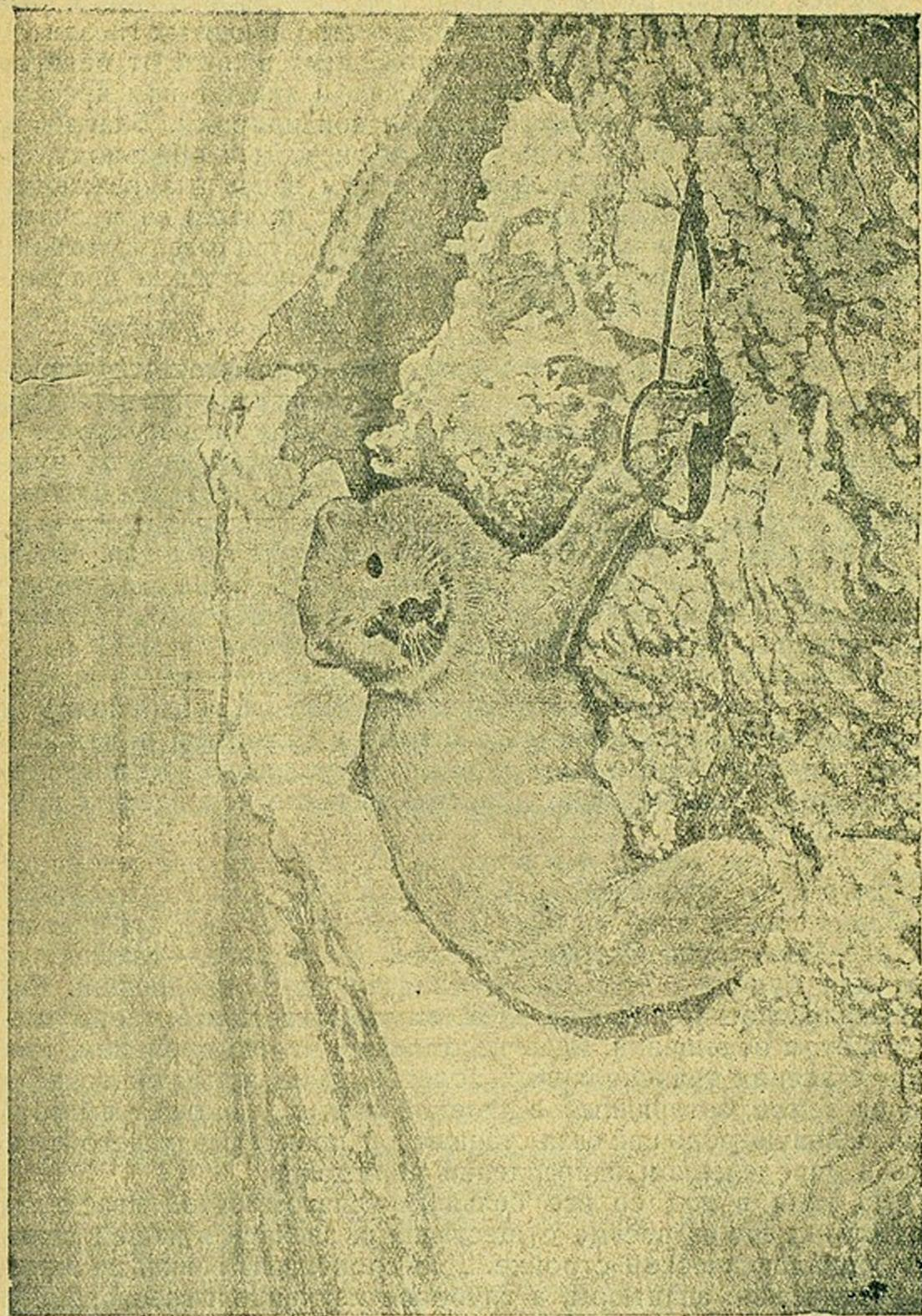
Чукчи и эскимосы с замечательным умением используют каждую часть туши моржа. Из моржовой кожи они делают байдары, обтягивают ею нарты, полы в юртах, шьют ремни. Моржовый жир употребляют в качестве горючего и для пищи, желудком моржа обтягивают бубен.

В водах, окружающих остров Врангеля, водится значительное число тюленей (нерпы и морские зайцы). Они, подобно моржам, не удаляются далеко от берега, предпочитая, однако, море суше. В тихие солнечные дни они необозримыми стадами взбираются на льдины и, не издавая никаких звуков, часами нежатся на солнце. Чуткость этого безобидного существа изумительна, а потому охота на тюленя трудна и требует большой осторожности. Почуввав малейшую опасность, они один за другим ныряют под лед, обычно в проделанную вблизи лунку. Материнский инстинкт, подобно моржам, развит у тюленей чрезвычайно сильно. Помимо человека, врагами тюленей, равно как и моржей, являются заходящие по временам в местные воды акулы и касатки. Туша тюленя используется так же, как и туша моржа.

Зимой на острове Врангеля, особенно на его северном берегу, много белых медведей. Полярная лисица, или песец, водится на острове во множестве, составляя ценный продукт промысла. За три первых года зимовки партией Минеева здесь было добыто 1000 песцовых шкурок. Тяжелая борьба за существование превратила этого изящного зверька в чрезвычайно хитрое и пронырливое животное. Летом он еще сыт: лемминги (полевые мыши), водящиеся во множестве на острове, а также птицы и их яйца дают ему достаточно корма. Но зимой в поисках корма он рыщет по всему острову и часто, ничего не найдя, погибает. Промышляют песцов капканами.

С наступлением летнего времени, обычно в июне, на остров прилетают птицы. Все оживает тогда, в воздухе шум и гоготанье. Вот характерная зарисовка прилета долгожданных гусей, сделанная Званцевым: „22 мая прилетели гуси. Это был теплый солнечный день. Собаки, игравшие с детьми, кинулись к горам по следу за гусями, которые летели очень низко. Лохматые псы с радостным визгом и воем прыгали вверх, стараясь поймать отстающих гусей“. Большие стаи диких гусей располагаются при перелетах в виде открытого сзади треугольника или клина, острым концом направленного вперед. По прибытии на остров гуси начинают гнездование. Вскоре сотни и тысячи гусиных яиц можно найти в тундре, по берегам рек, озер и заливов. В июле птицы линяют: потерявшие перья и отощавшие, они летать тогда не могут. Этим и пользуются „охотники“, заготавливая впрок гусиное мясо. Мясо гусей засоляют на зиму в бочки, а пух заготавливают для отправки на материк.

Чрезвычайно полезной птицей является здесь и гага: это типично островная большая птица с длинным яркоокрашенным клювом, из группы нырков. Превосходный, мягкий гагачий пух всем известен. Свои гнезда гага тщательно скрывает от взоров

Песец, попавший в капкан (фото Г. А. Ушакова)

любопытных, выбирая на земле укромные места. Из прочих птиц, гнездящихся на острове Врангеля, укажем на куликов, чаек, кайр, уток, бакланов, ржанок, пуночек и полярных сов.

Не все, однако, птицы избирают себе местопребыванием низменные части острова. Огромное множество пернатых гнездится на птичьих базарах, т.-е. на расположенных вблизи от берегов высоких отвесных скалах. Птичьи базары являют нам чрезвычайно своеобразную картину арктической природы. Благодаря сравнительной безопасности, удобным гнездам и обильному запасу пищи, доставляемой морем, птицы здесь размножаются в неимоверном количестве. Уже издали, подъезжая к скале, замечаешь шумную жизнь пернатых. Шум, суматоха, мелькание в воздухе птиц разноцветных оперений и послужили поводом к характерному наименованию: птичий базар.

Наши знания о природе острова Врангеля и окружающего его водного района еще не полны. Со времени организации здесь постоянной станции научные наблюдения ведутся регулярно, и материала скопилось довольно много. Но материал этот нуждается еще в основательной обработке для подведения окончательных итогов, столь важных для дальнейшего освоения острова.

Особенно актуальными являются вопросы геологии. Чрезвычайно интересно выяснить, например, есть ли на острове полезные ископаемые — уголь, о котором сообщает д-р Арнгольд, посетивший остров во время плавания „Вайгача“ в 1911 году. Присутствие здесь угля имело бы огромное значение не только для наших зимовщиков, но и для заходящих сюда пароходов со значительно израсходованным в борьбе с тяжелыми льдами запасом топлива. Необходимы детальные геологические исследования, чтобы окончательно выяснить наличие ископаемых природных богатств.

Не забудем также, что в деле освоения Великого северного морского пути, представляющего актуальнейшую и важнейшую проблему наших дней, остров Врангеля может сыграть весьма значительную роль. Остров Врангеля, кроме того, — важнейшая база для будущих трансполярных воздушных сообщений. Его географическое положение дает ему значительные преимущества в этом отношении. Ведь несомненно, что со временем, при осуществлении трансполярных полетов, даже самый ничтожный клочок земли, затерянный в далекой арктике, сможет сыграть колоссальную роль как база-станция для прокладывающего себе путь в определенном направлении дирижабля.

Из года в год со все большим успехом завоевываем мы арктику — одно из весьма существенных звеньев в нашей великой социалистической стройке. „Не спортивная гонка, не империалистические авантюры, а глубокое изучение и всестороннее освоение северных земель — вот наша цель“. Яркой иллюстрацией к этим словам выдающегося знатока арктики академика О. Ю. Шмидта является и остров Врангеля, которому придется сыграть немаловажную роль в деле социалистического освоения и использования природных богатств наших северных окраин.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев. Остров Врангеля.— «Вестник Дальневосточного филиала Академии Наук СССР», 1932, № 3—4.
- Алексеев Н. Н. Плавание парохода «Совет» к острову Врангеля в 1932 году.— «Бюллетень Всесоюзного Арктического института». Л. 1933, № 3.
- Арнгольд Э. По заветному пути. (Воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в экспедициях 1910—1915 гг.). С картой. Гиз. М. 1929.
- Берг Л. С. Остров Врангеля в Ледовитом океане.— Журн. «Человек и природа». Гиз. П. 1923, № 10—11.
- Берг Л. С. Остров Врангеля.— Журн. «Торговый флот». П. 1923, № 2.
- Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.— «Записки по гидрографии», т. II (XIII), в. 2. П. 1919.
- Березкин Вл. Научная работа на острове Врангеля.— Журн. «Хочу все знать». М. 1930, № 2.
- Бочек А. Обслуживание острова Врангеля охотничье-промысловым судном.— «За индустриализацию советского Востока», 1932, № 9.
- Бер К. Несколько слов по поводу новооткрытой Врангелевской Земли.— «Известия Русск. Геогр. общ.», 1868, т. IV, в. VII.
- Визе В. Ю. Земля Андреева. С двумя историческими картами. Сборник статей «Arctica», книга I. Изд. Вс. Арктического института. Л. 1933.
- Виттенбург П. В. Об открытии верхнетриасовой фауны на Земле Врангеля. Докл. Академии Наук СССР, 1930, № 11.
- Врангель Ф. П. Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. СПб. 1841. В двух томах.
- Войтинская Н. В. В кольце льдов. Три года на острове Врангеля. С рисунками. Изд. «Красная газета». Л. 1930.
- Гельвальд. В области вечного льда. История путешествий к северному полюсу. СПб. 1884.
- Гельмерсен Л. К вопросу об открытии Врангелевой Земли.— «Известия Русск. Географ. общ.», 1876, т. XII, в. VI.
- Гильдер В. Во льдах и снегах. В переводе В. Мойнова. СПб. 1886.
- Давыдов Б. В тисках льда. Плавание ледокола «Красный Октябрь» на остров Врангеля (со вступительной статьей Е. Шведе «История острова Врангеля»). Л. 1925.
- Давыдов Б. Материалы для изучения Северного Ледовитого океана от мыса Дежнева до р. Колымы, собранные в 1910 и 1911 гг. гидрограф. экспедицией Сев. Ледовитого океана. СПб. 1912.
- Евгенов Н. Плавание корабля «Карлук» и его трагический конец. Перевод с англ. рассказа участника экспедиции на корабле «Карлук» Эрнеста Чейфа.— «Записки по гидрографии», т. XVII. П. 1923.

- Званцев К. Зимовка (с рисунками). Изд. „Молодая гвардия“. Л. 1934.
- Кальянов. Отчет о геоморфологических работах в рейсе ледокола „Литке“ к острову Врангеля в 1929 году. „Труды Гос. Океанографического института. 1934, т. IV, в. 2.
- Красинский Г. Д. Пути Севера (Северные воздушные экспедиции 1927 и 1928 гг. Остров Врангеля и первый ленский рейс). Изд. Осоавиахим. М. 1929.
- Красинский Г. Д. На советском корабле в Ледовитом океане (гидрограф. экспедиция на остров Врангеля). Изд. НКВД. М. 1925.
- Лавров А. Экспедиции СССР и САСШ по оказанию помощи „Ставрополю“ и „Нанук“. (С 1 рис. и картой). „Морской сборник“ № 1. Л. 1930.
- Лухт и Бобров. Год на острове Врангеля (сев. воздушные экспедиции) Изд. „Работник просвещения“. М. 1929.
- Лухт Э. М. Полет на остров Врангеля. Воздушные пути Севера. (С 4 рис.). Сборник статей, посвященных вопросам освоения Севера. Изд. „Советская Азия“. М. 1933.
- Назаров К. флоре острова Врангеля.—„Труды Гос. Океанографического института“, т. III, в. 4, 1933.
- Неупокоев К. К. Материалы по лоции Сибирского моря.— Приложение к „Запискам по гидрографии“, т. XVI, 1922.
- Обручев С. К. Орографии острова Врангеля.— Сборник „Arctica“ № 1. Изд. Вс. Арктического института. 1933.
- Обручев С. На самолете в восточной арктике (с рисунками и картой). Изд. Вс. Арктического института. Л. 1934.
- Островский Б. Г. Советская Арктика. С предисловием проф. В. Ю. Визе и с рисунками. Обл. изд. Л. 1931.
- Рихтер З. У белого пятна. Экспедиция ледореза „Литке“ на остров Врангеля. (С 3 таблицами иллюстраций, портретами и картой). Изд. „Федерация“. М. 1931.
- Рабо Ш. и Виттенбург П.— Полярные страны. 1914—1924. С рисунками, картами и таблицами. Л. 1924.
- Савранский Б. Три полярных ночи. Очерк, посвященный зимовкам на острове Врангеля. ОГИЗ. Л. 1934.
- Салищев К. А. Остров Врангеля и его карты. (С одной картой). Сборник „Arctica“ № 1. Изд. Вс. Арктического института. 1933.
- Слепнев М. Т. Из опыта полярных полетов. Розыски американских летчиков. (С 6 рис. и 2 картами). Воздушные пути Севера. Сборник статей, посвященных вопросам освоения Севера. Изд. „Советская Азия“. М. 1933.
- Соколов А. Материалы по лоции Сибирского моря. (Отдельный оттиск из „Записок по гидрографии“, т. LV). Изд. Гидрографического управления. Л. 1929.
- Соколов А. За ледяной стеной (Остров Врангеля). С 7 рис. и 3 картами. М.—Л. 1929.
- Толмачев И. П. Заметка о геологии острова Врангеля и острова Геральда.— „Известия Академии Наук“. VI серия, т. VI, 1912.
- Ушаков Г. А. Робинзоны острова Врангеля. (С рисунками). Гиз. М., 1931.
- Шведе Е. Американская экспедиция на остров Врангеля.—„Морской сборник“ № 9. Л. 1924.

- Шведе Е. Е. История открытия и завоевания острова Врангеля. „Красный флот“, № 10, 1924.
- Шведе Е. Остров Врангеля. „Морской сборник“ № 9. П. 1923.
- Шмидт О. Б. О заслугах барона Ф. П. Врангеля по открытию Врангелевской Земли.—„Известия Русск. Географ. общ.“, т. XIX, в. 1, 1883.
- Шокальский Ю. М. Данные об острове Врангеля. „Известия Русск. Географ. общества“, т. XLVI, в. 1. 1924.
- Краткий исторический очерк гидрографии русских морей.—„Записки по гидрографии“, XVII, 1896.
- Muir S. The cruise of the Corwin. Journal of the Arctic Expedition of 1881, in search of De-Long and „Jeannette“.—Boston 1917.
- Hooper C. L. Report of the cruise of Thomas Corwin in the Arctic Ocean, 1881.—Washington 1896.
- Petermanns A. D. Mitteilungen aus Justus Perthes Geogr. Anstalt. Преимущественно выпуски: 1868, 1869, 1871, 1877, 1879, 1881 и 1882 гг.
- Rosse J. C. The first landing on Wrangel island with some remarks on the northern inhabitants.—Journ. Amer. Geogr. Soc., vol. 15, 1883.
- Stefansson W. The friendly Arctic. 1921.
- Stefansson W. The Adventure of Wrangel Island. New-York 1925.
- Ile Wrangel. Les prétentions canadiennes.—„La Géographie“. XVI. No 1. 1924.

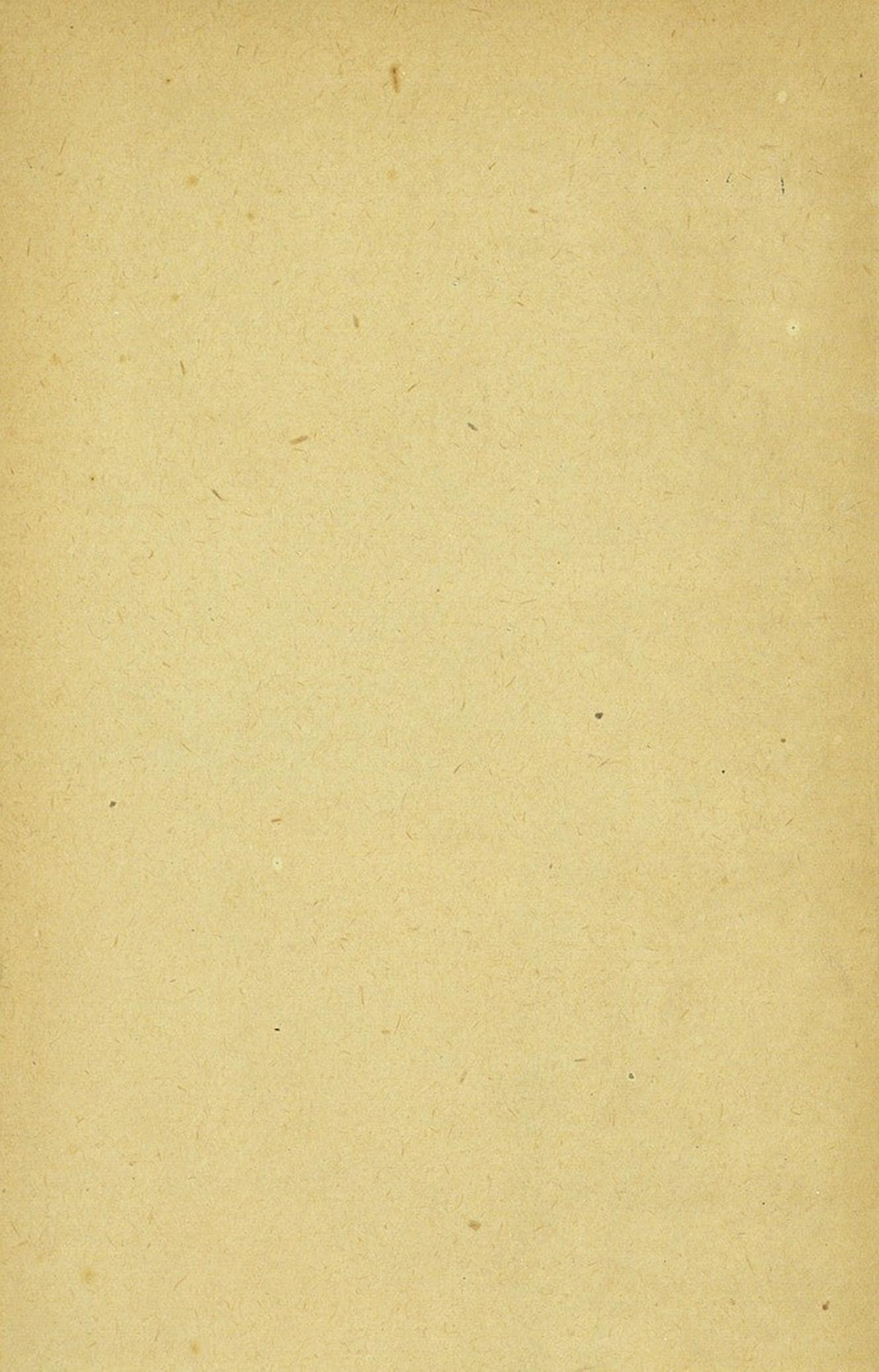
ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ	3
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ .	7
В поисках неведомой территории	—
Открытие острова	20
Первые советские исследования	33
Остров Врангеля — постоянное местопребывание советских зимов- щиков	40
ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	69
ЛИТЕРАТУРА	85

Редакт. *М. С. Державич*. Техред. *А. И. Филева*. Корректурa *А. А. Веселовской*.
Уполн. Севкрайлита № 878. Огиз № 733. Инд. Эк — 5в. Тираж 5000. Формат
62 × 94¹/₁₆. Печ. л. 57⁷/₈, бум. л. 21⁵/₁₆, зн. в бум. л. 96512, авт. л. 6,48. Сдано
в типографию 7/X 1935 г. Подписано к печати 19/XI 1935 г. Заказ № 2392.

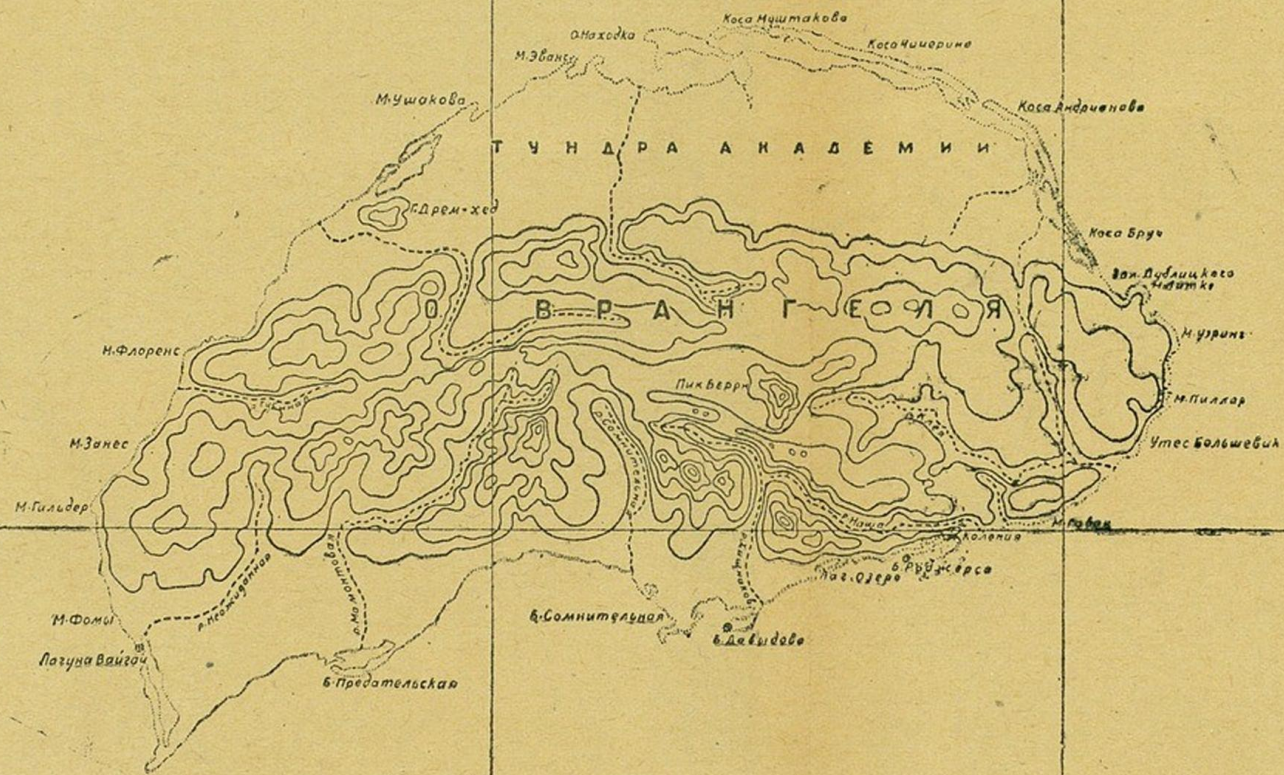
Цена 1 р. 30 к. Переплет 80 к.

Тип. „Северный Печатник“ УМП Севкрая, Вологда, ул. К. Маркса, 70.

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Мащтаб 1:1000000

О Геральде

2 р. 10 к.